

Византизм
М.Т.Полянская
Быт и нравы
А.А.Чекалова

ВИЗАНТИЯ: БЫТ И НРАВЫ

*М. А. Поляковская
А. А. Чекалова*

*ВИЗАНТИЯ:
быт
и нравы*

*Издательство
Уральского
университета
1989*

ББК ТЗ(0)44
П542

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Издательства Уральского университета

Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы.
Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 304 с.

Монография написана на материале текстов византийского времени — исторических сочинений, хроник, речей, трактатов, писем и других свидетельств современников. Используются бытовые реалии византийских фресок, мозаик, книжных миниатюр, остатки материальных памятников, обнаруженных при археологических раскопках, экспонаты различных музеев.

Книга предназначена историкам-медиевистам, может быть интересна широкому кругу читателей.

Научный редактор — канд. ист. наук *Г. Е. Лебедева*

Рецензенты:

доктор ист. наук, профессор *Э. И. Соломоник*;
доктор ист. наук *Р. Г. Пихоя*;
Институт истории и археологии УрО АН СССР

П 0503010000-15
182(02)-89

ISBN 5-75-25-0015-X

© Издательство Уральского университета, 1989

Предисловие

История многообразна в своих проявлениях. Это и человеческий труд, и взаимоотношения людей в процессе труда. Это становление и гибель государств, войны во имя спасения родины или ради захвата чужих земель, борьба против несправедливости и жестокости. История — это водяное колесо и паровая машина, меч и плуг, пещерная стоянка и дворец, наскальное изображение и рукописная книга. Мысль, воплощенная в слове трактата, чувство, застывшее в поэтической строке или в крюковом знаке, — это тоже история.

В центре исторического процесса во всех его проявлениях — производстве, политике, идеологии, культуре — стоит человек. Он является творцом истории, им движимы революционные перевороты в общественной жизни, в технике, в познании микро- и макрокосма. Все, что создано в мире, есть результат работы рук и мысли человека. История в целом — это судьба живого организма, именуемого человечеством.

Историки, исследуя прошлое, обращаются к различным сторонам жизни минувших поколений. Ученые исследовали проблемы социальной структуры, классовой борьбы, политических столкновений, общественной мысли различных народов и разных эпох. Меньше написано о бытовых реалиях, о нравах людей, живших в отдаленное от сегодняшнего дня время.

Наряду с эпохальными событиями в истории людей — революциями, переворотами в науке, открытиями новых земель — всегда существовало то, что мы называем повседневностью. Люди ели, пили, одевались, работали, ходили в гости, каждый по-своему проводил досуг. Все это можно вслед за знатоком средневекового русского

быта И. Забелиным назвать «жизнью-бытием отживших поколений»¹, и это тоже проявление истории.

Не разглядев этого житейского бытия, нельзя познать исторический процесс в целом, поскольку человечество не делится на тех, кто ест, пьет, работает, развлекается, и тех, кто творит историю. В движении исторического процесса участвуют так или иначе все живущие на Земле. Тем более, что для самого человека (можно судить по собственному опыту) неуловима та граница, где кончается повседневность и начинается история. Без исследования быта и нравов людей в конкретной стране в конкретное время нельзя проникнуть в смысл политики и идеологии эпохи². Позволим себе еще раз обратиться к мысли И. Забелина, отметившего, что «домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни общественной и политической или государственной... мелкие мелочи старой жизни кладут краски и тени в наших представлениях об историческом быте народа, образуют, если можно сказать, колорит в исторической картине...»³.

В повседневности человека окружали вещи. В течение одной человеческой жизни они мало менялись, но быт людей разных эпох имеет много своеобразных отличий. Не случайно мы говорим об истории костюма, истории мебели, истории посуды...

Как бы ни менялась жизнь человека, связь времен очевидна. Приобретая новые внешние формы, вещи выполняли и выполняют в жизни человека те же функции, что и в давние времена. Это делает сравнения особенно привлекательными. Часть наших вещей живой нитью связывает нас с далекими и, оказывается, столь близкими эпохами.

Очень устойчива и человеческая природа. Под влиянием социальных процессов, уровня цивилизации меняется человек, его поведение, увлечения, вкусы. Другими становятся с течением времени его нравственные оценки, нормы поведения в быту и обществе. Человек создает культуру и создается культурой. В обычаях и нравах определенной эпохи закрепляется общественная психика, порожденная общественными отношениями. Но в то же

время — в своей основе — человеческая природа удивительно устойчива.

Наше внимание к реалиям давно минувших дней не просто праздное любопытство, удовлетворение от познания исчезнувшего, но и интерес к нашему прошлому, к далекой истории живущих в двадцатом веке. Может быть, это и извечное тяготение к юности — юности человечества, нашей юности. И ничто не может быть интереснее для человека, чем сам человек.

У абстракции есть преимущество обобщения, объединения черт тысяч явлений, событий, вещей. Абстракции позволяют выявить законы развития человеческого общества, общественно-экономической формации, эпохи. Реалии же делают прошлое живым, близким, осязаемым, они создают то, что называют «ароматом эпохи».

Старые вещи, хранящиеся в семье, — солдатская фуражка отца, бабушкина шаль, деревянный сундучок с инструментами прадеда-сапожника или чудом сохранившаяся надтреснутая сервизная чашка, из которой пила прабабушка, — порой острее и ярче воссоздают ушедшее, чем сотни общих слов. То, что можно увидеть своими глазами, мгновенно оживляет, ярко высвечивает прошлое. Реальная ситуация, относящаяся к конкретному человеку, имя которого известно, вызывает видимый образ, в то время как абзац текста, рассказывающий, предположим, об излюбленных развлечениях людей средневековой эпохи, может остаться десятком строк, несущих информацию.

На страницах этой книги много имен конкретных людей — от императоров до простых, безвестных ныне людей. Они названы не с целью дать характеристику тому или иному «персонажу» исторического процесса, а с тем, чтобы «населить» повествование людьми, не просто рассказать о каком-либо обычае, развлечении, зрелище, но «одушевить» его.

Каждая эпоха имеет свои материальные и духовные параметры измерения, по которым сразу отличишь античность от средневековья, эпоху Возрождения от нового времени. В книге речь идет об одной из средневековых стран — Византии.

Понятие «средние века» ассоциируется чаще всего с историей стран Западной Европы. Рыцарские турниры, выступления жонглеров, крепости и готические соборы,

крестовые походы, восстания жаков против сеньоров, ритуал вассальной присяги — вот собирательный образ средневековья, вынесенный еще из школьного курса истории. Быт Западной Европы в средние века сохранен множеством памятников материальной культуры и искусства⁴.

Византия занимает особое место среди европейских стран средневековья. Своеобразна и неповторима ее историческая судьба, ее культура. Однако богатейшая культура Византии оказалась менее изученной по сравнению с историей культуры западноевропейских стран. Сведения об этой стране не вошли в исследования и учебники по истории театра, костюма, музыки⁵. Если же появлялась в подобных изданиях лаконичная информация по Византии, то она освещала лишь ранний период жизни империи как наследницы античности⁶.

Фрагменты описания византийского быта, образа жизни ромеев встречаются на страницах исследований по византийской цивилизации⁷, но это пока лишь отдельные, хотя и выразительные, наброски к будущей картины. Много сделано здесь искусствоведами и археологами. Энциклопедией византийского быта можно считать исследование греческого ученого Ф. Кукулеса⁸. Но в этом малодоступном издании быт рассматривается вне прямой связи с византийской историей и культурой.

Композиционным стержнем книги является хронология, принцип последовательности периодов исторического развития Византийской империи. Быт, нравы, образ жизни византийцев рассматриваются в контексте эпохи: IV — начало VII века — время перехода страны от античности к средневековью; вторая половина VII — XII век — вступление Византии в средневековье, формирование здесь феодализма и соответствующих институтов; XIII — первая половина XV века — эпоха экономического и политического упадка Византии, завершившаяся гибелью государства под ударом турецкого клинка.

Главам, освещающим быт и нравы Византии, предпослан очерк, в котором освещается характер византийской цивилизации, своеобразие ее социально-экономического и политического развития, определяется место Византии в средневековом мире, ее контакты со странами и народами Европы и Азии.

За сюжетами книги стоят свидетельства времени. Это

и византийские вещи — серебряные блюда, вазы и кувшины, золотые ожерелья, одежды, ткани, хранящиеся ныне в различных музеях мира (в том числе в Эрмитаже и Оружейной палате), и бытовые реалии византийских фресок, мозаик, книжных миниатюр. Это и те материальные памятники (или их остатки), которые получены в результате археологических раскопок на местах византийских поселений. Но преимущественно книга написана на материалах греческих текстов византийского времени — исторических сочинений, хроник, актов, судебных постановлений, речей, трактатов, писем и других свидетельств современников описываемых времен.

Хотя книга рассчитана не только на специалистов, но и на читателей широкого круга, авторы ввели в текст отсылки к источнику, из которого почерпнут факт или какой-нибудь сюжет. Для специалистов это дает возможность обратиться к греческому тексту для уточнения или новой интерпретации того или иного обстоятельства, а неискушенным в научной аргументации читателям эти указания на страницу и строку византийского сочинения, может быть, помогут ощутить полнокровное биение пульса далекого времени: да, это было — и даже есть свидетели происшедшего.

Обращение к истории культуры Византии имеет не просто сугубо академический интерес к стране, ныне не существующей. Необходимость обращения к византийским реалиям диктуется и тем, что воздействие излучаемых Византией культурных импульсов на образ жизни, политику, идеологию многих народов Юго-Восточной Европы, Передней Азии и Закавказья (в том числе и народов нашей страны) было исключительно интенсивным.

Мысль о написании этой книги возникла в ходе работы над соответствующими главами трехтомной «Культуры Византии»⁹, а также в процессе чтения одним из авторов курса лекций по средневековой культуре на историческом факультете Уральского государственного университета для студентов, специализирующихся по кафедре истории древнего мира и средних веков. Рисунки для книги выполнены выпускницей факультета И. М. Шепелевой и студентками, специализирующимися по истории Византии, Т. Новиковой и Е. Ржевской.

Глава I

ВИЗАНТИЯ

В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

Исследователи порой пишут о «феномене Византии». Однако Византия не была феноменальным явлением с точки зрения ее исторического развития. Она прошла закономерные стадии социальных изменений в рамках позднеабсолютистского и феодального обществ. Но, употребляя понятие «феномен» не в строго научном, а в более широком значении, можно говорить о живучести наследия византийской цивилизации. «Феномен Византии» проявился прежде всего в том, что влияние византийских традиций намного пережило саму Византию, прекратившую существование в мае 1453 года, когда последний оплот империи — Константинополь — был захвачен войсками турецкого правителя Мехмеда II. «Византия после Византии» — это словосочетание, употребленное в качестве названия книги румынским ученым Николае Йоргой¹, стало своеобразной формулой, широко используемой ныне в среде византинистов. Устойчивость влияния византийской культуры в широком смысле слова — идейно-политической, материальной, эстетической и нравственной — поистине достойна удивления. Преломившись в культурах других стран и времен, она напоминает свет давно угасшей звезды.

Говоря о «феномене Византии», мы имеем в виду и совершенно особый колорит византийской цивилизации, который создавался многочисленными особенностями истории страны по сравнению с другими средневековыми государствами. Отсюда реноме страны, отличной от всех других, несмотря на упомянутую закономерность общественного развития.

Своеобразие развития византийской истории и культуры определялось в немалой степени географическим

положением империи. Византия была не совсем европейской, но в то же время и не восточной страной. Египет, Сирия, Палестина, часть Армении, Малая Азия, входившие в состав империи, не могли не оказывать воздействия на формирование общественных институтов и культуры страны в целом. Импульсы восточного влияния были несомненными, но не определяющими. На европейской части империи — территории между Черным, Мраморным и Эгейским морями — господствовали греко-римские традиции. Взаимопроникновение европейской и восточной культур придает византийской цивилизации весьма специфический колорит.

Столица империи Константинополь, раскинувшаяся на стыке двух континентов — Европы и Азии, — наиболее яркое воплощение этого своеобразия. Расположенный на Босфорском мысе, город омывался водами Босфора, Пропонтиды (Мраморного моря) и залива Золотой Рог.

Особое географическое положение Константинополя на морском пути из Черного моря в Средиземное через проливы Босфор и Дарданеллы позволило ему в течение довольно долгого времени осуществлять контроль над средиземноморской торговлей. Значение «золотого моста между Европой и Азией» (К. Маркс) упрочивало влияние Константинополя.

После утраты Византией многих своих провинций и сокращения территории страны до небольшого европейского района, Константинополь стал олицетворять собой всю империю. Потеряв свою влияние в морской торговле и уступив здесь место Венеции и Генуе, Константинополь продолжал оставаться мегалополисом (так называли его византийцы), но это уже была голова без тела. Утратив в силу создавшейся в XII—XIII веках политической ситуации на Средиземноморье свой статус, который в значительной степени определялся и особым географическим положением, Константинополь по инерции еще сохранял свой апломб, но авторитет столицы был уже отблеском прежнего величия.

Итак, хотя по своему географическому положению Константинополь, казалось бы, был близок к таким средиземноморским портам, как Генуя или Венеция, он, в отличие от этих городов-государств, имевших небольшую округу, был в ранний период столицей огромной империи. После утраты большинства территорий и положения ли-

дера в морской торговле, Константинополь не приобрел для оставшейся европейской части империи значения Лондона или Парижа, поскольку он не стоял на соединявшей внутренние районы страны реке².

Оставаясь во все века мегалополисом, Константинополь играл определяющую роль в политической истории империи. В отличие от многих европейских государств, время от времени менявших резиденции правительства, Константинополь был единственной и непререкаемой столицей от начала до конца существования Византии. Если Париж стал столицей Франкского государства только в конце X века, после выдвижения рода Робертинов, а Мадрид возвысился как центр всей страны лишь во второй половине XVI века, при Филиппе II, сменив прежние столицы — Вальядолид и Толедо, то продолжительность жизни Византийской империи можно измерить по сроку жизни Константинополя — с 11 мая 330 года, когда произошло провозглашение столицы (день 11 мая во все века был для византийцев одним из главных праздников), до 29 мая 1453 года — дня завоевания города турками.

Особое место Византии в средневековом мире долгое время (до IX—X веков) определялось тем, что это было единственное в Европе государство, имевшее высший статус империи. Когда Карла Великого, короля франков, проводившего активную политику по созданию огромной монархии, перестал удовлетворять титул короля, при ахенском дворе обсуждались различные возможности повышения его титулатуры (один из предлагавшихся вариантов — *dominus terrae*, господин земли). Карл не осмеливался на реализацию идеи провозглашения Франкского государства империей до тех пор, пока византийский престол не заняла женщина — Ирина, вдова Льва IV. Франкская империя просуществовала недолго — с 800 по 843 год, когда по Верденскому договору она распалась на три государства, давшие начало существованию Франции, Германии, Италии. Новой соперницей Византии с 962 года стала провозглашенная Оттоном I Священная Римская империя германской нации, но нитями «кровного родства» со старой Римской империей была связана именно Византия, но никак не Германия.

Начальные страницы византийской истории связаны с происшедшим в 395 году разделом доживающей по-

следние дни Римской империи на две части, на два отдельных государства. Западная Римская империя со столицей в Риме просуществовала недолго — до 476 года, когда последний ее правитель Ромул Августул был свергнут с престола. История Восточной Римской империи со столицей в Константинополе длилась немногим более тысячи лет, сохраняя статус наследницы Рима. Официально она называлась Империей ромеев (то есть Римской империей); после ее гибели с легкой руки итальянских гуманистов, стремившихся разграничить историю блистательного с их точки зрения Древнего Рима и более поздней Восточной Римской империи, последнюю стали называть Византией (древнее мегарское поселение, находившееся некогда на месте Константинополя, имело название Византий).

Империя ромеев, в отличие от других европейских стран, на пороге средневековья являла собой прочное государственное образование с сильной центральной властью, оформленным правом, слаженной бюрократической машиной и армией. В то время как король франков времен Меровингов носил льняную рубашу и ездил во дворец на телеге, запряженной волами, византийский император в златотканых одеждах, украшенных редчайшими драгоценными камнями, предстал взором придворных и иностранных послов в тронном зале, где стены сияли позолотой и слышалось звучание органа. В X веке придворный церемониал, став еще более пышным и помпезным, достигал своей цели — произвести впечатление на иноземцев. Один из них описывал его так: «Перед троним императора стояло бронзовое позолоченное дерево, на ветвях которого сидели птицы разных пород, тоже из бронзы с позолотой, певшие соответственно своей птичьей породе на разные голоса. Трон императора был так искусно построен, что одно мгновение он казался низким, в следующее — повыше, а вслед за тем возвышенным. Этот трон как бы охраняли необыкновенной величины львы, не знаю, из бронзы или из дерева, но позолоченные. Хвостами они били по полу, разевали пасть, и, двигая языком, издавали рычание... при моем появлении зарычали львы, защебетали птицы, каждая на свой лад... когда, склонившись пред императором, я в третий раз отвешивал поклон, то, подняв голову, увидел его, кого только что видел сидящим на

небольшом возвышении, сидящим теперь чуть ли не под потолком зала и одетым в другие одежды» (Лиутпр. Антапод., VI, 5).

Представления современников о величии Византии поддерживались не только чисто внешними эффектами. В Византии господствовала политическая концепция, возникшая в ранний период и окончательно оформившаяся позднее, в основе которой была заложена идея особой предназначенности империи, принявшей на себя миссию великого Древнего Рима. Выдающаяся роль Константинополя — второго Рима не вызывала сомнения у ромеев. Сохранившиеся до наших дней сотни византийских сочинений повторяют звучащие в унисон словословия в адрес империи и ее главы — василевса, которому предопределено владычествовать в мире³. Константинополь — второй Рим провозглашался богоспасаемым городом: если древний Рим погиб, то новый Рим надежно защищаем рукой божьей. И даже когда Византия переживала в конце своей истории каждодневную угрозу турецкой экспансии, концепция второго Рима не только не угасла, но, пожалуй, еще более настойчиво проводилась в жизнь. Для ее воплощения риторы находили самые эффектные слова и цветистые словесные обороты. Идея второго Рима являлась составным элементом официальной политической концепции ойкуменизма, по которой Византия была центром православного мира, а Константинополь был «оком и центром земли». Императорские грамоты называли василевса главой народов всей ойкумены, а константинопольского патриарха — отцом всех христиан. Византийцы в силу этого осознавали себя особым, избранным свыше народом, а остальных называли варварами. В последний век жизни империи, в условиях грозящей опасности, эта концепция, отражая надменную великодержавность, была уже не более чем соломенным щитом. Но в целом эта гордая самооценка, эта сохраняемая в течение тысячи лет величественная «осанка» империи не могла не производить впечатления на окружающий мир.

Одно из доказательств весьма высокого политического реноме Византийской империи — то значение, которое придавалось в других странах заключаемым с членами византийского правящего дома династическим бракам. К примеру, если брак франкского короля Генриха I

(1031—1060) из рода Капетингов с русской княжной Анной Ярославной был честью для франков, то брачный союз Владимира I Киевского и Анны, порфирородной сестры византийского императора Василия II (976—1025), несмотря на то, что он был заключен в очень сложный для империи политический момент, несомненно поднимал значение международного авторитета Руси. Родство с византийским императорским домом всегда было престижным. Даже заключенный уже после гибели Византии династический брачный союз между великим князем Московским Иваном III и Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, дал основание русскому государству поднимать авторитет Москвы в православном мире как наследницы Константинополя, как третьего Рима.

Средневековый мир вплоть до захвата Константинополя турками сохранял представление о Византии как средоточии роскоши и блеска. Существовало мнение, что две трети всех богатств света сосредоточены на Босфоре и только одна треть приходится на остальной мир. Пышный церемониал двора, роскошные миссии византийцев в другие страны, великолепные изделия константинопольских ювелиров и специалистов по златоткачеству поддерживали эти убеждения. Приношения византийцами богатых даров — шелковых одежд, драгоценных камней, серебряных чаш, редкостных ювелирных изделий — было нормой византийской дипломатии. Щедрость василевсов преследовала определенные политические цели и, как видно из свидетельств представителей других народов, она достигала их. Императорские хрисовулы — златопечатные грамоты — писались порой золотыми или серебряными чернилами, достигали длины нескольких метров, украшались миниатюрами и золотой печатью, подвешиваемой или передаваемой иностранному послу вместе с грамотой. Они также были средством международной пропаганды идеи величия и блеска империи. Даже рассказы участников IV крестового похода в записи французских хронистов начала XIII века Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари о несметности богатств, захваченных в Константинополе, Фессалонике, Серрах и других городах, служили своего рода рекламой богатству Византии.

Итак, современники признавали величие, мощь и ве-

ликоление Византии. Эти представления об особом месте империи в средневековом мире сознательно и настойчиво поддерживались самими византийцами.

Какова же была реальность? В чем своеобразие социального, исторического развития страны, каковы основные этапы этого развития? Что общего и различного в социальной истории Византии по сравнению с другими европейскими странами?

Ранний период в истории империи исследователи называют по-разному (позднеантичный, дофеодальный, период генезиса феодализма), но чаще всего — переходным. Этот период, охватывающий время с IV до начала VII века, является позднеабсолютным. В нашей книге он назван в ключе метафоры — закат античности (глава II).

Для аграрной истории ранней Византии характерно наличие крупного независимого землевладения, значительного слоя мелких земельных собственников и крестьянской общины, верхушку которой составляли крестьяне более высокого достатка. Поскольку страна имела преимущественно горный ландшафт, наличие каменистых почв с неширокими плодородными долинами не способствовало образованию монолитных земельных комплексов⁴. Крупные землевладельческие хозяйства, в отличие от западноевропейских латифундий, бывших едиными хозяйственными организмами, ориентировались на сдачу земли в аренду мелкими участками. Античное муниципальное землевладение постепенно приходило в упадок.

Крестьянские общины в ранней Византии носили различный характер, но соседская община, которой было присуще полное право частной собственности крестьян на пахотную землю, была наиболее распространенным типом крестьянского сельского поселения⁵. Община-митрокомия на долгое время останется основной хозяйственной ячейкой. Каждая митрокомия имела своего старосту и выполняла совместные работы⁶.

Такая форма зависимости, как колонат, столь распространенная в Западной Римской империи, в Византии носила более мягкий характер. В V веке большинство колонов было лично свободными. Появлению личной зависимости колона мешали представления античного мира, когда всякая несвобода квалифицировалась как

рабство. Колон V века был лишь держателем земли, но лично оставался независимым. Лишь в конце V — начале VI века стало появляться стремление приписать колона к земле. Приписные (энапографы или адскрипции) формировались из свободных колонов, из рабов, посаженных на землю — пекулий, а также из свободных работников крупных поместий. Энапографы отличались от свободных колонов тем, что уже не были свободными держателями земли. К началу VI века была утрачена социальная почва для укрепления мелкого крестьянского хозяйства в рамках позднеаравладельческого общества. Важнейшим результатом этого было ослабление византийской деревни, уменьшение числа сельских жителей. Это не могло не сказаться и на состоянии поместья. Почти полностью исчезла земельная собственность городской общины, существование которой было проявлением античных традиций. Представители же крупного землевладения продолжали жить в городе⁷.

Казалось бы, в сфере аграрной истории ранней Византии были те два основных элемента, которые могли бы лечь в основу новых — феодальных — отношений: крупная земельная собственность и свободное крестьянское землевладение, имеющее тенденцию к последующей утрате крестьянами свободы. Однако оба эти элемента, сформировавшиеся в эпоху поздней античности, не имели будущего. Государство и право стремились адаптировать их к уровню всей системы отношений⁸. Финансовое обложение крестьянского хозяйства со стороны государства как в период эфемерного подъема экономики, так и при последующем упадке имело четкую тенденцию к увеличению налогов, что в конечном итоге закрывало пути для упрочения мелкого крестьянского хозяйства, которое могло бы стать социальной основой процесса феодализации.

Кризис позднеантичных аграрных отношений проявился в том, что колонат был присущей лишь этой эпохе формой аграрных отношений, переходной формой, не имеющей основы для долгой жизни. Его нельзя считать в прямом смысле слова проявлением раннефеодальной зависимости⁹.

Одновременно с тенденцией исчезновения колоната начинается с VII века исчезать и крупная земельная собственность городского типа. Та зависимость деревни от

1. Византийские крестьяне. Сцены работы на подсолнечниковом поле. По миниатюре XI века, Париж

города, которая характерна для античной эпохи, ушла в прошлое. С VII века деревня освободилась от власти городских землевладельцев.

Что касается судеб ранневизантийского города, то античная — полисная — основа его несомненна. По характеру собственности и организационным формам византийские города IV—VI веков были преемниками римского общества. Античное происхождение имели как балканские, так и малоазийские города. Благополучие города покоилось на его земельной собственности. К территории города были приписаны земли крестьян-общинников. Городское землевладение было источником коллективных доходов общины-полиса.

Ранняя Византия была страной городов. В эту эпоху насчитывается более тысячи городов-полисов с населением от одной до трехсот тысяч жителей, т. е. приблизительно четверть всего населения империи жила в городах¹⁰.

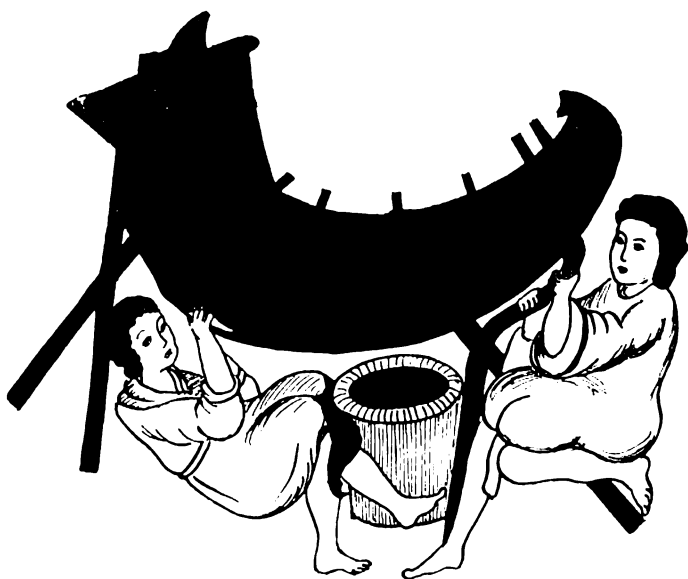
Малые византийские города с конца V века пережили кризис на фоне экономического спада в деревне. Часть их ремесленно-торгового населения мигрировала в крупные города, часть оседала в деревне. Крупные же города в IV—V веках находились в состоянии подъема, определявшегося как ростом крупной земельной собственности, переселением сюда ремесленников и купцов из малых захиревших городов, так и административными переменами, сделавшими города центрами провинций, средоточием администрации, а также центрами обороны.

Социальная структура мегалополиса — Константинополя в ранневизантийское время отражала как типичные отношения позднеантичного общества, так и особое положение города¹¹. На высшей ступени социальной лестницы находились аристократы-сенаторы. В отличие от римской аристократии эта группа была представлена в основном «новыми людьми», в большинстве случаев выдвинувшимися на государственной службе. Хотя отдельные сенаторы были видными политическими деятелями, в целом сенат как собрание не играл большой роли в общественной жизни страны.

В связи с усложнением городской социальной структуры одной из форм социальных связей стали партии ипподрома — димы. Городская жизнь была заполнена

шумными столкновениями партий «голубых» (венетов) и «зеленых» (прасинов), названных так по цвету плащей возниц.

Торгово-ремесленные слои города были представлены аргиропратами — ростовщиками, менялами и ювелирами, навикюляриями — судовладельцами, а также ремеслен-

2. Кораблестроители. По миниатюре X века

никами, изготавливавшими товары массового потребления (хлебопеки, башмачники, кузнецы и др.). Ремесленно-торговое население крупных городов объединялось в коллегии, которые находились под контролем государства. Низшие слои трудового населения (люмпены) кормились случайными заработками.

Долгое время в городской экономике сохранялся труд рабов. Они могли быть собственностью либо государства, либо частных лиц. Труд рабов использовался прежде всего в ремеслах и строительном деле. Большое количество рабов прислуживало в домах знати и в императорском дворце.

Большое значение в экономике ранней Византии имели города — эмпории, крупные морские порты. Однако пассивный характер внешней торговли создавал неустойчивый рынок труда. Во время навигации, когда спрос на товар увеличивался, наемным работникам-миestiaм широко предоставляли работу, но зимой они превращались большей частью в деклассированную массу¹².

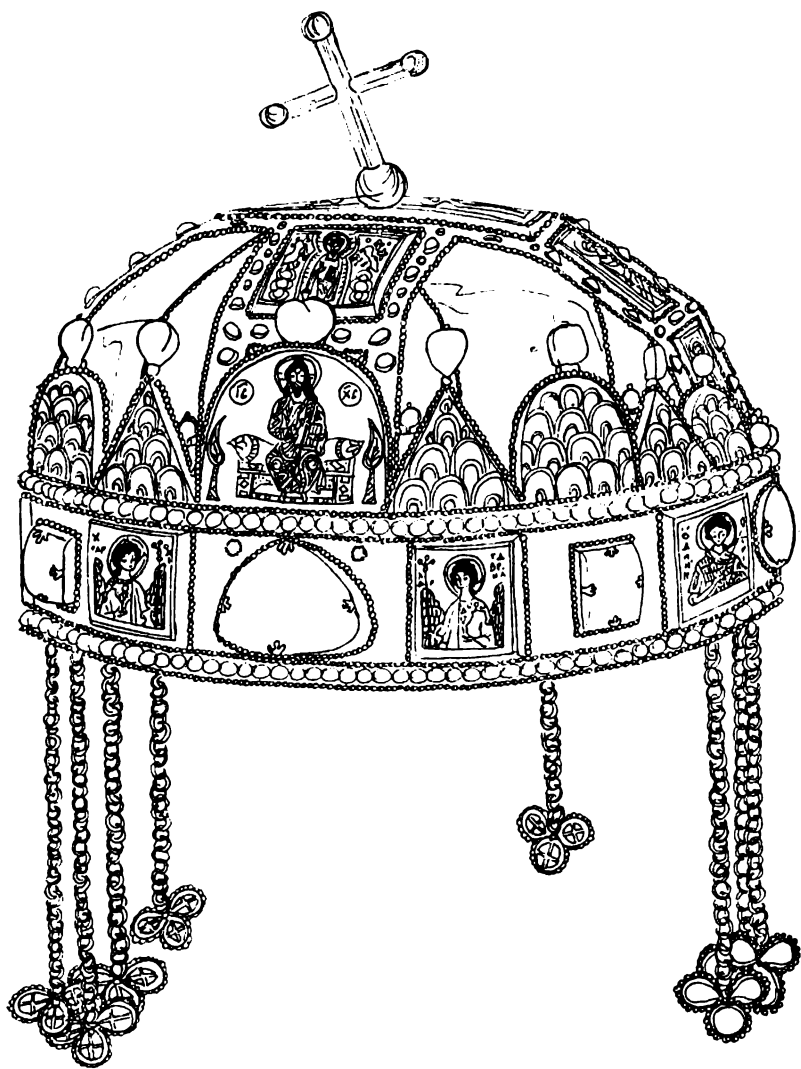
Развитие городов-эмпориев на фоне общих традиций античного ремесла и торговли создавало потенциальную возможность для приближения византийского феодализма к общественному укладу итальянских городов-государств («венецианский» путь развития)¹³. Однако эта тенденция не была реализована.

Следующий большой период в жизни Византийской империи, охватывающий VII — начало XIII века, в нашей книге представлен как византийское средневековье (глава III). Следуя традиционной социальной терминологии, в этом большом периоде выделены два этапа: с VII до середины IX века — время генезиса феодализма; вторая половина IX — начало XIII века — утверждение феодальных отношений в империи.

VII век считается переломным в истории Византии. Социальный смысл этого переломного состояния заключался в окончательном крахе рабовладельческого строя. После VII века источники уже не упоминают о колонах. Фактическое исчезновение колоната взаимосвязано и с исчезновением прежней городской крупной земельной собственности.

Начиная с VII века основной хозяйственной ячейкой в сфере аграрных отношений становится община, вступившая в средневековье с уже сложившимися генетически формами собственности. То самоуправление, которое уже имело в общине ранневизантийского времени, было упрочено позднее воздействием славянской общины. Однако славянское влияние не было определяющим — «переход к феодальным отношениям в Византии совершился в основном вполне самобытно»¹⁴.

Особенностью генезиса феодальных отношений в Византии было то, что унаследованные античные элементы проявились не в сохранении и развитии крупной земельной собственности, а в укреплении деревни. Это можно

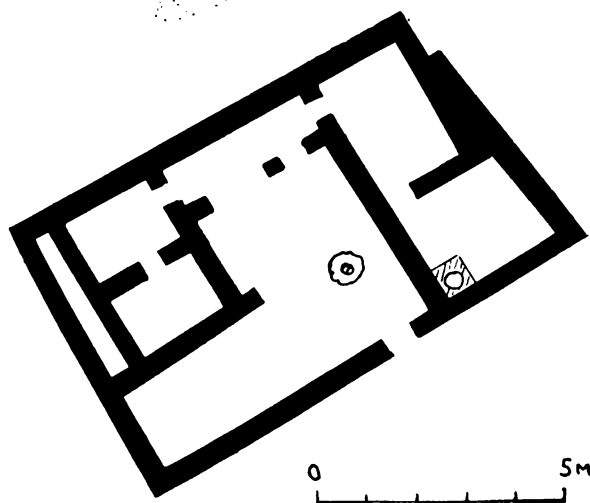
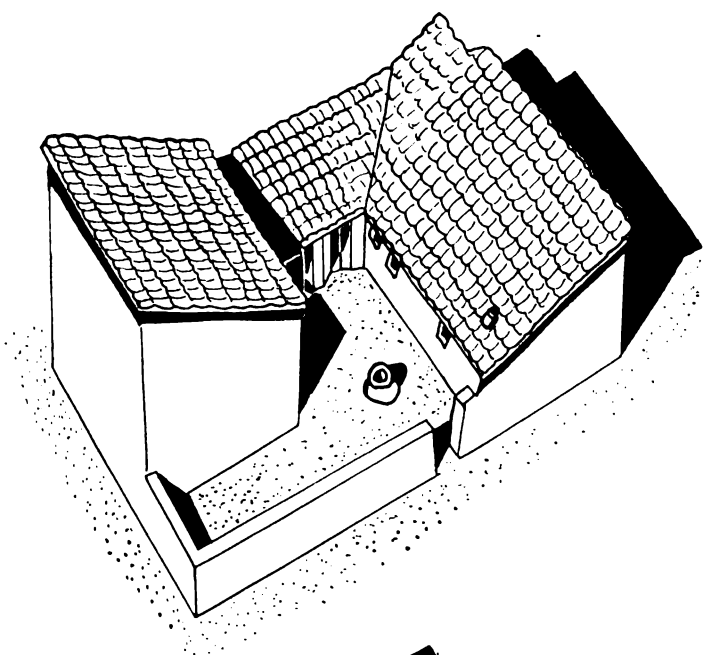
3. Византийская корона. XI век, Будапешт

считать важнейшим итогом развития социальных процессов в VII—VIII веках.

Слабость крупного землевладения ранневизантийского периода обусловила затяжной характер процесса формирования феодализма. Свободная крестьянская собственность будет сохраняться в Византии в течение длительного времени, в отличие, к примеру, от Франкского государства, где господство свободной крестьянской собственности — аллода продолжалось не более полутора столетий¹⁵.

Отсутствие в Византии монолитного эксплуататорского класса значительно осложнило протекание процессов, характерных для периода генезиса феодализма. Тенденцией общественного развития, начиная с VII века, являлось становление провинциальной землевладельческой знати. Это определяло для Византии возможность различных путей феодализации, в зависимости от того, какая из прослоек собственников возьмет верх. Один из них, связанный с инициативой провинциальной знати, должен был привести к состоянию феодальной раздробленности («каролингский путь»). Другой возможный для Византии путь повел бы, как уже отмечалось, к укреплению константинопольского патрициата и созданию городской республики («венецианский путь»). Наиболее острой борьба за путь развития феодализма была на рубеже VII—VIII веков и в период иконоборчества. Развернувшаяся в империи борьба против икон была в значительной степени идейно-политическим результатом противостояния столичной бюрократической и провинциальной землевладельческой знати. Обострение классовой борьбы закрепощаемого крестьянства привело к временному затуханию борьбы внутри господствующего класса¹⁶.

VII—IX столетия были для византийского города «темными веками». Ученые до сих пор спорят, умер ли античный город в этот период (дезурбанизация) или стоит говорить о некотором упадке городского хозяйства. Действительно, экономические функции города были снижены или совсем угасли (особенно в малых городах) на фоне тенденции аграризации хозяйства империи. Но крупные города выполняли функции центра товарного производства, втягивая при этом в товарное обращение и часть сельскохозяйственных продуктов, произведенных

4. Жилая усадьба Херсона поздневизантийского периода. Реконструкция Ю. Г. Лосицкого

в деревне¹⁷. Для этого периода характерно наличие городов различного типа — военных или административно-фискальных центров, епископских резиденций. Константинополь, Эфес, Фессалоника, бывшие мегалополисами, совмещали все эти функции.

Крупное землевладение феодального типа начинает активно формироваться с X века. Основой этого процесса была утрата частью общинников земельной собственности. Крупная феодальная земельная собственность формировалась в Византии не «сверху», из старой позднеантичной крупной собственности, а «снизу», на основе разложения общины¹⁸. В целом этот процесс был очень затяжным. Развитие феодальных отношений в X—XI столетиях не привело к исчезновению общины. В силу этого в ранневизантийском поместье-икосе основной рабочей силой были не зависимые крестьяне, а рабы и наемные работники-мистии. Что же касается свободного крестьянства, то его эксплуатация осуществлялась через государственную налоговую систему. Налоговый гнет со стороны государства стал одним из существенных моментов в процессе расслоения византийской деревни. Неимущий крестьянин либо продавал свой участок, либо бежал, не будучи в состоянии уплачивать налог, и впоследствии становился присельником на земле синьора-дината. Присельник (парик) постепенно становился лично зависимым от землевладельца. Другим путем к парикии могла быть длительная аренда. Поскольку в Византии крестьянин вступал в контакт с динатом, не имея своей земли, его экономическая зависимость от землевладельца была значительно большей, чем в Западной Европе¹⁹. Особенно активизировался процесс массовой утраты общинниками земли в период правления Македонской династии (867—1056). Все усилия представителей этой династии остановить процесс разрушения общины были напрасными. Феодализация Византии была уже необратима.

Византийская феодальная вотчина возникла на основе разложения общины и дифференциации свободного крестьянства. Крупные феодальные хозяйства принадлежали частным лицам, императору либо монастырям. В большинстве случаев вотчины не имели господской земли и состояли из ряда мелких деревень.

Наряду с крупной земельной собственностью безусловного характера в период расцвета феодальных от-

ношений в Византии, как и на Западе, появились и условные формы землевладения, наиболее распространенным вариантом которых была прония, пожалование земли на условии несения военной или административной службы. Однако условная собственность на землю не имела для Византии определяющего характера. Отсутствие как верховной собственности императора на землю, так и порождаемой принципом условности земельных пожалований так называемой субинфеодации (синьорально-вассальной иерархической зависимости) являются существенными проявлениями специфики византийского феодализма по сравнению с западноевропейским. Кроме того, Византия отставала от Запада по темпам и общему уровню развития феодальных отношений²⁰.

На период оформления феодализма приходится подъем византийских городов, особенно активно проявившийся в XI—XII столетиях. Оживление городской жизни было характерно как для эмпориев, так и для провинциальных центров. «Книга эпарха» — устав константинопольских ремесленных корпораций — отражает характер и условия труда представителей двадцати двух профессий. Особенностью корпораций по сравнению с западноевропейскими цехами была зависимость от городских властей, регламентировавших ремесленное производство и торговлю. На Западе же различного рода ограничения ремесленной и торговой деятельности исходили от самого цеха и служили основой создания благоприятных условий жизни и труда мастеров цеха, что в свою очередь упрочивало городское самоуправление. В Византии же деятельность профессиональных объединений определялась прежде всего не потребностями городского населения, а интересами правительства, что предопределяет отсутствие инициативы у византийских корпораций.

Позднеантичные традиции ремесла позволяли Византии сохранить значение международного торгового центра, особенно по реализации предметов роскоши. Константинопольский и фессалоникийский порты принимали множество иностранных судов. Но постепенно в сферу византийской торговли, а затем и ремесла начинает проникать итальянское купечество. Правительство поощряло его предоставлением различного рода льгот. Это

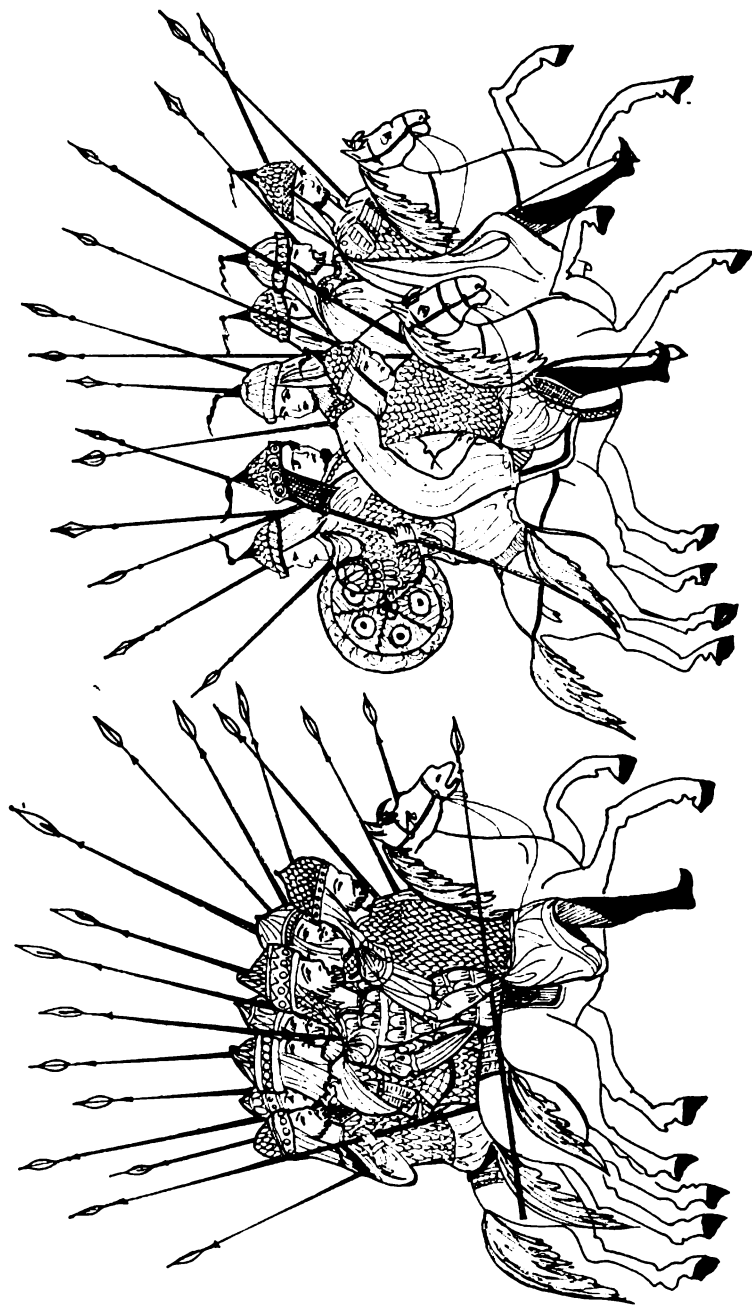
повлекло за собой неблагоприятные для империи экономические и политические последствия.

Время Комнинов (1081—1185) ознаменовано подъемом феодального хозяйства. Расцвели провинциальные города в связи с ослаблением правительством монополии Константинополя. Вторжение итальянцев в городскую экономику еще не принесло печальных результатов. Напротив, в этот период оно в какой-то степени стимулировало расширение товарно-денежных отношений.

Однако комниновский расцвет был кратковременным. В феодальной Византии стали складываться характерные для любого средневекового государства, достигшего завершения феодализации, тенденции сепаратизма. Ситуация отягощалась тем, что Комнины, сумевшие добиться изменения внешнеполитической ситуации к лучшему, стали активно усиливать налогообложение, что вело к обеднению основного налогоплательщика — крестьянина. Снизившийся в связи с этим товарообмен привел к ослаблению ремесленно-торговой активности города. Конец правления Комнинов и недолгое правление династии Ангелов (1185—1204) были временем падения могущества Византии, ставшей в 1204 г. жертвой IV крестового похода, следствием чего явилось создание на завоеванной византийской территории государства победителей — Латинской империи (1204—1261). Стремление к воссозданию империи на время заглушило тенденции к феодальной раздробленности, наметившиеся еще во времена правления Комнинов.

На правление династии Палеологов (1261—1453), восстановившей империю (в незначительных размерах), приходится последний этап византийского феодализма. В нашей книге это время определено как поздняя Византия (глава IV). Это было время активного проявления центробежных сил, хотя в полной мере периодом феодальной раздробленности его назвать нельзя. Однако ряд территорий представляли собой по сути дела владения отдельных представителей византийской знати.

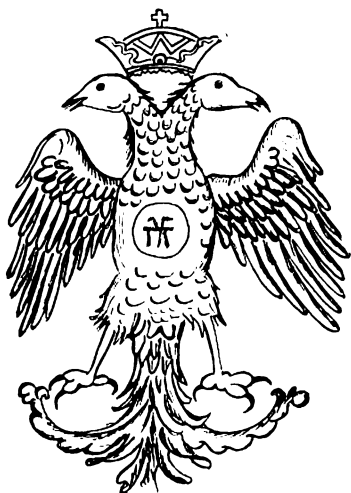
Византия эпохи Палеологов была феодальной страной при исторически сложившейся незавершенности ряда феодальных институтов. Иммуитет проявлялся преимущественно в податной форме. Феодальный класс Византии осуществлял эксплуатацию земельной собственности как на основе частно-правовой ренты, так и

5. Византийское войско. По миниатюре XIII века, Мадрид

ренты публично-правового характера²¹. Значительная часть прибавочного продукта присваивалась централизованно, через уплату налога. Ослабление государственной власти в это время усиливало активность частновладельческих отношений. В сфере аграрных отношений позднего периода можно обнаружить наличие внутренних возможностей для дальнейшего развития в рамках феодальной формации. Аграрные отношения стали доминирующими в общем балансе византийской экономики.

Город палеологовской эпохи окончательно утратил перспективу развития. В отличие от Западной Европы, где мы имеем возможность наблюдать на стадии развитого феодализма довольно прочный союз между городским сословием и королевской властью, вставшей на путь централизации, в Византии государственная власть, развивающаяся на основе преемственности, имевшая четкую систему законов, эксплуатировавшая городское население посредством налогообложения и регламентации, не испытывала необходимости в таком политическом союзнике, как ремесленно-торговые слои города. В силу этого византийское государство, в отличие от большинства западноевропейских средневековых государств, стремящихся к централизации, не создавало благоприятных условий для расцвета отечественного ремесла и торговли. В связи с общим своеобразием путей политического и экономического развития Византийской империи социальная эволюция города была направлена в сторону упрочения в нем позиций феодальной знати, что, в свою очередь, тормозило дальнейшее развитие бюргерских элементов. Поскольку характер городской собственности оставался феодальным, затруднялся процесс преобразования экономики города в сторону ее «обуржуазивания»²². На позднем этапе развития визан-

6. Герб Палеологов. По миниатюре XV века, Ленинград

тийского феодализма не обнаруживается даже слабой тенденции к перерастанию общества в новое качественное состояние.

Робкие попытки правительства ввести ограничения ввоза иностранных товаров были обречены на неудачу, ибо объем ремесленного производства в византийском городе не покрывал потребностей населения. В первой половине XIV века крупные города еще вели в достаточно емких размерах внешнюю торговлю, но предметом экспорта стали сельскохозяйственные продукты, преимущественно зерно. Даже в производстве предметов роскоши, где с византийскими ремесленниками прежде никто не мог соперничать, заметно стало отставание. Так, продукция византийских ткачей уже не выдерживала конкуренции с изысканными итальянскими тканями.

В связи с кризисным состоянием города экономика поздней Византии достигла тупиковой стадии. Здесь не могло уже сложиться каких-либо прогрессивных сил, могущих открыть перед империей новые горизонты. Состояние перманентной войны усугубило ситуацию...

Итак, проследя все этапы социального развития Византии, можно видеть, что с середины VII века она вступила на путь феодализации и последующего развития феодальных отношений. Как и в других феодальных странах, в Византии феодализм развивался на основе свободной мелкой крестьянской собственности в сторону создания крупной земельной собственности «сильных людей» — феодалов, утраты крестьянином личной свободы и эксплуатации их динатами в форме получения феодальной ренты. Действительно, по основным показателям уровня социального развития феодальная Византия похожа на другие феодальные страны. Но при всем том византийский феодализм был весьма своеобразным²³. Суммируя его специфические черты, следует выделить прежде всего следующие. В связи с затянувшейся позднеантичной стадией в условиях существования централизованного государства, адаптировавшего к позднеабсолютистскому уровню все возможные тенденции развития феодальных элементов, византийский феодализм развивался прежде всего не из метрополии, не из Константинополя, а из провинций. Не является случайным, что первые крупные антифеодальные восстания под руководством Фомы Славянина (821—823) и Васи-

лия Медной руки (932) вспыхнули в малоазийских областях империи.

Наличие двух группировок знати — константинопольской (гражданской, бюрократической) и провинциальной (военной, фемной) — позволяло византийскому государству довольно долго оставаться сильным, создавая ситуацию равновесия, позволяющую государственной власти порой быть независимой и от одной, и от другой группировки. Соперничество двух группировок господствующего класса определило для Византии возможность выбора путей феодализации: либо пути Генуи или Венеции с созданием своеобразной Константинополитании, либо пути Каролингской монархии. Наиболее острой борьба за пути развития была на рубеже VII—VIII веков. В иконоборчестве, начавшемся в форме еретического народного движения и выросшем до государственной политики в период правления династии Исауров (717—802) и начальный период правления Аморийской династии (726—843), инициативой провинциальной знати был выбран «каролингский» путь генезиса феодализма. В целом отсутствие монолитного эксплуататорского класса значительно осложнило протекание процессов генезиса феодализма.

Как проявление следующей особенности периода феодализации должна быть названа особая прочность византийской общины, родившейся на позднеантичных традициях. Затяжной в связи с этим характер раннефеодальной стадии развития привел в последующем к незавершенности и деформированности многих качеств византийского феодализма²⁴.

В частности, заметная специфика феодального развития Византийской империи проявлялась в том, что аграризация и дезурбанизация на стадии генезиса не приняли абсолютных форм. Условность собственности не носила универсального характера. Византийскому феодализму не была присуща иерархичность структуры. Преобладание публично-правовой ренты привело к жесткой эксплуатации феодального крестьянства прежде всего со стороны государства. Этап феодальной раздробленности не имел универсального характера и проявлялся в частных вариантах. Городское ремесленно-торговое население в условиях значительной зависимости от государства не смогло создать форм городского самоуправ-

ления и трансформироваться в действенную социальную силу, с которой могли бы быть связаны тенденции общественного прогресса.

Как можно заметить, многие особенности византийского феодализма были связаны так или иначе с существованием сильной центральной власти. Последнее значительно сближает Византию со странами Востока. Хотя государственный строй Византии по форме значительно отличался от государственного строя восточных монархий, сходство заключалось в значимости той социальной роли, какую государство играло в структуре общественных отношений²⁵. Разумеется, не только это определило специфику византийского варианта феодальных отношений, но фактом существования централизованного государства объяснимы многие проявления своеобразия византийского общественного организма.

Будучи в первые века существования Византийской империи опорой могущества страны, государственный аппарат с его развитой системой бюрократии со временем стал оплотом сохранения неизблемых вечных (то есть вчерашних) традиций, превратился в тормоз общественного прогресса. Стремление к тому, чтобы в государстве все оставалось неизменно, препятствовало скоординированности действий государственного аппарата с социальными потребностями страны. Обычай, традиция стали прокрустовым ложем для всего нового. Разветвленность, сложность государственного управления на проверку оказывалась мнимой. Многие должности, с которыми некогда было связано выполнение каких-либо функций, к X—XI векам превратились по сути дела в своеобразную синекуру. Высшие чиновники по преимуществу были ответственны только перед императором. Разграничения функций в чиновничьих ведомствах не было, что приводило либо к дублированию, либо к пустой праздности. Византийский государственный аппарат страдал многими болезнями, присущими бюрократии, и прежде всего — коррупцией, взяточничеством. В целом ему была присуща некая противоречивость. Казалось бы, множественность ступеней управления должна была иметь своим следствием четкость всей системы — однако обязанности отдельных чиновников (особенно — высокого ранга) были весьма неопределенны²⁶.

Противоречивость присуща также и положению импе-

раторской власти в структуре общества. Василевс, власть которого, по существовавшей концепции, считалась сакральной, казался всемогущим, однако он не мог вырваться из плена общественного мнения верхов и сложившейся традиции. Необычайно пышен был ритуал воцарения помазанника божьего, но половина византийских императоров (их список за все время существования империи насчитывает около 90 имен) лишилась престола насильственно. Даже права наследования престола в Византии по сути дела не было²⁷.

Отдельные страницы истории Византийской империи отмечены деятельностью весьма талантливых правителей. По инициативе Юстиниана I (527—565), крупного политика и дипломата, была произведена систематизация римского права; значение этого акта политики Юстиниана вышло далеко за пределы средневековья. Алексей Комнин (1081—1118) известен как дипломат и полководец, сумевший в условиях крайней конфронтации сил в балкано-дунайско-малоазийском регионе восстановить престиж империи, стоявшей, казалось, на краю гибели. Можно назвать десяток — полтора имен василевсов, проявивших себя на поле брани, на стезе дипломатии или образования. Но в большинстве случаев византийские императоры действовали с оглядкой на традицию, на привычный стереотип решения того или иного вопроса.

Римское право, кодифицированное византийцами в VI веке, оставалось действующим правом во все века существования империи. Позднейшие рецепции права на византийской почве не дали новых активных ростков, хотя юристы и правители различных веков и вкладывали в прежние законы некоторое новое содержание. В целом правосознание византийцев было отмечено печатью традиционализма.

Для византийской общественной мысли изначально присущ высокий уровень культуры. Когда Запад после эпохи переселения народов заново учился грамоте и восстанавливал утраченные церковные напевы, Византия блистала сложившимися научными и культурными школами, образованностью и довольно глубоким знанием античной литературы.

Несомненная заслуга Византии заключается в том, что она пронесла через века эллинское наследие. Во вре-

мена расцвета империи XI—XII веков, последующего разгрома и распада единого государства в XIII столетии и в поздний период византийская культура представляла собой своеобразный симбиоз христианства и античности.

Гомер и жития святых были первым чтением всех, получавших образование. В науке — астрономии, философии, медицине — ученые считали своей задачей освоить античное наследие (это уже было признаком высокой учености), а затем дать ей христианский комментарий. Просвещенный правитель Феодор II Ласкарис видел в этом работу по превращению дикой маслины в садовую²⁸.

В политической сфере этот симбиоз античного и христианского четко прослеживается в соединении концепции второго Рима и мысли о божественном происхождении императорской власти. Василевс как бы воплощал в себе идею величия Рима и принцип христианского смирения.

На византийскую литературу и искусство было плотно накинута покрывало, сотканное из переплетений нитей античного и христианского. Литераторы и ученые византийского средневековья в большинстве случаев стремились к воспроизведению сложившейся веками традиционной манере, характерной для того или иного жанра сочинения. Канон царил не только в искусстве, не только в иконографии как одном из его жанров — канон был кумиром и литературы. Разумеется, это не означает, что все византийские писатели в силу следования канону абсолютно похожи один на другого. Но порой, не зная, кому принадлежит сочинение, трудно определить по манере, по языку не только имя автора, но и время создания произведения. Умение прятать индивидуальное за традиционным считалось высшим проявлением литературного мастерства. Традиция была и эталоном, до которого нужно было дотянуться; но она была и штампом. Таким образом, сохраненная в произведениях византийцев античность со временем стала сковывать литературные формы их сочинений.

Как только христианство стало душой византийской культуры²⁹, воздействие доктрины на все ее сферы стало всепоглощающим. По мысли М. Я. Сюзюмова, воздействие доктрины и «однообразный характер идеоло-

гической мысли сделали общественный строй Византии удивительно устойчивым, но не допускали никакого самостоятельного мышления»³⁰.

Имена византийских архитекторов и живописцев в большинстве своем нам неизвестны. Поскольку творче-

7. Ученый. По миниатюре первой половины XIV века, Вена

ство рассматривалось как проявление божественного наития, как откровение, ниспосланное свыше, художник как личность, как творец исчезал, растворялся перед величием божьим.

Хотя мировоззрением и Западной Европы, и Византии было христианство, религиозные различия, подогревае-

мые во многом соперничеством Рима и Константинополя, определились довольно рано. В 1054 году произошел официальный раскол (схизма) западной и восточной церквей. Поводом для него явились некоторые богословские расхождения и прежде всего неприятие византийской церковью тезиса об исхождении святого Духа не только от бога-Отца, но и от бога-Сына («и от сына» — по-латински звучит «filioque»). Вот это «filioque» стало предметом дискуссий, длившихся до последних дней существования Византии. Если в восточной интерпретации Троицы лежит монархический принцип («Отец мой более меня»), то в западном толковании чувствуется присутствие принципа иерархии, что соответствовало всей структуре западного феодального общества³¹. Различие между западной и восточной христианской церковью, между католицизмом и православием дополнялось также их различным отношением к церемонии причащения. Православие считало необходимым использовать в акте причащения дрожжевой («живой») хлеб, который должен превратиться в ходе таинства причащения в плоть Господню. Католики же пользовались в акте причащения пресным хлебом, который, по убеждению византийцев, был мертв.

Различными были представления католиков и православных о загробном мире³². Католики полагали, что душа умершего, проходя через чистилище, попадает в рай или ад. Православие же не знало чистилища. Души умерших попадают в ад либо рай временно — до ожидаемого в неопределенном будущем Страшного суда, когда судьба душ будет решена окончательно. Временное пребывание в раю или аду определяется таможенниками, которые на границе миров взвешивают добродетели и пороки умершего.

В контакте верующего с богом православная церковь отводила больше места индивидуальному общению. У византийских богословов излюбленной темой был акт слияния с богом (деификация). На Западе посредником между верующим и богом была церковь, структура которой точно воспроизводила корпоративность общественного строя в западноевропейских средневековых странах. Корпоративности социальной на Западе соответствовала и корпоративность сознания, что для Византии характерно в меньшей степени.

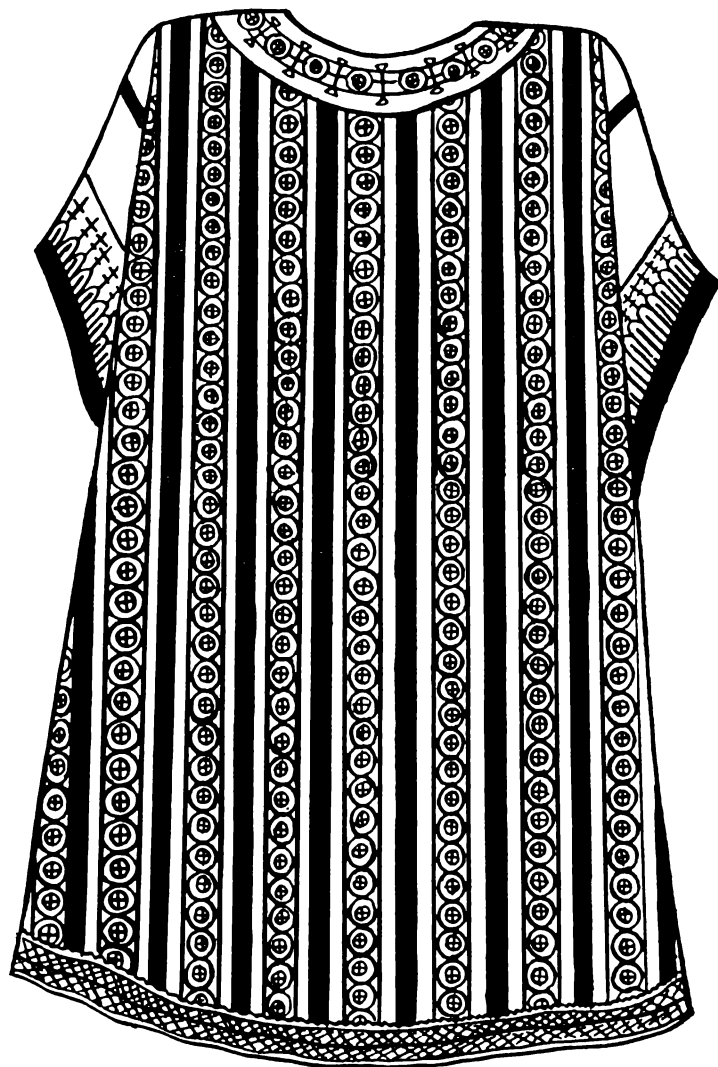
Если западное богословие, начиная с Фомы Аквинского, формально примирившего веру с наукой, строилось на принципах логики (на так называемых силлогизмах), то православие видело в отношениях верующего и бога более реальную основу. Познание бога в православном богословии возможно было, в частности, через чувства человека. Причем это были не только «духовные» чувства — любовь, скорбь, сострадание, восхищение, преклонение, но и «физические» — прежде всего зрение. В признанной истинно православной поздневизантийской мистике — исихазме (*hesychia* — покой, созерцательность) энергия бога воспринималась зрительно в виде света, излучавшегося вокруг местонахождения в теле человеческой души. Это сияние можно было увидеть только в состоянии глубокого покоя и отрешенности от земной суеты. В целом акт веры у православных был более индивидуальным, чем в католической вере.

Слияние с богом в интерпретации одного из последователей исихазма Николая Кавасилы получал привлекательное для человека мажорное звучание. Любовь являлась, пожалуй, доминирующим чувством в акте слияния с богом. Кавасила называет это состояние очарованием любви, пафосом, чарами. Не случайно деификация называлась греческим богословом гамосом (браком). Однако предощущение благодати слияния с богом, прежде чем стать индивидуальным проявлением, формировалось всеми атрибутами церковного культа. Знаком византийского искусства В. Н. Лазаревым замечено, что византиец незримо ощущал бога «в каждой частице причастия, в каждом кубике мозаики, в каждом звуке церковной песни, в каждом дуновении фимиама»³³.

В путях познания бога православие отводило значительное место человеку. Это дало основание современным ученым конфессионального направления писать о присущем византийской культуре «христианском гуманизме».

В византийском искусстве основой художественного образа является человек, человеческое лицо, человеческая фигура, в отличие от восточного искусства с его тяготением к абстрактному геометрическому орнаменту.

Икона, роднящая искусство Византии и Запада, одновременно и разъединяет их, поскольку византийская икона была «идеалом пассивной созерцательности», тре-

8. Саккос московского митрополита. 1322, Москва

говала сосредоточенности ее восприятия³⁴, приводя таким образом к индивидуальности общения с высшим миром. Перед иконой византиец был один на один с Богом, в то время как на Западе человек был скорее членом некоей общности верующих.

Беглый обзор особенностей общественного развития Византии, проявившихся в сфере непосредственного производства — городского и деревенского, а также в сфере надстройки над производством (государство, право, интеллектуальное творчество, религия), позволил начертить линию византийского общества по вертикали — от поздней античности до конца жизни империи. При построении этой вертикали были выделены отдельные проявления своеобразия Византии по сравнению с другими европейскими странами эпохи средневековья.

Попробуем эту же схему развития рассмотреть по горизонтали. Каково соотношение между уровнями развития Византии и средневекового Запада? Когда начало проявляться отставание Византийской империи по сравнению с западноевропейскими странами?³⁵

На первом этапе своей истории империя несомненно лидировала в европейском мире. Престиж ее цивилизации был в это время несомненен; культурное же развитие Западной Европы было отброшено вспять вторжением германских племен, находившихся на уровне родового строя. Меровингские правители признавали превосходство империи ромеев. Франкский автор VI века епископ Григорий Турский воспринимал Византию как мировую державу³⁶.

Во второй половине VII века Византия переживала временное замедление темпов развития в связи с переориентацией социально-экономических процессов в переходный период. Имели также значение активизация в этом районе потока переселения народов и неблагоприятная внешнеполитическая ситуация. Во Франкском государстве также шли процессы ранней феодализации. Его правители начинают воспринимать византийского императора не как отца, а лишь как старшего брата.

Когда на фоне генезиса феодализма в Византии выинулась знать провинций и с иконоборчеством ослаб интерес к античной культуре, империя подверглась значительному культурному воздействию Востока. Хотя оно имело ряд положительных последствий (бумага, араб-

ские цифры, усложнение декоративного искусства), однако глубоко не укоренилось: внимание к человеку, антропоморфность античной традиции, близкие византийской христианской культуре, снова восторжествовали³⁷.

К IX веку Византия обрела некоторую стабильность — переходный период был позади. Византийская культура и политический апломб империи все еще были привлекательны для Запада. В пору Каролингского Возрождения был очевиден интерес к греческой философии. Карл Великий (768—814) поощрял изучение греческого языка. Однако уже во времена Карла была осознана возможность соперничества франкского императора с византийским и даже превосходство первого. Эйнхард, автор жизнеописания Карла Великого, приписывал византийским императорам такие качества, как подозрительность, зависть к франкской мощи, мелочность. Для Карла же, по Эйнхарду, характерны великодушие, настойчивость, уверенность в себе³⁸. Когда при Людовике Благочестивом в 826 году в Ахенском дворце был установлен орган, обладание которым до сих пор считалось привилегией византийского двора, франки считали это событие своеобразной победой над ромеями³⁹. Но это не означало, что политическое влияние Византии было делом прошлого. Карл Лысый (843—877) носил одеяния и инсигнии византийского императора (правда, у некоторых из подданных это уже вызывало неприязнь)⁴⁰.

На стадии франкского федерализма (состояние феодальной раздробленности) контакты Византии и Западной Европы стали слабее. На Западе процессы феодализации достигли своего апогея. Византия уже отставала по темпам становления феодальных отношений. Для франкской и германской политической мысли этого времени характерно появление негативных настроений в отношении Византии. Лиутпранд Кремонский, посол германского императора Оттона I, побывав при дворе византийского императора Никифора Фоки (963—969), оставил сочинение, проникнутое настроениями враждебности по отношению к василевсу. Лиутпранда раздражал и внешний вид Никифора (короткая шея, темный цвет лица, тучная фигура), и его одежда (роскошное платье, «слишком старое и от долгого употребления зловонное и тусклое»), и трапеза, на которой он присутствовал как

посол (обед «с избытком масла, как это и бывает у пьяниц, и какого-то мерзкого рыбного маринада»; вино отдавало гипсом и сосновой смолой.— Лиутпр. Отчет, I, 3).

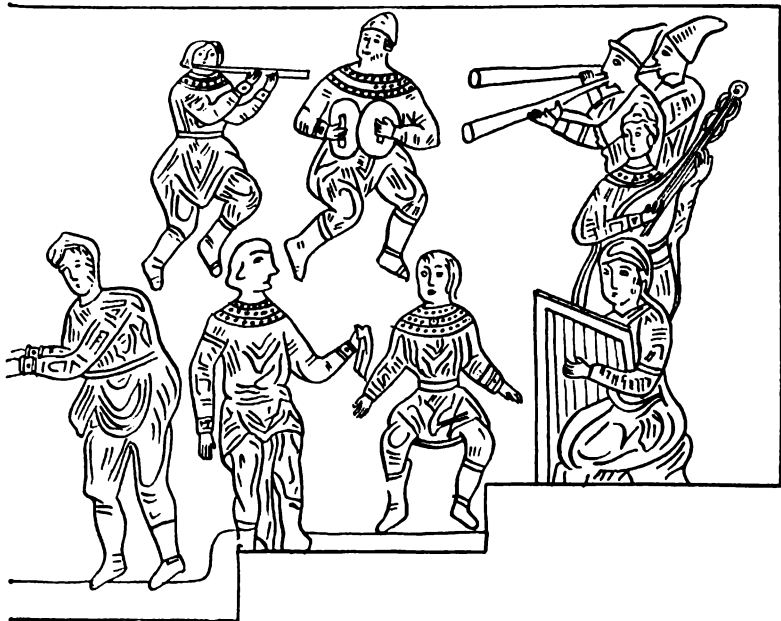
К концу XI столетия в Византии окончательно сложились феодальные отношения, однако, как уже было показано, византийский феодализм был во многом отличен от западноевропейского. К тому же, если на Западе в это время складывался открывавший перспективы союз центральной власти с городами, то византийское государство, уповавшее на свой многовековой опыт, не стремилось приобрести союзников. Однако то, какой ценой достались Алексею I Комнину (1081—1118) внешнеполитические победы, показало, как нелегко стало сохранять позицию лидера.

Пожалуй, именно в военном деле прежде всего и проявилось отставание Византии. Будучи под контролем бюрократии, военное дело находилось в жестких рамках традиции. Даже военные трактаты, бывшие учебниками стратегии и тактики, писались людьми, никогда не державшими меча на поле боя. Книжно-бюрократический характер военного дела (а эта тенденция проявлялась с X столетия)⁴¹ и привел во многом к поражениям Византии в середине XI века. Сдала свои позиции империя и на море. Военные чины зачастую раздавались не за ратные доблести, а как знак особого покровительства свыше.

Отставание в военном деле было для Византии особенно ощутимым и тяжело переживаемым явлением, поскольку империя, в отличие от стран Западной Европы, находилась в наиболее «горячем» в военном отношении районе — стыке Востока и Запада, и постоянно ощущала натиск на восточных границах — сначала персов, арабов, а затем турок-османов и сельджуков. После битвы при Манцикерте Византия потеряла Закавказье и малоазийские районы. Ориентация на помощь итальянцев навсегда предопределила судьбы византийского города. При Комнинах заслон иностранному влиянию, покоявшийся на фундаменте византийской великодержавности, был снесен.

Крестовые походы XI—XIII веков значительно усилили контакты Запада и Востока. Византия оказалась в фокусе этих контактов, в том числе и культурных. Она оживила интерес Европы к античной литературе. Во

Франции появился «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора, в немецкой литературе — «Песнь о Трое» Герберта Фритцларского, в Италии — «История разрушения Трои»

9. Скоморохи. По фреске XI века, Киев

Гвидо де Колумны⁴². Переводятся на латинский язык многие византийские жития святых. Заметным было влияние и в теологии. Сочинения византийца Иоанна Дамаскина привлекли внимание латинского богослова Фомы Аквинского к творчеству Аристотеля. Византийский любовный роман «Повесть об Исмине и Исминии» оказал значительное влияние на формирование этого жанра в европейской литературе. Его можно считать предшественником западных любовных романов, в том числе и знаменитого «Романа о розе» XIII века⁴³. Греческий сюжет, положенный в основу «Повести об Исмине и Исминии», обретя в романе Гийома де Лоррис присущие средневековую аллегорические черты, по образному выражению С. В. Поляковой, «подобно бабочке, совершил цикл предопределенных ему метаморфоз и вы-

порхнул в европейскую литературу, прочертив в ней яркий след»⁴⁴. Византийское влияние можно проследить во французских романах «Флуар и Бланшефор» и «Ираклий».

Поскольку в западноевропейских городах начинают возникать светского происхождения скриптории, художественное влияние Византии, имевшей давние традиции в книжном деле, стало сказываться на оформлении книг, в частности, на европейской книжной миниатюре. Таким образом, Византия, как и некогда, была в центре внимания, но уже не как политический лидер, а как страна высокой образованности.

В поздний период своей истории Византия по уровню развития общественных отношений уступила первенство Западу. В экономике XIV—XV веков были заметны симптомы кризисных явлений. Вследствие того, что ситуация была осложнена необычайно трудным внешнеполитическим положением империи, правительство и представители высших кругов общества стремились найти политических союзников по принципу выбирать из двух зол наименьшее. Одни были склонны ориентироваться на турок, другие — на латинян. Крупный политический деятель XIV века Иоанн Кантакузин нанимал турецкие отряды для достижения своих планов захвата власти в стране. Постепенно в стране стала оформляться туркофильская группировка. Противовесом им были латинофилы.

Римский папа пытался использовать внутренний диссонанс в Византийской империи во имя своей цели — подчинения греческого мира католической церкви. Проекты унии церквей возникали время от времени и в прошлые времена. С XIV века это стало «гвоздем программы» политических отношений империи с Западом. Надеясь на предоставление помощи против турок (папа обещал организацию антитурецкого крестового похода), император в 1369 году перешел в католичество. Его примеру последовали некоторые латинофилы. Однако византийский народ ненавидел латинян еще со времен IV крестового похода. Повернуть его к католицизму было нереально. Папа же ставил условием предоставления военной помощи признание всем населением римского символа веры. Одновременно следует заметить, что само предоставление Западом какой-либо помощи

в борьбе с турками было весьма сомнительным. Папство переживало период авиньонского пленения (1309—1378), Англия и Франция находились в состоянии Столетней войны (1337—1453), в Германии царили междоусобицы.

В самой Византии также не было основ для консолидации сил. Православная церковь была против союза с Западом, но сама не смогла стать центром объединения всего византийского населения. Соседние православные страны — Болгария и Сербия — находились в состоянии феодальной раздробленности и были плохими союзниками. Наоборот, они были даже склонны пожить за счет того, «что плохо лежит».

Император Мануил II Палеолог (1391—1425) совершил поездку во Францию и Англию с целью ускорения создания антитурецкого союза и предоставления Византии реальной военной помощи. Ему был оказан самый любезный прием, но помощи не последовало. Уния церквей все же была заключена на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 годов, однако она ничего не дала гибнущей Византии, кроме дальнейшего обострения внутренних разногласий.

А каково было в поздний период соотношение Византии и Западной Европы по уровню культурного развития? На утрату земель в ходе латинского завоевания, на трудности экономической и политической ситуации Византия ответила, как это часто бывает в подобных случаях, взлетом культуры. Очагом возрождения культуры стала Никея, правитель которой Михаил VIII Палеолог восстановил в 1261 году Византийскую империю. Никейский культурный подъем проявился в оживлении внимания к античному наследию и в стремлении к энциклопедизму образования. В восстановленной Византийской империи данный Никеей культурный импульс отразился прежде всего в искусстве — палеологовский ренессанс, вершинным проявлением которого обычно называют фрески и мозаики Хорского монастыря, отмеченные чертами динамизма, экспрессии. Образованность стала в этот период несколько выпяченной, подчеркнута аристократической. Но в целом византийцы осознавали, что они отстают на фоне латинских стран не только в экономике, но и в сфере своей многовековой монополии — культуре. Богословие в эту пору встает на путь мистики, усилившей влияние на искусство и литературу

идей аскетизма. Поздневизантийский роман был полон заимствований из западноевропейской рыцарской литературы. Византийская городская культура в связи с крайней слабостью города развивалась чрезвычайно медленно. Итак, роли сменились: Византия испытывала со стороны Запада частичное культурное влияние, волны которого она ранее сама активно излучала в окружающий мир. Разумеется, не следует преувеличивать степень этого влияния. До последних дней жизни Византия продолжала обогащать западную культуру знанием античности и греческого языка, оказав в этом плане воздействие на формирование итальянской культуры Возрождения.

Особое значение в отношениях Византии и Запада имеет Южная Италия, поскольку ее территория долгое время была в непосредственной зависимости от империи. Власть Византии на этой территории (она была завоевана при Юстиниане I) привела к временной реставрации рабовладельческих порядков и ограничению свободного землевладения, что не могло не затормозить в будущем развитие здесь феодальных отношений. Господство в Южной Италии византийской бюрократической системы имело для этого района крайне неблагоприятные последствия⁴⁵.

В период византийско-остготской войны VI века в состав подвластных империи территорий входила не только Южная, но также Средняя и частично Северная Италия. Это оставило заметный след в архитектуре и мозаичном искусстве Равенны. Особенно чувствуется византийское влияние в знаменитых мозаиках церкви Сан Витале в Равенне.

В Италии времени Дученто византийское искусство нашло благодатную почву. Можно вспомнить мозаики монастыря Сан Грегорио в Мессине, венецианского собора Сан Марко, фрески пармского и мозаики флорентийского Баптистерия⁴⁶.

Если для Северной Европы предел византийского влияния был связан с готикой, то в Италии — с творчеством Джотто⁴⁷.

Выявляя место Византии в средневековом мире, нельзя ограничиться только соизмерением уровней общественного развития и выявлением связей только Византии Запада. Значительную страницу в истории средневе-

ковой цивилизации представляют связи империй со славянскими странами и прежде всего с Русью. Культурные, политические, торговые контакты Византии и Руси осуществлялись как в форме прямых связей, так и через посредство православных стран славянского мира — Болгарии и Сербии.

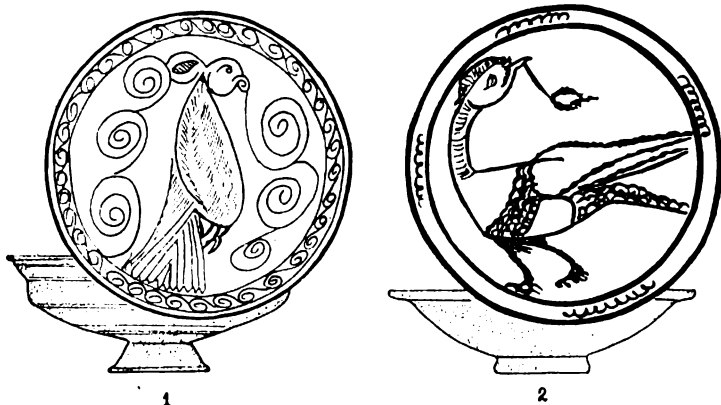
Первые контакты восточных славян и Византии относятся к давним временам. Начальной ступенью их общения были колонии черноморского региона. Первые контакты Византии и Руси относятся к середине IX века; активизация их падает на X век. Правители Древней Руси, совершив несколько походов в балкано-придунайский район, добились признания византийцами Руси как партнера в сфере международных отношений.

Отношения Византии и Руси основывались на позициях взаимного уважения и доброжелательства. Сравним прием византийским двором германского посольства во главе с Лиутпрандом Кремонским, описанный им самим, с приемом в честь посольства русской княгини Ольги. Если из числа прибывших в Константинополь германцев лишь Лиутпранду была оказана честь присутствовать на обеде у императора (и то он сидел далеко от императорской скатерти. — Лиутпр. Отчет, 11), то русское посольство, возглавляемое Ольгой, было принято в небывалом для византийской дипломатии составе: вместе с княгиней на пиру 9 сентября 946 года присутствовало 112 русских (из них 24 женщины), которым по окончании обеда были выданы, как принято, в качестве императорского дара золотые монеты. Ольга получила их в золотой чаше, украшенной драгоценными камнями⁴⁸. На втором приеме в честь русских присутствовало с русской стороны 35 женщин и 70 мужчин, которым также были переданы дары. В приеме знатных дам посольства приняли участие царица и ее придворные дамы⁴⁹.

К концу X столетия относится событие, на долгие времена определившее характер русско-византийских отношений. В 988 году состоялось так называемое «крещение Руси» — принятие христианства князем Владимиром Святославичем. В условиях средневековья всякая страна, вставшая на путь упрочения государственности, должна была принять официальную религию. Единая вера предназначена была стать тем духовным

стержнем, на котором держалось единство государства.

Следует заметить, что крещение князя Владимира, определившее постепенное принятие Русью христианства по образцу греческой церкви, не было актом прямого давления со стороны Византии. Разумеется, империи было безразлично, какую религию выберет Русь. При-

10. Красноглиняная миска XIII—XIV веков, Херсонес (1); белоглиняная тарелка с акварельной росписью середины XII — середины XIII века, Херсонес (2)

обретение такого союзника было политически и экономически выгодно для Византии. Киев как центр молодого восточнославянского государства уже привлекал внимание и римской церкви, и мусульманского Востока, и иудеев-хазар. Русский князь не сразу решил сделать выбор. Года за два до крещения Владимир имел намерение склониться к исламу, но такое решение не имело бы поддержки в народе. Православие же обладало уже традициями в южнославянских странах Болгарии и Сербии, которые были близки Руси и территориально, и этнически⁵⁰.

Проникновение христианства на Русь как результат византийского влияния было длительным процессом. Уже после похода против Византии 860—867 годов часть русских стала христианами. В начале X века в Киеве действовала христианская церковь святого Ильи. Христианами были многие из окружения русского князя в 40-х годах X столетия. В лоно христианства вступила и

княгиня Ольга. Кроме того, медленная христианизация древнерусского общества осуществлялась и по неофициальным каналам. Славянская письменность, проникшая на Русь задолго до акта крещения князя Владимира, была результатом общения с уже христианизированными славянскими странами. Договоры с Византией 911 и 944 годов имели, наряду с греческим текстом, перевод на старославянский язык⁵¹. Оформление государственности должно было иметь соответствующую ей письменность.

После 988 года — времени официального принятия Русью христианства — византийско-русские связи становятся более активными и насыщенными. Они по-прежнему строились на принципах равенства и взаимного уважения. Конечно, Русь испытывала некоторое (и значительное) влияние в сфере идеологии и культуры, но политически она оставалась младшим партнером, союзником, но не вассалом Византии. Кроме того, Русь в X—XI веках сама становится достаточно значительной военно-политической силой. Она определяла ситуацию в степном Причерноморье, помогая империи сдерживать натиск с севера и востока. Византии не раз приходилось вызывать к русскому князю о помощи⁵². Разумеется, империя не забывала принципа своей дипломатии — раздай и властвуй, что приводило время от времени к некоторым конфликтам, не менявшим однако в целом характера взаимоотношений двух государств.

В десятилетия, предшествующие падению Византии, Русь неоднократно оказывала поддержку империи деньгами. Великий князь московский Симеон послал крупную сумму на ремонт главного храма империи — святой Софии. В летописи за 1398 год мы читаем: «...в Царьграде царь и патриарх и прочие люди были в печали великой и в томлении и в оскудении. Услышав об этом, князь великий Василий Дмитриевич очень печалился и, посоветовавшись с отцом своим митрополитом Киприаном и со своими братьями и с прочими князьями русскими, послал в Царьград много денег («серебра») ... Когда же они принесли эту милостыню в Царьград, царь и патриарх и все люди воздали богу и много хвалы и благословения воссылали Руси»⁵³.

Контакты Византии и Руси не всегда носили лишь официальный характер — было множество нитей живых,

непосредственных связей. В Константинополе существовала с начала X века русская колония, сначала в предместье монастыря святого Маманта, а затем и в самой столице. И во втором по величине византийском городе Фессалонике также селились русские колонисты из купцов и паломники. Крупную роль в общении греков и русских сыграл центр византийского монашества на горе Афон, где находилось более двух десятков монастырей, в том числе и ныне существующий русский монастырь Пантелеймона. На Руси греки находили приют в подворье греческого митрополита, а позднее при московском греческом монастыре Николы Старого (на бывшей Никольской улице, ныне улице 25-летия Октября)⁵⁴, где останавливались византийские иерархи и монахи. В Китей-городе находилась постоянная греческая колония.

Пожалуй, большую часть тех, кто приезжал из русских земель в Царьград, составляли купцы. Торговля была самым существенным проявлением византийско-русских контактов. В X веке торговый путь «из варяг в греки» проходил по Днепру до Черного моря. Когда же суда-однодеревки, бравшие на борт очень небольшой груз, отошли в прошлое, опасность днепровских порогов и нападений кочевников сделали наиболее важным черноморско-донской путь с остановками в Тане (Азове), Кафе, Суроже (Судак) и Синопе. В целом путешествие от Москвы до Константинополя длилось два с половиной месяца⁵⁵. Также важным был путь от Нижнего Новгорода по Волге до Сарай-Берке и далее через «переволоку» по Дону до Черного моря, которое переплывалось в самом узком месте — от Сурожа до Синопа. Далее — каботажное плавание вдоль малоазийского берега моря до Константинополя. Предметами русского экспорта были свежая и вяленая рыба, меха, черная и красная икра, мед, воск, резные изделия из моржовых клыков⁵⁶. Византиец Никифор Григора писал, что русские купцы привозят такую рыбу, которая может доставить удовольствие «всем, приученным к тонкому образу жизни»⁵⁷. Из Византии русские вывозили ювелирные изделия, шелковые ткани, вина, фрукты (смокву, финики, черешню), греческие орехи, перец, оливковое масло, предметы церковного обихода, художественную керамику, стеклянные изделия⁵⁸.

Как уже отмечалось, русские купцы имели в Констан-

тинополе свою колонию. Здесь останавливались посещавшие византийскую столицу русские — купцы, паломники, иереи. Путешественник XIV века Игнатий Смоленский вспоминал о теплой встрече, которую ему устроила «тами живущая Русь»⁵⁹. Встретился с соотечественниками в Константинополе и другой путешественник этого же времени Стефан Новгородский.

Некоторые из русских купцов говорили по-гречески. Так, Семен Антонов (XV век) знал обиходный греческий язык. Результатом тесных торговых контактов русских и византийцев было появление в русском словаре немало количества заимствованных из греческого языка слов для обозначения предметов основного импорта в русские земли — тканей и одежды⁶⁰.

Живыми связями византийцев и русских — с поездками, встречами — отмечена начальная история русской церкви. Монахи и паломники предпринимали длительные путешествия, чтобы увидеть святыни Царьграда. Кроме того, константинопольская и русская церковь были связаны постоянными деловыми контактами.

Церковь на Руси, входя в состав греко-православной церкви, представляла собой митрополию, зависимую от константинопольской патриархии. Во главе ее стоял назначаемый патриархом митрополит. Как он, так и часть епископов в начальный период истории русской церковной организации были греками. Первым русским митрополитом был Илларион, поставление которого состоялось в 1051 году. Но и позднее митрополичья кафедра довольно часто принадлежала грекам. Так, в XIV веке митрополитами были русский Петр, грек Феогност, русские Алексей и Пимен, болгарин Киприан, греки Фотий и Исидор, русский Иона. Русская митрополия занимала невысокое место во внутренней иерархии греческой церкви (сначала 60-е, а с XIV века — 72-е).

Самостоятельной патриархии Россия добилась более чем сто лет спустя после гибели Византии — в 1589 году. До этого времени греки, находясь под властью турок, осуществляли видимость руководства митрополией, а за полагающимися патриарху деньгами они в основном сами ездили в Москву. По сути дела русская церковь давно уже была самостоятельна и выплачиваемые константинопольскому патриарху деньги давно были «милостыней» (они так и назывались — то есть их выплачива-

ли с милостью). Скорее всего здесь проявлялось отношение, подобное тому, какое достигший высокого положения сын оказывает одряхлевшему отцу. А может быть, в этом проявилось чисто русское пренебрежение к собственному приоритету, доброе стремление ставить другого выше себя (как и в случае с 72-м местом в церковной иерархии). Как часто это повторялось в русской истории...

Церковь на Руси была организована по византийскому образцу. Она зависела от светских властей, и это очень устраивало князей, стоявших на пути упрочения власти. Церковь стала верной помощницей княжеской администрации⁶¹.

Ориентация на незыблемость византийского церковного канона сделала особенно значительным влияние в сфере церковного культа (здесь оно было на первых порах безраздельным), а также в области законодательства. Номоканон, сборник византийского церковного и частично светского права, получивший в древнерусском переводе название Кормчей книги, византийские светские законоположения Эклоги и Прохирона, а также славяно-византийский сборник «Закон судный людем» легли в основу юрисдикции на Руси. В целом византийские правовые нормы оказали лишь поверхностное влияние на последующую историю русского права⁶².

Богословие, помимо церковно-литургической литературы, имевшей практическое значение для отправления культа, было представлено на Руси преимущественно ранневизантийскими, авторитетными и безупречными с точки зрения веры теологическими сочинениями. В тонкость богословских разногласий более позднего времени русские не стремились проникнуть⁶³. При канонизации же русская церковь отдавала предпочтение русским святым. Здесь в какой-то степени проявились не только политические соображения, но и особенности русского характера. Так, культ святых князей Бориса и Глеба, покоившийся на убеждении, что невинная жертва — мученик, не имеет аналогий в Византии. По словам профессора Оксфордского университета Д. Оболенского, этот культ «может служить примером того сочувствия людским страданиям, которое на протяжении всей русской истории было одним из качеств, высоко почитаемых русским народом»⁶⁴.

Наиболее активным было воздействие византийской цивилизации в сфере языка и литературы древней Руси. Как известно, славянская азбука, в основу которой были положены 24 буквы греческого алфавита, была создана в IX веке в византийском городе Фессалоника братьями Константином (Кириллом) и Мефодием. Первоначально она должна была стать средством распространения византийского влияния на Моравию, которая была в это время объектом воздействия немецкого духовенства. Последствия дипломатической миссии Константина и Мефодия вышли за пределы этого частного акта. Переводы с греческого положили начало формированию славянского литературного языка. После того как Моравия оказалась под влиянием римской церкви, очагом славянской грамотности стала Болгария. Древняя Русь приобщилась к славянской образованности через посредство Болгарии. Многие еще неясно в истории распространения славянской письменности, в соотношении двух алфавитов — кириллицы, близкой к византийскому унциалу⁶⁵, и глаголицы, графически сложного письма, состоявшего из петель и треугольников и близкого, пожалуй, византийскому минускулу. Но мы можем наблюдать, как наряду с языком литературы развивалась бытовая светская письменность. Об этом свидетельствуют надписи на изделиях ремесленного производства, на стенах соборов, берестяные грамоты Новгорода.

А. С. Пушкин считал судьбу славяно-русского языка «чрезвычайно счастливой» в силу его раннего знакомства с византийской литературой: «В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились...»⁶⁶. Византинославянская книжность и образный живой русский язык обогащали друг друга.

Сочинения византийских авторов достигали древней Руси сначала в болгарских переводах, а затем связь с византийской литературой стала непосредственной. Пе-

реводились сочинения отцов христианской церкви Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого. Византийские хроники Иоанна Малалы, Георгия Амортола, Константина Манасси, Иоанна Зонары способствовали формированию исторической мысли древней Руси. Сборник назидательных изречений и коротких рассказов «Пчела», представлявший интерпретацию сочинения византийского писателя Антония Мелиссы («мелисса» по-гречески — пчела), знакомил далекую Русь с трудами античных авторов — Сократа, Платона, Эсхила, Феокрита и других. В русских землях появились изложение жизни Александра Македонского «Александрия», повесть, перелагавшая сюжет Илиады и Одиссеи, — «Троянские деяния». Византийский эпос о Дигенисе Акрите стал известен русским под названием «Девгениево деяние». Самым популярным на Руси чтением были, пожалуй, византийские жития святых — патерики (Лавсик, «Луг духовный» Мосха). Им наследовали в XVI веке расположенные по месяцам жития — Четьи-Минеи, о которых Пушкин написал в одном из писем: «прелесть простоты и вымысла!»⁶⁷

Займствовалась Русь на первых порах и византийскую церковную музыку. Но в этой сфере довольно рано были внесены элементы русской культуры. Крюковая система музыкального письма была отлична от византийской.

С принятием христианства на Руси был введен греческий календарь и летоисчисление от рождения Христа, принятое во всем культурном европейском мире того времени.

Сказалось византийское влияние и в сфере каменного зодчества. Десятинная церковь в Киеве, первый каменный храм на Руси, была сооружена в конце X века греческими мастерами. В 1031—1036 годах греки воздвигли в Чернигове самый византийский из храмов Древней Руси — собор Спаса Преображения⁶⁸. Но уже собор святой Софии в Киеве, построенный в 1037—1054 годах, был свидетельством того, что древнерусское зодчество начало отходить от византийских канонов.

Византийское воздействие на живопись древней Руси было более устойчивым, нежели в архитектуре. Церковью строго соблюдался византийский канон иконографии. Да и темы некоторых фресок были византийского происхождения. Например, фреска лестницы Киево-Со-

фийского собора воспроизводит сцену на константинопольском ипподроме⁶⁹. Росписи соборов XI—XII столетий производились артелями греческих и русских мастеров. Но, пройдя через школу византийского живописного канона, русские мастера найдут свой художественный язык. Однако и позже живая связь сохранялась между русским и византийским искусством. В XIV веке в русских землях жил и работал знаменитый художник Феофан Грек, занесший из Константинополя в Новгород палеологовский стиль. Русский художник Андрей Рублев (около 1370—1430) представлял «византинизирующее направление в московском искусстве»⁷⁰.

Русское прикладное искусство и ремесла, восприняв технику византийского производства, в XII веке могли уже соперничать с греками по изготовлению мозаичной смальты, художественного стекла, ювелирных изделий⁷¹. В описании сделанного русскими мастерами кивория над гробницами князей Бориса и Глеба автор сказания о них заметил: «Нигде же сицея красоты бысть»⁷².

Спустя полтора столетия после принятия христианства Русь стала одной из цивилизованных стран Европы. Один из свидетелей этого взлета Адам Бременский назвал Киев соперником Константинополя⁷³.

Разумеется, наряду с положительным опытом Русь восприняла и дурные стороны византийской системы. В канцеляриях митрополитов и епископов (а потом и светского управления) восприняли византийскую бюрократическую атмосферу с ее крючкотворством, взяточничеством, подхалимством и угодничеством⁷⁴.

Но в целом древняя Русь попала в сферу влияния Византии, когда та была еще самым цивилизованным государством Европы. Это не могло не сказаться на темпах и уровне развития русской культуры. Культурные контакты с Византией способствовали оформлению русской цивилизации.

Благоприятный характер воздействия на Русь импульсов византийского мира следует объяснить тем, что их проникновение не было символом иноземной власти, угнетения, насильственной «роменизации»⁷⁵. Можно в связи с этим еще раз вспомнить слова Пушкина, сказанные им в адрес автора, заявившего, что «владычество татар оставило ржавчину на русском языке». Поэт негодовал: «Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами,

но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требующие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства?»⁷⁶

Одной из территорий нашей страны, испытавшей длительное воздействие со стороны Византии, был Юго-Западный Крым, и прежде всего Херсон (Херсонес), бывший центром византийского господства в Таврике, районе «повышенной военной опасности», лежавшем на пересечении интересов различных народов — хазар, половцев, татар и других. Многие крепости — Эски-Кермен, Мангуп, Сюреньское укрепление — служили цели упрочения положения византийцев в Крыму. Столкновения между Византией и Русью за причерноморские земли особенно повышали значение Херсонеса как оплота и важного стратегического пункта империи. Диапазон влияния на Таврику со стороны этих соперничающих стран менялся; время от времени они уступали друг другу позиции лидера.

Важное значение для упрочения отношений Византии и Таврики имел Херсонес и как торговый порт. Многие византийские товары попадали в Крым, Причерноморье и далее — на Русь именно через Херсонес.

Памятники Херсонеса и ежегодные новые находки⁷⁷ позволяют восстанавливать нити связей Византии с Крымом и выявлять следы византийской цивилизации на этой территории.

Южнославянские страны Болгария и Сербия находились в орбите ближайшего общения с Византией — политического, экономического, идеологического и эстетического.

Непросто складывались отношения Византии с Болгарией. Под нажимом империи болгары приняли в 869 году христианство по восточному, византийскому, образцу. Переселившиеся сюда Кирилл и Мефодий заложили основы болгарской письменности. На рубеже IX—X веков политические роли этих стран-соседей на время изменились. При царе Симеоне Великом (893—927) Болгария превратилась во всебалканское государство, значительно потеснившее Византию. Симеон совершил несколько походов на Константинополь. Не завоевав его, он принял все же титул «царя и самодержца болгар и греков», считая себя равным византийскому

императору. При Симеоне были переведены на болгарский язык многие византийские богословские и литературные произведения («Измарагд» и другие). Но когда после разгрома Болгарии византийским императором Василием II Болгаробойцей наступил период византийского владычества (1012—1187), византийское влияние приняло характер насильственной «ромеизации», что не могло не вызвать обратной реакции.

В Сербии после превращения ее правителем Стефаном Неманей в самостоятельное государство и создания независимой (автокефальной) сербской церкви в 1219 году были созданы условия для развития самостоятельной сербской культуры. Но с конца XIII века, в период начавшейся сербской экспансии в сторону византийских земель заметно оживился греческий стиль в культуре. При царе Стефане Душане (1331—1355), когда авторитет Сербии в юго-восточном регионе Европы чрезвычайно возрос (правда, ненадолго — до разгрома ее турками на Косовом поле в 1389 году) и она стала претендовать на роль великого государства, влияние византийской культуры стало значительным. Об этом свидетельствуют хотя бы написанные по-гречески акты царя, введенный при дворе византийский церемониал и греческий язык. Таким образом, византийское влияние возрастало в Сербии в периоды активизации сербской внешней политики.

XIV век был сложным для балканских стран, поскольку они вступили в полосу феодальных междоусобиц. В 1330 году серьезный удар Болгарии нанесла Сербия. Соперничество Византии, Болгарии и Сербии привело к облегчению продвижения турок.

Южнославянские связи во многом сыграли роль посредника в трансляции византийской культуры. Многие сохранившиеся памятники болгарского и сербского искусства и литературы свидетельствуют о прочности византийско-славянских связей.

Обратившись к проблеме Византия — Восток, следует выделить два ее аспекта: первый связан с отношением империи к христианскому Востоку, второй — к мусульманским восточным странам.

Восточные народы составляли значительный элемент в том этническом конгломерате, который представляла собой Византия. Ее население, помимо греков, состав-

ляли армяне, грузины, славяне, евреи, арабы, сирийцы. Некоторые из представителей этих народностей жили в пределах империи, другие либо представляли самостоятельные государства, либо входили в состав соседних восточных государств. В средние века не было четкого понятия «государственная граница» — она была подвижной в географическом и этническом отношениях⁷⁸. История взаимоотношений византийской цивилизации с народами Кавказа — важная страница в жизни империи.

Армяне жили на входивших в пределы Византии территориях с самого начала существования империи⁷⁹. Многие тысячи армян были переселены на Балканы в VIII веке при императорах Константине V Исавре и Константине VI. Наиболее активной была депортация армян на территорию Византии в X—XI столетиях.

Политические взаимоотношения византийцев с армянами не были равными. Империя выступала в отношении этого народа то как завоеватель, то, наоборот, была их союзником в борьбе с арабами.

В XI веке к Византии были присоединены армянские княжества Васпуракан, Ширак, Вананд и другие территории, населенные армянами. Последние с этих территорий активно переселялись в Каппадокию, Месопотамию, Сирию. Здесь сложился ряд армянских княжеств, одно из которых стало основой сильного армянского государства — Киликии (1080—1375)⁸⁰.

Завоевание ряда армянских территорий сельджуками в 70-х годах XI века привело к новым активным переселениям армян на запад Малой Азии, Балканы. Многие из них жили небольшими общинами в Константинополе, Филиппополе. В XIII веке существовала армянская колония в Фессалонике.

Армяне одними из первых приняли христианство как официальную религию — в конце III века. После Халкидонского собора 451 года они разделились на монофиситов, т. е. сторонников признания единой, божественной, природы Христа, и халкидонитов, исповедовавших христианство по официальному для византийской церкви образцу⁸¹.

Армяне занимали второе место по численности в империи после греков. Полтора десятка византийских императоров были армянами, в том числе правители Македонской династии. В XI—XII столетиях армяно-ви-

зантийская знать составляла 10—15 % господствующего класса Византии⁸². Знать армянского происхождения по преимуществу выполняла военные и управленческие функции; многие ее представители были наместниками восточных фем Византии, занимали видные посты в столичной администрации и церковной иерархии. Среди тех, кто способствовал подъему византийской образованности, можно назвать кесаря Варду, усилиями которого был восстановлен Константинопольский университет, Льва (Левона) Мудрого, стоявшего во главе высшей школы в Константинополе.

Культурные связи Армении с Византией можно отнести к IV веку, когда армянские юноши из знатных семей для получения образования направлялись в Константинополь и Афины. После того, как Месром-Маштоц создал в начале V века армянские письма, были переведены на армянский язык Библия и сочинения многих греческих авторов, среди которых можно назвать Иоанна Златоуста, Евсевия, Василия Кесарийского, Кирилла Александрийского. Относящаяся к 1889 году библиография переводов с греческого языка на армянский составляет 764 страницы. Некоторые греческие тексты, позднее утраченные, сохранились только в армянских переводах⁸³.

В пределах византийско-кавказского мира проявление тенденции к изучению античной философии в первой половине XI века олицетворено деятельностью Григора Магистра Пахлавуки, который был назван современником «мужем любознательным, одаренным в философской и риторической науках... удивительным в спорах с учеными римлянами на кафедре св. Софии»⁸⁴. В Армении в этот период создаются комментарии Иоанна Воротнеци к сочинениям Аристотеля, Олимпиадора. Григор Магистр и Иоанн Ерзыккаци комментировали «Грамматику» Дионисия Фракийца⁸⁵.

Общение армянских государств с Византией и со странами Ближнего Востока имело важное значение для развития армянского искусства, в частности — книжной миниатюры, в целом представлявшей самостоятельное и своеобразное культурное явление⁸⁶. Влияние византийского искусства особенно проявилось в так называемых «византизирующих» армянских рукописях — Трапезундском и Карсском Четвероевангелиях⁸⁷.

Говоря о влиянии армян на византийскую идеологию, следует назвать ересь павликианства, оказавшую воздействие на крупное византийское общественное движение VIII—IX веков — иконоборчество, составляющее особую эпоху в истории империи. Наряду с этим, поселение армян-павликиан во Фракии оказало опосредованное через византийцев и славян воздействие на европейские средневековые еретические движения.

Связь Византии и Грузии во многом была определена принятием последней в 30-х годах IV века христианства в качестве государственной религии. Поскольку Грузия примкнула к халкидонскому толку христианства, это еще прочнее связало ее с Византией. Церковь Западной Грузии подчинялась патриарху Константинополя; богослужение здесь до IX века велось на грузинском языке. Все это не могло не сказаться на последующем развитии византийско-грузинских культурных контактов⁸⁸.

Переводы греческих сочинений на грузинский язык сначала были скорее местными редакциями переводимых текстов и только с XI столетия стали строиться на принципе адекватности текстов⁸⁹.

В VII—X веках на грузинский язык переводилась преимущественно богословская литература, использовавшаяся для нужд церкви. Переводы евангелия, псалтири имели купюры и дополнения по сравнению с греческими текстами в зависимости от потребностей и традиций грузинской церкви. Грузинские церковные гимны этого времени восходят к текстам и мелодиям, принятым в византийской гимнографии. Однако уже в X веке древнее грузинское многоголосье проникает в церковную службу. Проявлением независимости грузинской общественной мысли являлось утверждение культа своих святых — Нино, Арчила, Або Тбилели. Была создана грузинская система летоисчисления⁹⁰.

Грузинская литература не только испытывала воздействие со стороны византийской культуры, но и, в свою очередь, оказывала влияние на последнюю. Среди грузин, живших в разное время в пределах Византийской империи, было немало людей, внесших свой вклад в развитие византийской литературы. Епископу Газы Петру Иверу принадлежит авторство ареопагитских трудов⁹¹. Написанный Иоанном Мосхом знаменитый «Лимонарий»

повлиял на развитие в византийской литературе жанра рассказа. Евфимий Афонит, сын основателя Иверского монастыря на Афоне Иоанна Афонита, был автором греческой версии «Мудрости Белавара».

С XI столетия повысился в Грузии интерес к греческой литературе и философии. Деятели возникших центров грузинской культуры — Афонской и Петрицонской школ — многое сделали для выполнения новых переводов греческой богословской литературы. Ефремом Мцире и другими представителями византийской культуры этого времени были выработаны новые принципы перевода⁹². Большое значение имеют грузинские переводы несохранившихся византийских сочинений⁹³.

Продолжая дело византийских ученых Михаил Пселла и Иоанна Итала, Арсений Икалтоели и Иоанн Петрици, получившие образование в константинопольской манганской академии, создали свои философские школы в грузинских академиях в Икалто и Гелати⁹⁴.

В сфере искусства византийско-грузинские контакты находили различные проявления. В грузинской архитектуре, а также в пластике по металлу преобладали национальные черты. Живопись до середины XI столетия тяготела более к традициям христианского Востока. Сирийские традиции проявляются в художественном стиле миниатюр в евангелиях — Адишском, Первом Джуручском, Цкароставском, Мартвильском и Урбнисском⁹⁵. Стиль росписей монастыря Давида Гареджели имеет сходство с фресками Каппадокии и Сирии⁹⁶. В росписях Тао — Кларжети в основном проявился местный живописный стиль⁹⁷. Византийское влияние в целом стало ощущаться в более позднее время. Так, в мозаике храма в Гелати и росписи юго-западного нефа базилики в Хоби (30-е годы XIII века) оно проявляется уже в значительной степени. Некоторые росписи этого времени выполнены либо грузинскими мастерами грекофильского направления, либо греками. Известно, что византиец Мануил Евгений написал Цаленджихскую церковь⁹⁸. Возможно, что византийский стиль распространился через посредничество Трапезунда. Константинопольская манера ярко проявилась в фресках церкви св. Георгия в Убиси⁹⁹. В целом в монументальной живописи Грузии XIV века соединились в большей или меньшей степени грекофильский и местный стили.

В книжной миниатюре Грузия с XI века придерживалась византийских канонов. Наиболее ярко они проявились в миниатюрах Евфимиевского Синаксаря, выполненных в Константинополе в 1030 году для епископа Захарии Валахкертского¹⁰⁰.

Грузинское искусство эмали перекликается с византийским. Однако общепризнано, что техника изготовления перегородчатых эмалей, начиная с самого древнего произведения грузинского эмалирного искусства — фрагментов иконы богородицы Хахульского складня, отличалась от византийских эмалей более толстыми перегородками, более ярким цветом смальты и другими признаками¹⁰¹. В пластине XII—XIII веков с изображением трех христианских праздников много общего с византийской манерой, однако последняя значительно строже, в то время как грузинский рисунок производит впечатление более огрубленного и динамичного¹⁰². Эмалевый оклад Грузинского евангелия из Матенадарана (если он сделан в Грузии), а также крест Квирике и медальоны Джуматской иконы архангела Гавриила представляют, по оценке Л. Хускививадзе, «византизирующее направление грузинского эмалирного искусства»¹⁰³. В целом же сила экспансии византийского искусства в Грузию, как и в другие страны, особенно отчетливо проявилась в XI столетии¹⁰⁴.

Что касается торговых и бытовых связей между Византией и Грузией, то здесь можно ограничиться двумя весьма выразительными фразами из работы М. Д. Лордкипанидзе: «Грузинская земля сохранила монеты, чеканенные почти всеми византийскими императорами... Грузинская средневековая знать одевалась по византийской моде, щеголяла византийскими украшениями, посудой, семейной утварью»¹⁰⁵.

Византийские контакты с мусульманским Востоком имели преимущественно военно-политический характер. Однако общение этих цивилизаций нельзя рассматривать лишь через призму военной конфронтации. Будучи соседями, арабы и византийцы имели и более живые непосредственные контакты. Может быть, не является случайным, что автор «Дигениса Акрита» выводит своего героя из семьи крещенного арабского эмира и гречанки. Да и наличие мечети в византийской столице также свидетельствует о том, что конфронтация не носила непримиримости.

мого характера. Существовала мусульманская мечеть и в Афинах ¹⁰⁶.

Будучи соседями, византийцы и арабы «присматривались» друг к другу. Арабский писатель и путешественник X века Ал-Масуди оставил описание Константинополя, его зданий и церквей. Константин Багрянородный в наставлениях своему сыну рассказывал об истории, географии и религии мусульман ¹⁰⁷. В константинопольском дворце был переводчик с арабского. Аббасидский халиф просил византийского императора о присылке книг ¹⁰⁸.

Византийцы знали Коран и к X веку имели его греческий перевод. Но в целом диффузия двух культур — византийской и арабской — была опосредованной, поскольку византийцы и арабы почти не переводили сочинений друг друга. В большинстве случаев посредницей между византийской и арабской культурами являлась Сирия ¹⁰⁹.

Знание греческого, персидского и арабского языков давало сирийцам возможность быть переводчиками при посольствах, направляемых правителями Востока в Константинополь. Сирийцы сделали доступными персам и арабам сочинения древнегреческих писателей. В арабских школах они давали основы эллинских наук ¹¹⁰. Известный сирийский ученый VI века, главный врач города Решайны Сергей перевел с греческого ряд книг, в том числе сочинение по агрокультуре «Геопоники». Преемник Сергея Решайнского Хунайн ибн Исхак (IX век) переводил греческие труды как на сирийский, так и на арабский ¹¹¹.

В Сирии были глубокими историографические традиции. Некоторые сирийцы-историки (Евстафий, Иоанн Малала, Евагрий и, вероятно, Прокопий Кесарийский) были авторами трудов, которые украшают византийскую историографию ¹¹². Не жившие в Византии сирийцы знали школу византийского летописания. Можно проследить общую основу сочинения византийца Феофана и сирийца псевдо-Дионисия Тельмахрского ¹¹³. Сирийцы сыграли роль посредника между византийскими летописцами и арабскими. Известный сирийский ученый XIII века Бар Эбрей в своем сочинении «Краткая история династий», переведенном им по просьбе «знатных арабов» на арабский язык, используя в целом традиции византийской

историографии, приспособливает переложение Священного писания к мусульманскому восприятию¹¹⁴. Пройдя школу греческой историографии, воспринятой через сирийцев, арабы достигли высокого уровня в жанре исторического сочинения¹¹⁵.

Итак, мы проследили в общих чертах процесс «общения» различных культур. В зависимости от темпов, уровня развития той или иной страны, традиций и общей ситуации в регионе отдельная страна излучала импульсы культуры вовне или поглощала отдельные элементы другой культуры, либо просто мимикрируя их под тон собственной культуры, либо творчески их перерабатывая. Процесс диффузии и трансляции культур очень сложен. Можно в связи с этим вспомнить слова ленинградской исследовательницы С. В. Поляковой: «...больше никого не удивляет сходство сцен из «Одиссеи» с сюжетом полинезийского мифа или чукотской сказки с итальянской...»¹¹⁶. Византия в ее тесных контактах с окружающим миром вследствие унаследованной античной культуры, определившей ее особое положение в средневековом мире, была более отдающей, нежели берущей культурой. Но и она воспринимала как восточные (в большей степени), так и западные влияния.

Византийская цивилизация прожила тысячелетнюю жизнь. Будучи родом из греко-римского мира и эллинистического Востока, имея христианскую душу, она отличалась сложным, противоречивым характером и поражала современников своей изысканностью, аристократизмом, блеском и прежде всего — своей несхожестью со всеми другими цивилизациями. Византийская культура во всех своих проявлениях — искусстве, архитектуре, музыке, литературе, праве, ремеслах, образе жизни — оставила глубокий след в истории современных ей средневековых стран. Когда пал Константинополь под натиском турецкого войска, воздух был сотрясен многоголосым и разноязычным Плачем по Византии. Память, воплощенная в произведениях искусства, литературы и деталей быта, надолго пережила некогда блистательную страну.

Глава II

ЗАКАТ АНТИЧНОСТИ:

жилище, костюм, круг интересов византийцев

Для византийского быта первой половины VII века, как и для ранневизантийской культуры в целом, характерно наличие различных, даже противоречивых элементов, которые сложно сочетаются друг с другом, а порой даже пребывают в каком-то странном соседстве. Можно говорить о поисках новых духовных начал, росте религиозного чувства, постепенном прогрессе христианства, но это (во всяком случае в сфере быта) лишь одна из тенденций — не более. Умирающее, казалось бы, язычество являет нам прекрасный по своей силе и краскам закат. Мощная римская волна и в то же время возврат к изяществу греческой классики, рост влияния восточных элементов — все это характерно для ранневизантийской культуры, прекрасной иллюстрацией к которой является знаменитая мозаика из Сан-Витале в Равенне, где короткая римская туника императора контрастирует с пышными тканями и драгоценностями явно восточного происхождения.

В IV — первой половине VII века обширную территорию Византийской империи населяли самые разные народы. Греки, сирийцы, римляне, армяне, копты, фракийцы, киликийцы, каппадокийцы, исавры, всевозможные мелкие племена окраин и выходцы из сопредельных стран составляли причудливую этническую и лингвистическую мозаику. При всем нивелирующем влиянии греко-римской культуры, эти народы, особенно в деревнях, сохраняли в повседневной жизни свои местные традиции. Население различных областей отличалось друг от друга и особенностями психологического склада. Деятельные и беспокойные александрийцы, насмешливые и ост-

рые на язык, жадные до развлечений антиохийцы, суровые исавры — все они по-разному радовались жизни и по-разному ее воспринимали.

И все же было и нечто общее в будничной жизни византийцев IV — середины VII века, как было нечто общее во всей культуре средиземноморского региона того периода. На этих общих чертах мы и остановимся, отмечая, где это возможно при нынешнем состоянии источников, имевшиеся локальные особенности.

Ранневизантийская цивилизация унаследовала от античной свой городской характер. Основная масса населения жила в городах, число которых доходило до тысячи. Города продолжали сохранять античную планировку. Перпендикулярно-осевая («шахматная») сетка жилых кварталов, несколько площадей-форумов, построенных в римском стиле и соединенных магистралями улиц, обильно украшенных портиками и античными статуями — все это было характерно для городов греческого Востока. Отстраивающиеся заново города имеют этот привычный для античной эпохи облик. Вместе с тем уже при постройке Юстинианы Прима (VI век), введенной на месте родины Юстиниана, небольшого селения Бедериана во Фракии, наряду с традиционной крестообразной системой двух пересекающихся улиц была использована несвойственная античным регулярным городам центрическая система сложения города вокруг укрепленного акрополя¹. В столице — Константинополе — прямоугольная римская планировка времен Севера сменяется радиальной системой².

Центром греческого античного города, его сердцем была главная площадь — агора, где находились наиболее важные общественные постройки, в первую очередь, городская курия. Теперь же в ряде мелких городов главная площадь теряет значение муниципального центра, расположенные на ней общественные здания приходят в упадок³. В более крупных городах муниципальные постройки сменяются государственными. Возводятся дворцы правителей, гражданские и военные учреждения. Площадь превращается в государственно-административный центр⁴.

Существенные изменения в облик города вносило христианство⁵. Языческие храмы пустели. В Сардах, например, храм Артемиды, пострадавший в III веке, так

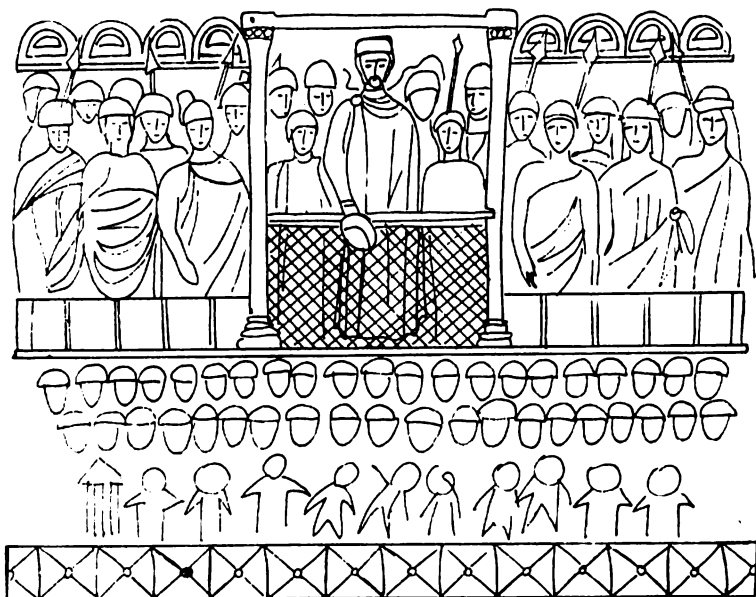
и не был восстановлен. На его руинах благочестивые византийцы высекли кресты, уничтожавшие, как им верилось, силу демонов, населявших храм. В одном из углов некогда громадного храма была построена христианская церковь⁶. В городах возводится масса церквей, монастырей, странноприимных домов, главные площади городов непременно украшаются христианскими храмами. В период античности богатые горожане, исполненные чувства городского патриотизма, а также стремления оставить по себе долгую память, возводили на свои средства общественные здания и портики. Теперь подобные случаи становятся все более редкими⁷ и даже служат предметом осуждения (Патр. гр., т. 55, колон. 231). Общественные постройки возводятся императорскими чиновниками⁸, состоятельные же люди стремятся увековечить себя иным образом: они жертвуют имущество церкви. На их средства возводятся храмы, монастыри и странноприимные дома⁹.

Многие постройки, придававшие византийским городам античный облик, утрачивают прежнее значение. Это в первую очередь касается гимнасия, который или совершенно прекращает свое существование, или теряет свою первоначальную функцию¹⁰. В Сардах гимнасий, великолепная постройка, расположенная на главной улице города, функционирует как бани и место отдыха горожан. И там, где в давно ушедшие времена предки, занимаясь в палестре, стремились укрепить свое тело, потомки в праздные часы досуга вычерчивают бездумные граффити, где скаковые лошади перемежаются с изображениями епископа, херувимов, крестов с надписями, призывающими бога защитить писавшего¹¹.

В ряде городов исчезают или теряют свое значение театры и амфитеатры. В Сиде в театре расположились две часовни. В Приене в VI веке орхестра театра была использована как строительный материал для возведения епископской церкви, а остатки ее превратились в загон для скота. Из камней разобранных театров возводятся городские стены и другие постройки. В новых городах театры вовсе не создаются¹².

Иная судьба складывается у ипподрома, который является предметом особых забот со стороны властей и в ряде городов располагается в непосредственной близости ко дворцу (в Константинополе, Антиохии и Фессалонике)¹³.

В ранневизантийских городах сохранялись все достижения быта античных городов: водопровод, цистерны, канализация, бани. Бани существовали в каждом городе, а в таких крупных городах, как Константинополь и Антиохия, их было множество. На бордюре одной из антиохийских мозаик V века среди других достопримечательностей этого города изображены бани, построенные на средства крупного сановника того времени Ардабурия. Здание представляет собой сложный архитектурный комплекс с куполами и апсидой и имеет настолько импозантный вид, что первый издатель мозаики принял его за роскошную загородную виллу ¹⁴.

11. На ипподроме. Император вручает венцы победителям. По изображению на обелиске, Стамбул

Типичной для ранневизантийского города была главная улица, вымощенная мрамором и украшенная с обеих сторон колоннадами ¹⁵. В среднем по величине городе Сарды она была шириной в двенадцать с половиной метров (почти стандартная величина для римского декумануса), с украшенным мозаикой пространством для пешеходов шириной в два метра ¹⁶.

В античных городах улицы являлись в первую очередь транспортными артериями, византийские улицы приобретают еще одну важную функцию: они становятся средоточием торговли. Это было новшество, не характерное для античных городов, где центром торговли была агора. С IV века во многих городах агора теряет значение торгового центра, и торговля перемещается на улицы¹⁷.

В Константинополе в портике центральной части колоннадной улицы Месы находились мастерские наиболее привилегированных слоев торгово-ремесленного населения — аргиропратов, в Сардах на подобной улице разместились лавки для продажи инструментов, красильня, лавка для продажи и ремонта замков, прочие эргастирии, харчевни. Мастерские были построены из кусков бывшего уже в употреблении мрамора или кирпича. Они хорошо освещались благодаря большим застекленным окнам¹⁸. Нередко, по-видимому, мастерские делались из досок и других недолговечных материалов¹⁹. Порой они доходили до колонн и портили внешний вид улицы. В связи с этим император Зинон издал специальный закон на имя префекта Константинополя Адамантия с требованием, чтобы эргастирии, находящиеся в портиках, не загораживали колонн. Размеры мастерских, располагавшихся в портиках Месы от Милия до Капитолия, не должны были превосходить в ширину шести футов, включая стены, а в высоту — семи футов. Через каждые четыре колонны в портиках полагалось оставлять проход. С внешней стороны эргастирии следовало украшать мрамором, «чтобы они придавали красоту городу и доставляли удовольствие прохожим» (Код. Юст., 10, 12, § 1). Устройство мастерских, находящихся в портиках улиц в других частях города, отдавалось на усмотрение префекта города, с соблюдением, однако, известного равенства для всех городских регионов — «так, чтобы то, что позволено в одних кварталах, не запрещалось в других» (Там же).

Портики улиц, общественные здания и площади византийских городов щедро украшали античные статуи. Это город наследовал от предшествующей эпохи, когда искусство скульптуры было необычайно развито и широко распространено. Скульптура здесь сопровождала человека в течение всей его жизни, от колыбели до могилы. Она не являлась лишь памятником искусства, в ней отра-

жалась общественная и частная жизнь горожан, история города, события политической, религиозной и культурной жизни. Скульптура служила важным средством информации и воспитания²⁰.

С IV века, вероятно, в связи с распространением христианства отношение к статуям коренным образом меняется. Они ничего не говорят византийскому обывателю и подобно языческим храмам внушают ему опасения и страх как некое вместилище демонов²¹. Даже такой образованный человек, как Агафий, считает мраморные фигуры ненужным украшением, признаком показного великолепия (Агаф., V, 3).

Искусство скульптуры сводится к созданию портретных статуй императоров и членов их семей, высших государственных сановников, а также прославленных цирковых возничих. Помимо статуй императоров у общественных зданий выставлялись их портреты, нарисованные на досках восковыми красками²². Императорским статуям и портретам поклонялись. Существовал официальный культ императорских статуй, подобно храмам они имели право убежища. В правление императора Льва на пьедестале одной из его статуй (воздвигнутой сестрой императора Евфимией возле ее дома) люди оставляли свои прошения. Навещающую сестру, Лев брал эти прошения от стражи, приставленной к статуе. Рассмотренные прошения возвращались на прежнее место для передачи просителям²³.

Нанести ущерб статуе императора было равнозначно «оскорблению величества» и причислялось к самым тяжким преступлениям. И когда в дни мятежей разгневанный народ низвергал императорские статуи, это было самым веским признаком того, что чаша народного терпения переполнилась.

В ранневизантийских городах до середины IV века доминирующим социальным слоем были средние землевладельцы — куриалы. Их добротные дома и определяли архитектурный облик жилых кварталов. Это были построенные в традиционном греко-римском стиле здания, глухой стеной обращенные к улице, «в скромности постройки чуждающиеся горделивости и пошлости» (Ливан., Речи, XI, 212). Стены и потолки в домах куриалов были украшены росписями, полы — мозаикой. Скульптура — главным образом бюсты любимых и уважаемых людей —

обычное явление в доме куриала. Столь же распространены были и портреты умерших родственников, выполненные на холсте или досках. Многие куриалы имели собственные библиотеки, где помимо классической литературы содержались речи городских риторов и адвокатов, т. е. современные произведения, которые либо нравились хозяину дома, либо служили своего рода пособием и образцом для его публичных выступлений. Показателем достатка была высококачественная серебряная и стеклянная посуда. Богатством и гордостью дома куриала являлись «драгоценности госпожи»²⁴.

С середины IV века идет интенсивный процесс расчленения муниципальной аристократии. Лишь немногие куриалы, выделившись в особую группу — принципалес, упрочивают свое положение, между тем как основная их масса беднеет, продавая за бесценок земли, рабов, серебряную утварь и другое имущество.

Дома же аристократов (сановной знати и верхушки куриалов) становились все больше, комнаты в них увеличивались в размерах. Окруженные прилегающими к ним огромными садами, заполненными кустами роз и виноградными лозами, заползавшими в комнаты, городские дома аристократов превращались в роскошные виллы. Занимая нередко площадь двух — трех прежних домов, они существенно меняли планировку улиц. Несколько подобных вилл обнаружено в антиохийском пригороде Дафна. Особенностью их является внутренний портик, который ведет в главную комнату дома — триклиний. Во внутреннем дворе размещались бассейны и нимфеи²⁵. Как и в Риме, виллы часто располагались по берегам рек, на склонах холмов с террасами садов и прудами для рыб. Остатки террасных вилл, некогда живописно тянувшихся вдоль реки Пактол, обнаружены в Сардах²⁶. В городах, точно так же как это было в сельской местности, виллы, отгораживаясь от внешнего мира, окружаются стенами. Массивные и суровые, они контрастируют с богатой архитектурной отделкой внутренних строений²⁷.

Владельцами таких вилл-дворцов, предназначенных для отдыха и развлечений, являлись в первую очередь представители императорской фамилии²⁸. Элегантный особняк на берегу Босфора имел до вступления на престол Юстиниан. Он был так привязан к этому дворцу,

что после восшествия на престол еще больше украсил его и превратил его в одну из императорских резиденций. Подобные дворцы были богато и с блеском отделаны. Крыши их нередко облицовывались золотом. Они имели широкие портики, балконы, фонтаны, просторные светлые комнаты с дверями из слоновой кости, с плафонами, украшенными вызолоченными обшивками (Патр. гр., т. 55, колон. 511—512). Стены комнат были целиком облицованы мрамором или позолоченным металлом (Там же, т. 47, колон. 493—494). Колонны во дворцах аристократии имели золотые капители, иногда целиком покрывались золотыми пластинами (Там же, т. 55, колон. 511—512). Повсюду находились прекрасные, выполненные в античном духе статуи. Мебель: столы, лежа, сиденья — была отделана серебром или слоновой костью (Там же, т. 48, колон. 779; т. 55, колон. 249; т. 60, колон. 491—492). Большую любовь питали аристократы к фрескам, но еще больше любили мозаику, мода на которую беспрестанно возрастала. Отличавшимися богатством красок мозаиками украшали и стены комнат, и пол. Сюжеты мозаик были различные, но, как правило, светские: мифологические, нередко эротические сюжеты, изображения птиц, животных и, наконец, орнаменты²⁹. Лишь у одной из множества обнаруженных в Дафне мозаик сюжет навеян мотивами христианства³⁰. Ряд мозаик содержит персонификации языческих добродетелей и абстрактных идей, отражающих наиболее важные концепции античной философии и этики, таких как Мегалопсихия, Биос, Дюнамис, Сотерия и т. д.³¹

Комнаты зданий украшались драпировками и коврами, которыми устилали пол или покрывали столы. Глиняные или бронзовые светильники, выполненные в античной манере, но снабженные иногда крестами, дополняли убранство комнат³². В Эрмитаже хранятся образцы византийских светильников того времени: в виде лилии, рыбы, головы дракона, верблюда³³. Любопытна бронзовая люстра с рожками для светильников, точно воспроизводящая базилику с рядами колонн, соединенных арочками, с двускатной крышей и апсидой в восточной части³⁴.

Богатством дома и предметом гордости его хозяина являлась прекрасная посуда из серебра, а иногда и из золота, украшенная изображениями на темы из античной

мифологии. На блюдах и кувшинах красовались силены и менады, Мелеагр и Аталанта, Ахилл и Одиссей, Венера и Анхис, кормление священного змея жрицей и т. п.³⁵ Сюжеты и манера исполнения перекликаются с декоративной скульптурой того времени³⁶.

12. Серебряный кувшин.
VII век, Ленинград

Аристократы могли иметь по несколько домов, причем не только дворцы-особняки. Уже во времена Римской империи наметилось слияние двух типов зданий — домуса и инсулы — в один смешанный тип. Здание могло быть одновременно и резиденцией аристократа (занимавшего обычно первый этаж), и доходным домом. В Византии тенденция к появлению нового типа здания находит свое продолжение. Резиденция аристократа все больше превращается в коммерческое предприятие. Подобные дома могли занимать целый

квартал, который принимал название по имени владельца. У богатой вдовы Олимпиады (IV век) в таком квартале имелись сдававшиеся внаем мастерские и помещения для жилья, бани³⁷. Значительная часть городского населения проживала, по всей видимости, на территории таких домов — кварталов, в квартирах, снятых у богачей. Помещения могло сдавать и государство, что в первую очередь относилось к находившимся в портиках мастерским, которые одновременно могли служить и жильем. В Сардах в портиках улиц на первом этаже размещались мастерские, на втором — склады или помещения для жилья³⁸.

Безусловно, помимо аристократии отдельные дома могли иметь представители и других слоев населения: военные, интеллигенция, ремесленники и торговцы³⁹. Однако все большее распространение получают именно доходные дома. Плата за квартиру была высокой, для малоимущего человека подчас просто непосильной. В одной из новелл Юстиниана неуплата за квартиру тракту-

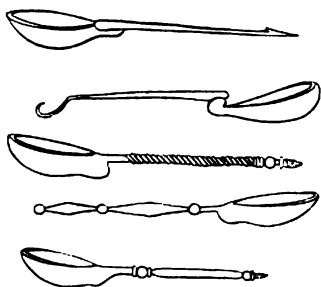
ется как весьма распространенное явление (Нов., 88).

Сдача внаем помещений приобрела столь широкие размеры, что ею пользовались и люди небольшого достатка, и порой хозяин помещения был лишь немногим богаче, чем его наниматель⁴⁰. Предметом сдачи внаем могла служить даже находящаяся в пригороде монастырская келья⁴¹.

Бедняк обычно вынужден был довольствоваться жалкой каморкой, где охалка хвороста спасала его от холода (Виз. лег., с. 82). Бывало и так, что люди, которым негде было приютиться, спали в портиках и на папертях церквей.

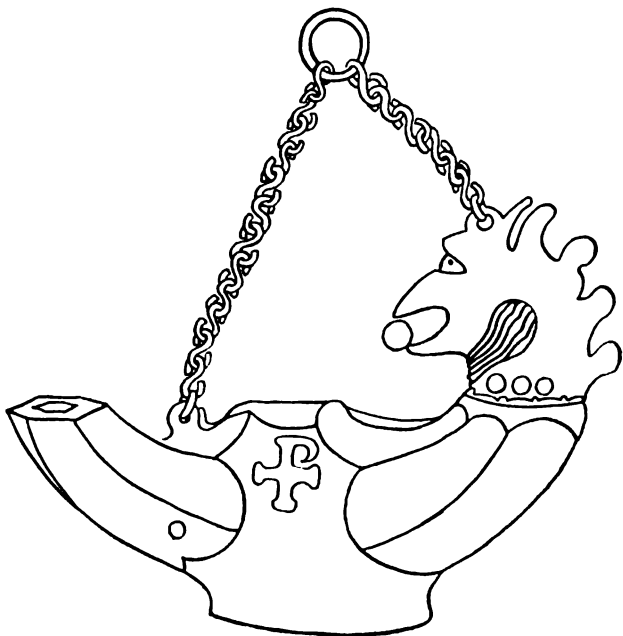
В столице империи и в других городах все больше строится многоэтажных (в семь — девять этажей), узких в сравнении с их высотой домов, которые буквально лепились друг к другу. Строительную площадь стремились использовать максимально, для чего в верхних этажах делались своеобразные надстройки-эркеры. Закон императора Зинона и новелла Юстиниана тщетно предписывают не строить дома выше 100 футов и ближе 12 футов друг к другу, сохраняя это расстояние вплоть до крыши (Код. Юст., VIII, 10, 12; Нов., 63, Предисл.). Юстиниан пространно объясняет свое постановление тем, что узкие и высокие дома портят красоту города и закрывают вид на море (Нов. 64, Предисл.). Но, вероятно, подобные законы преследовали и более практическую цель. Агафию, например, представляется, что скученность домов способствовала разрушительной силе землетрясений, которые приводили к гибели большого числа людей (Агаф., V, 3).

Чрезмерная близость домов приводила их владельцев к частым спорам, где трагическое порой переплеталось с комическим. Агафий сохранил для нас рассказ об одном из подобных эпизодов повседневной жизни городских обывателей того времени — рассказ о курьезных последствиях ссоры соседей — ритора Зинона и механика Анфи-

13. Серебряные ложки.
Конец IV—VII век, Ленинград

мия. Дома их находились настолько близко, что казалось, будто они обитают в одном жилище. Ссора возникла по той причине, что кто-то из них сделал пристройку то ли наверху здания, загораживая тем самым свет соседу, то ли в каком-то ином месте. Не имея возможно-

14. Бронзовый светильник в виде грифона. IV век,
Ленинград

сти победить риторю словесно, механик устроил в его доме искусственное землетрясение (Агаф., V, 6—7).

В отличие от городов с их ровными прямыми улицами, украшенными колоннами, прекрасными зданиями и памятниками искусства, с их ипподромами, грандиозными термами и величественными храмами, сельские поселения имели куда более скромный вид. Они, прежде всего, не обладали сколь-нибудь заметной планировкой. Дома располагались здесь в хаотическом беспорядке, контрастировавшем с единообразием их внешнего вида. Жилища походили друг на друга, словно близнецы. Размеры строений, их планировка, внутренний вид и убранство

поразительно повторялись в каждом отдельном случае. Церкви и общественные здания (андроны, термы, рынки, гостиницы), если они имелись, не выделялись среди жилых домов ни архитектурным обликом, ни размерами. Не образовывали они, за редким исключением, и особую центра поселения⁴².

Одним из распространенных типов сельских поселений были поселения мелких свободных землевладельцев. Немало их было в Египте, Малой Азии, на Балканском полуострове⁴³. В новелле XXIV от 535 года упоминается о многочисленных сельских общинах Писидии, их многочисленности, беспокойном и независимом характере, частых возмущениях против сборщиков налогов⁴⁴. В XXV новелле дается сходная характеристика соседней Ликаонии. «Эта провинция,— говорится в новелле,— имеет таких же сильных мужей, как Исаурия... Там часты крупные селения, населенные людьми, опытными в верховой езде и стрельбе из лука, которые легко воспаляются и хватаются за оружие» (Нов., XXV, 1).

Между соседними селениями нередко вспыхивали конфликты, ссоры из-за земли, границ и воды. В египетских папирусах часто встречаются упоминания о драках, которыми заканчивались конфликты между деревнями⁴⁵. Отголоски подобных столкновений сохранились и в житийной литературе. Примером может служить эпизод из рассказа Лавсаика о девственнице Пиамун: «Однажды во время разлития Нила одна деревня напала на другую, ибо между деревнями бывают ссоры из-за раздела воды, причем дело нередко доходит до кровопролития и смертоубийства. Итак, сильнейшая деревня напала на деревню, в которой жила Пиамун. Множество народа шло туда с камнями и дубинами, чтобы совсем разорить враждебную деревню»⁴⁶.

Типы сельских жилищ варьировались в зависимости от климатических и других локальных особенностей. В Каппадокии жилища высекались прямо в скалах. В областях Армении дома состоятельных поселян состояли из двух помещений: жилого (туна) и хлева для скота (гома). Тун — помещение, квадратное в плане (длина одной стороны — 5—7 метров), с четырьмя парами деревянных столбов у стен, сложенных из неотесанного камня. Крыша туна имела вид шатра и выстилалась снаружи камышом или соломой и обмазывалась глиной. Гом представ-

лял собой удлиненное прямоугольное помещение с двумя рядами прямоугольных столбов на каменных базах, которые несли на себе деревянную кровлю, покрытую снаружи, как и в туне, слоем глины⁴⁷.

Благодаря обширным раскопкам в районе массива Белус в северной Сирии, достаточно хорошо известен

15. Висячая бронзовая лампа в форме верблюда. IV век (?), Ленинград

местный тип сельского жилища. Это четырехугольное сооружение, окруженное высокими стенами. Большая дверь вела во внутренний двор, в северной части которого находился дом, обычно — вытянутое двухэтажное здание с портиком, обращенным на юг. Здание строилось из камня и имело двускатную деревянную крышу, крытую черепицей⁴⁸. К дому примыкали подсобные помещения. В целом ансамбль представлял собой отгородившийся от внешнего мира комплекс. Семья, занимавшая его, являлась автономной экономической единицей, была замкнута в самой себе⁴⁹.

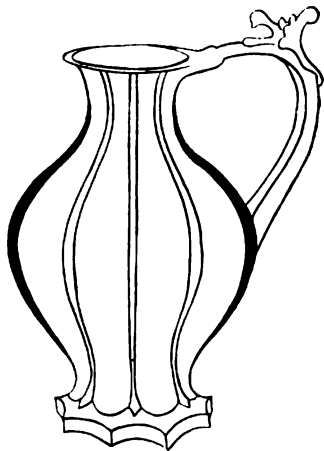
По такому же плану, помимо крестьянских домов, строились и виллы, и жилища мелких зависимых земледельцев. План, ориентация по странам света одни и

те же во всех трех типах сельских жилищ. Различие, однако, сказывалось в размерах и отделке построек.

В крестьянском доме жилые помещения отличались скромностью размеров и отделки, подсобные же помещения сравнительно велики, им явно придавалось большое значение. В вилле преобладает жилая часть. Это монументальная и тщательно отделанная постройка, доминирующая над другими строениями. Дома мелких зависимых земледельцев внешне напоминают виллу, но это всего лишь сильно уменьшенное и ухудшенное ее подобие. Точно так же, как в виллах, в крестьянских домах, жилая часть представляла собой двухэтажное здание с портиком, обращенным на юг. Но в их маленьких дворах подсобные помещения сведены до минимума, а иногда и вовсе отсутствуют⁵⁰. И все же, при всей своей скромности, такие жилища были значительно удобнее помещений для рабов.

Для всех трех типов домов характерна простота внутреннего устройства. Жилая часть, как правило, состояла из одной или двух несмежных и одинаковых по размерам комнат на каждом из двух этажей. Комнаты, имевшие продолговатую форму, были узкими и низкими в домах крестьян и, напротив, просторными и хорошо освещенными в виллах. В домах не было очагов, комнаты отапливались, по-видимому, с помощью жаровен. Пища готовилась либо во дворе, либо в подсобных помещениях, либо в нижнем этаже⁵¹.

Рабы и проживавшие в имении зависимые работники жили в подсобных помещениях или на первом этаже, оставляя для семьи хозяина верхний этаж⁵². В отдельных имениях еще сохранялись «рабочие кварталы» из жалких хижин, построенных из песчаника, лишенных двора и состоявших зачастую из одной комнаты⁵³.

16. Серебряный граненый кувшин. Конец VI — начало VII века, Ленинград

В вошедших в состав Византийского государства восточных регионах бывшей Римской империи, пока еще в сравнительно небольшой степени затронутых разрушительными набегами варваров, с хорошо сохранившимся многоотраслевым сельским хозяйством, имелось вполне достаточно пищевых ресурсов. Однако обилие и разнообразие, в сравнении с опустошенным Западом, производившихся пищевых продуктов отнюдь не являлись в условиях византийского общества гарантией достаточно сытной и свободной от забот о пропитании жизни для большинства населения страны.

Голодный бедняк мечтал о куске хлеба, но не всякий хлеб был ему доступен. Хлеб пекли самого разнообразного качества, и обилие его сортов как бы отражало сложную социальную структуру византийского общества. Существовал прекрасный хлеб — силигнитис — хлеб богатых людей, выпекавшийся из высших сортов пшеницы. Его также использовали в церкви как причастие и давали больным, поскольку он способствовал пищеварению. Далее шел хлеб сеидалитис, который выпекался из муки несколько более низкого качества. Существовали средние сорта хлеба и, наконец, грубый хлеб для бедных⁵⁴. Солдаты и монахи предпочитали хлеб, называемый пексамас. Его дважды пекли в печи, пока не испарялась вся влага, и хотя он был очень жестким, долго не плесневел⁵⁵.

Пищей бедняков были бобы, чечевица, горох и упомянутый выше грубый хлеб⁵⁶. Между тем кулинарное искусство в Византии было высоко развито и немало ценилось. Злые языки поговаривали, что за удачно приготовленное блюдо Иоанн Каппадокийский назначал своих поваров на высокие должности (Иоанн Лид. О маг., III, 62). Роскошные обеды были обычным явлением в домах аристократов. Еда нехотя, без чувства, казалась этим людям чем-то странным и подобающим лишь монахам. Кушанья были предметом застольных бесед и долгих обсуждений, как какие блюда готовить и в каком порядке их подавать. Перед началом пира стол опрыскивали благовониями. Во время пира повар строго следил за тем, как подавались блюда, самыми изысканными из которых были фазаны и пулярки, изжаренные на углях и начиненные рыбой (Патр.гр., т. 58, колон. 716). Деликатесом считалась зайчатина, а охота

на зайцев была одним из любимых видов спорта у аристократов⁵⁷. Пищу приправляли изысканными соусами, в состав которых входили ароматические травы, доставляемые из Индии. Епископ Амасии Астерий (конец IV — начало V века) едко заметил, что мирополы больше служат поварам, чем врачам⁵⁸.

Любовь к хорошей кухне постепенно проникла и в среду церковнослужителей. При дворах патриархов существовал целый штат поваров. С кухни патриаршей резиденции в Александрии Иоанну Милостивому подавали овощи, суп, вино, большую рыбу⁵⁹. Когда прославленный монофисит Север занял в 512 году патриарший престол в Антиохии, он начал с того, что ввел суровую дисциплину в патриаршем дворце, сместив поваров и их помощников, а с ними упразднив и их кулинарное искусство. Он приказал покупать на рынке простой грубый хлеб, какой обычно пекари изготавливали для бедных⁶⁰. Надбó полагать, что такие порядки в Антиохии продолжались недолго.

Не только богачи, но и люди победнее стремились отмечать любое семейное торжество пиром, продолжавшимся далеко за полночь (Феоф. Сим., VIII, 13. 8—9). Во время общественных праздников столы накрывали прямо на улицах, и каждый ел сколько хотел (Там же, I, 10.10).

Среди различных блюд, употребляемых византийцами, источники неоднократно упоминают кушанья из мяса: говядины, свинины, баранины и козлятины⁶¹. Изготавливались окорока и колбасы, однако копченая пища считалась грубой и не принадлежала к числу деликатесов (Виз.лег., с. 76, 78). При употреблении в пищу мясо приправляли горчицей и чесноком (Там же, с. 79). Мяса больше ели во внутренних областях, в прибрежных районах в пище преобладала рыба. В деревне мясо ели чаще, чем в городе, но для употребления в пищу обычно использовали старых, иногда больных животных, что было причиной частых отравлений⁶². Рацион византийцев дополняли сыр, яйца и молоко (включая овечье и козье)⁶³. В пищу употребляли много овощей, которые ели сырыми и разными способами приготовленными. В источниках упоминаются приправленная свекла, особым образом приготовленный горох⁶⁴. Фрукты (яблоки, виноград, гранаты, инжир и т. п.) ели свежие, сушеные⁶⁵.

. Любили мед, чудесные сорта которого доставлялись из Африки⁶⁶, а также кондитерские изделия: пироги, торты, пирожные, всевозможные сладости⁶⁷.

Существенным добавлением к пище, как это вообще свойственно южным странам, было вино. В вине ценили красивый цвет и наслаждались его ароматом. Впрочем, как и в хлебе, здесь было большое разнообразие сортов. Существовала, например, кисловатая смесь из вина и воды, напоминавшая уксус, единственной целью которой было утолить жажду. Плохое, дешевое и невкусное вино делали египтяне. Оно называлось «мареотик», так как производилось в районе озера Мареотиды⁶⁸. Прекрасное ароматное вино изготовлялось в Палестине⁶⁹. Высоко ценился киликийский мускат⁷⁰. В одной из церквей Амиды монахи готовили порошкообразное вино, о чем поведал нам Захарий Ритор. Изготовлялось оно следующим образом. Хорошее вино выставлялось в течение семи лет на солнце, пока оно не становилось в буквальном смысле слова сухим. Обычно его брали в дорогу экономя, положив в маленькие полотняные мешочки. Порошок растворяли в воде, и она приобретала сладость и вкус вина (Зах. Рит., VII, 4).

Ели не только дома, но и в многочисленных лавках и харчевнях, которые с увеличением числа городской бедноты появляются даже в таких небольших городах, каким была, например, Эмеса (Виз.лег., с. 68—69). В городах с лотков продавали фрукты, овощи, сушеные фиги, сыр⁷¹. В той же Эмесе пирожники торговали своими кондитерскими изделиями во время службы в церкви, прямо у входа в храм (Виз.лег., с. 68). Харчевни часто располагались вдоль дорог. Повар одной из подобных придорожных харчевен, Стефан, настолько прославился своим кулинарным искусством, что многие высокопоставленные чиновники специально приезжали к нему. Источник, сохранивший его имя, поведал нам и о том, что помимо полагающейся стоимости блюд довольные посетители платили Стефану и немалые «чаевые»⁷².

Мы можем с достаточной определенностью судить о характерных для Византии видах кушаний и напитков, об особенностях приправ и соусов, об общем состоянии кулинарного искусства, но у нас, к сожалению, нет точных данных о типичном повседневном меню основной массы населения, подобных тем сведениям, которыми

располагает наука относительно обычного меню жителя Древнего Рима⁷³. Во всяком случае, мясо и рыба могли входить в ежедневный рацион и сравнительно небогатых византийцев⁷⁴, но, очевидно, в этот период в их пище все больше возрастает удельный вес овощных блюд⁷⁵. Человек получает все меньше и меньше разнообразной, богатой белками и жирами пищи, которая требуется его организму. Люди часто жалуются на недомогание и слабость, растет число заболеваний, связанных с недостаточным и однообразным питанием⁷⁶. Увеличивается смертность, в том числе детская. Мужчины умирают в возрасте 35—44 лет, женщины — в возрасте 25—34 лет. Особенно много людей умирало весной и в начале лета (с апреля по июнь)⁷⁷, т.е. после трудностей зимы и поста.

Посты в те времена соблюдались весьма строго. Малала сохранил свидетельство о том, как император Юстиниан решил перенести пост и приказал мясникам закалывать скот и продавать мясо. Мясники выполнили императорский указ, но мяса никто не покупал (Мал., с. 482—483).

Тенденции к строгости можно заметить и в одежде. Если охарактеризовать костюм того времени в двух словах, то можно сказать, что одежда (как мужская, так и женская) становится более закрытой. Основной одеждой оставалась льняная или шерстяная (в зависимости от сезона) туника и плащ. Однако покрой их существенно меняется. Туника почти целиком закрывает ноги, спускаясь до самых лодыжек. Появляются длинные рукава. В эпоху Юстиниана у наиболее экстравагантной части молодежи эти рукава были очень узкими у запястья, сильно расширяясь к плечам. В этом сказывалось стремление подчеркнуть красивое, физически развитое тело (Прок. Тайн. ист., VII, 13). Вообще же в покрое платья следовали контурам человеческого тела, а чрезмерная пышность в одежде являлась предметом осуждения.

У мужчин входят в моду штаны, которые как на Западе, так и на Востоке получили столь широкое распространение, что император Гонорий, считая эту одежду несовместимой с понятием «римлянин», издал закон, запрещающий ношение штанов⁷⁸. Запрет, по-видимому, реальной силы не имел. Более того, появляется спе-

циальная профессия брючника⁷⁹. Штаны были необычайно модны в Византии во времена Прокопия (Там же, VII, 14).

Более закрытой становится и обувь, которая напоминает военную (Там же, VII, 14). В среде богатых молодых щеголей на рубеже IV—V веков вошло в обычай носить обтягивающие ногу сапоги, расшитые яркими узорами из шелковых нитей. Обращаясь к подобным модникам, осторожно ступающим по улицам, опасаясь заплыть или испачкать в грязи свою изящную обувь, Иоанн Златоуст ядовито советовал им ради пушей сохранности вешать сапоги на шею или положить их себе на голову (Патр.гр., т. 58, колон. 501). В VI веке особенно модной у богатой молодежи становится гуннская обувь с загнутыми носами (Прок. Тайн.ист., VII, 14).

Одежду и обувь шили не только на заказ, но и на продажу. Синесий Киренский (V век) пишет брату о прибытии в Фикунт некоего афинянина, продавца обуви и одежды, который как это следует из текста письма, периодически приезжал со своим товаром в этот ливийский город (Патр.гр., т. 66, колон. 1380).

Прическа у мужчин продолжала оставаться римской. Они либо брились, либо носили короткую бороду и небольшие усы. Но в VI веке входят в моду усы и борода, «которым позволяли расти пышно, как у персов» (Прок. Тайн.ист., VII, 9—10). Волосы модники спереди стригли у висков, позволяя им сзади расти на гуннский манер, свободно и без всякой прически (Там же).

Волосы являлись предметом особой заботы женщин. Иоанн Златоуст неоднократно говорит о причудливом плетении женских волос (Патр. гр., т. 48, колон. 589). «Златовидные волосы, блестящие и светящиеся», вьющиеся кольцами и уложенные так, что напоминают шатер или башню — такими изображают женские прически Григорий Богослов и Синесий Киренский. «Греховные» заботы византийских женщин о своих прическах были не по душе служителям церкви, и 96-й канон Трулльского собора указывает: «Мы отечески врачуем тех, кто на соблазн другим убирает и украшает волосы искусственным образом и тем самым предлагают нетвердым душам приманку, врачуем подобающей эпитимией, наставляя их и поучая жить скромно...»

И все же прически византийских женщин были, по

всей видимости, более скромными, чем у римских матрон, чья затейливая фантазия может сравниться лишь

17. Император, архиепископ и придворный. По мозаике VI века, Равенна

с необычайной экстравагантностью XVIII века. Во всяком случае, мы ничего не слышим о металлических каркасах для причесок и светлых париках, столь распрост-

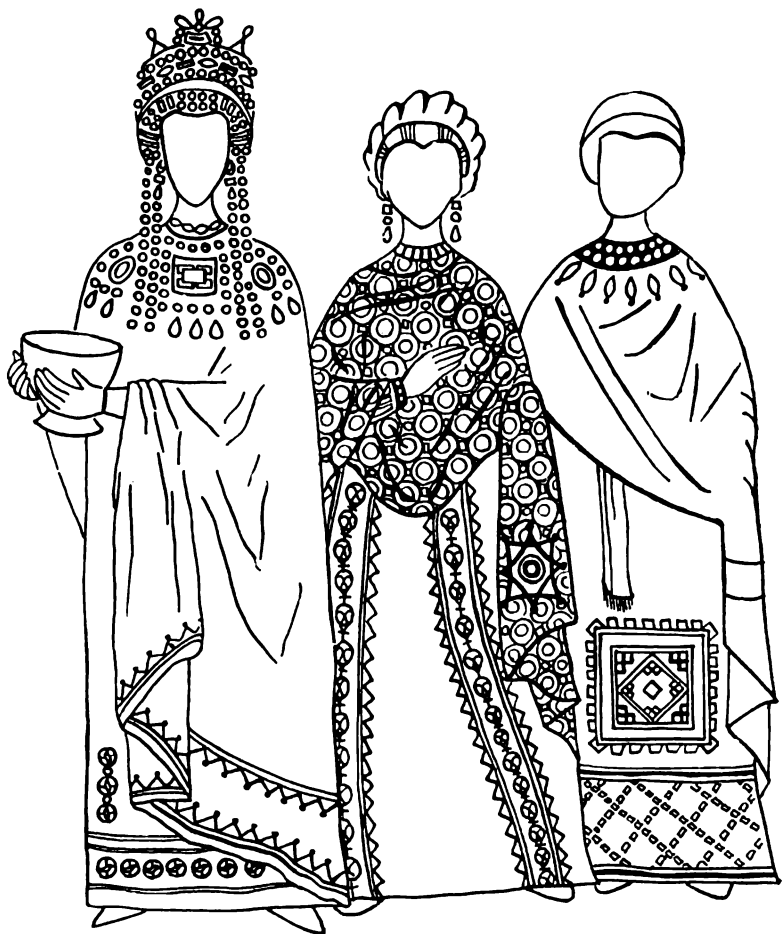
раненных в Риме⁸⁰. Необходимой деталью женского туалета, вероятно, не без влияния христианства, стало покрывало, ниспадавшее с головы на плечи и порой почти скрывавшее лицо (Евагр., III, 34). Сбросить покрывало на плечи и тем самым совершенно открыть голову и лицо считалось верхом неприличия и могло сойти с рук только актрисе (Виз.лег., с. 18).

Но, словно для того, чтобы компенсировать скромный покрой одежды и несложность прически, ткани женского костюма становятся более яркими. Впрочем, это касается и мужских одежд. В моду входит шелк, который, во всяком случае в одежде придворных, постепенно вытесняет лен и шерсть. В IV веке в среде аристократов в большой моде были ткани, расшитые крупными фигурами людей, животных, птиц и растений. Целые картины (сюжеты которых были навеяны как язычеством, так и христианством) разворачивались на тканях, которые использовались и для одежды, и для драпировок. Не только женщины, но и мужчины любили пощеголять в подобной одежде. В своих пышных костюмах они выходили на площадь иногда лишь для того, чтобы удивить ими прохожих. Дети окружали их, смеясь и показывая пальцами на изображения, которые разворачивались перед их любопытным взором: лес, скалы, охотники, львы, леопарды, медведи, быки и собаки. На других костюмах можно было увидеть евангельские сцены: Христа с его учениками, сцену воскрешения Лазаря, исцеление расслабленного и т.п. По сюжетам, манере исполнения и яркости красок они так напоминали мозаики того времени, что казались прохожим одушевленными стенами (Патр.гр., т. 40, колон. 165—168; т. 83, колон. 617).

Подобная мода продолжала существовать и в VI веке. Во всяком случае, на мозаике церкви Сан-Витале в Равенне пурпурный плащ Феодоры украшен сценой поклонения волхвов. В целом, однако, знатные дамы в этот период предпочитают пестрые восточные ткани с мелким рисунком. Незадолго до этого в моду входят ткани с изображениями цветов, плодов и растений⁸¹.

Непременным атрибутом богатого женского туалета служили украшения из жемчуга, золота, серебра, бисера и драгоценных камней. Людям нравилось «услужить глаза блеском и красотой драгоценностей». Не толь-

ко женщины, но и мужчины носили перстни со вставленными в них камнями (Код. Юст., XI, 12). Даже

18. Императрица с придворными дамами. По мозаике VI века, Равенна

военная одежда (Там же), пояса, уздечки украшались золотом и драгоценными камнями. Что же касается женщин, то не было ничего, «что они не сделали бы, чтобы заполучить красивые серьги» (Патр.гр., т. 48, колон. 787). Руки, шея, прическа, весь женский наряд

сверкал золотом, жемчугом, драгоценными камнями, и «даже нагота ног была украшена перлами»⁸². Не только аристократки, но и женщины небогатые стремились приобрести украшения, которые являлись порой единственной ценностью в семье. В утешение тем, кто не мог приобрести украшения из драгоценных металлов и камней, существовала масса всевозможных подделок, а также изделия из меди и бронзы⁸³.

Куда бы ни выходила женщина, даже в бани, она надевала на себя массу драгоценностей, хотя в банях их нередко воровали (Там же, т. 48, колон 581). Женщины были настолько привязаны к своим безделушкам, что Иоанн Златоуст решает даже сказать, что они любят их почти так же, как собственных детей (Там же, т. 48, колон. 787—788). Впрочем, женские украшения (ожерелья, браслеты, серьги и кольца) не отличались изяществом, были тяжеловесны и неудобны. Большие и тяжелые серьги, например, нередко приводили к деформации ушей.

Большое распространение имели различные косметические средства. Женщины румянились, заботились о белизне своего лица, подкрашивали глаза и ресницы. Тело умащивали благовониями. Особенно любили розовое масло.

Богатые женщины ездили в повозках, запряженных мулами, и бывали порой настолько изнежены, что не хотели даже улицу перейти пешком (Там же, т. 57, колон. 79). Если же муж давал лошадкам другое назначение, в доме воцарялись «уныние, ссора и упорное молчание» (Там же, т. 48, колон. 583). Повозку щедро украшали, и Златоуст не без сарказма замечает, что и голова жены, и голова лошади устаиваются одной и той же чести (Там же, т. 62, колон. 259).

Как ни убеждал талантливый проповедник своих слушательниц, что чрезмерная роскошь мешает выжить природной красоте и лишь подчеркивает безобразие лица, что рядом с блеском жемчужины кожа кажется еще смуглее (Там же, т. 48, колон. 581), любовь к роскоши брала свое. Даже в церковь женщины являлись в изящных нарядах, сияя золотом и блеском драгоценных камней (Там же, т. 62, колон. 541). Дома за трапезой, после службы в церкви обсуждались не только слова проповедника, но и женские наряды и дра-

гоценности (Там же, т. 58, колон 786). Думая только о том, чтобы затмить соперниц, женщины докучали своим мужьям постоянными требованиями купить «и платье более дорогое, чем у соседки и женщины равного звания, и белых мулов, и золотую сбрую» (Там же, т. 51, колон. 192).

Даже девственницы и вдовы умели проявить большое искусство в подборе предписанных их положению темных простых одежд. Их обыкновенные платья бывали порой настолько изысканны, с такой заботливостью перевязаны поясом около груди, что были более обольстительны, чем всевозможные шелковые наряды (Там же, т. 62, колон. 541—542). С большой тщательностью накладывали они вокруг лица повязку, которая была значительно белее их кожи, а затем сверху набрасывали черное покрывало, так чтобы черный цвет на белом фоне выглядел более выгрышно (Там же, т. 62, колон. 542).

Костюм византийца отражал социальное положение его обладателя. Прокопий порицает стасиотов за то, что они одевались более роскошно, чем это требовало их положение и достоинство (Прок. Тайн.ист., VII, 11). Крестьяне, даже состоятельные, носили скромные, хотя и добротные одежды, сшитые в родной деревне. Иоанн Златоуст просил своих прихожан-антиохийцев не осуждать деревенский покрой их платья. Украшений не носили даже жены зажиточных крестьян⁸⁴. Туники бедняков были короче, чем у людей с положением, материал грубее. Эта одежда была простой и удобной для работы. Бедняк, как правило, имел лишь одно платье, иногда заношенное до дыр. Богачи, напротив, надевали несколько одежд даже в жару (Патр.гр., т. 62, колон. 259).

В среде византийской аристократии существовала масса разнообразных знаков отличия, заметно усложнившихся со времен Римской империи. У римлян отличительным признаком сенаторского звания были пурпурные полосы на одежде, которые назывались «клавы». Они постепенно утратили свое значение, и любой свободный римлянин мог украсить край одежды такими полосами⁸⁵. В Византии же клавы являются непременным отличительным признаком высокого положения и приобретают вид не только полос, но и квадратов, ром-

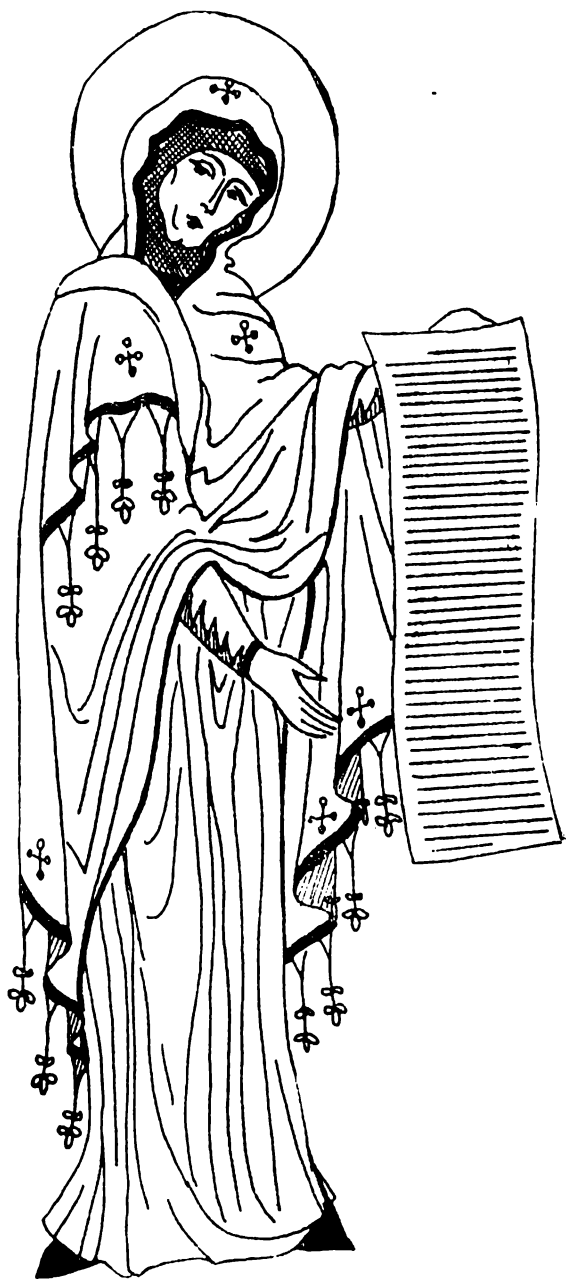
19. Костюм сельского жителя. По росписи римских катакомб, IV век

бов, углов, крестов, кругов⁸⁶. Высшим отличительным знаком был золотой ромб (тавлион) на пурпурном плаще императора. Ближайшие сподвижники императора носили пурпурные ромбы на белой одежде. Знаками отличия были также золотые пояса, бляхи и застёжки.

Весьма распространенным явлением в эту пору было ношение амулетов, которым приписывали чудодейственную силу. Объяснялось это тем, что все византийцы (и язычники, и христиане), начиная с императора и императрицы и кончая последним нищим, были удивительно суеверны. Магия в этот период процветала даже в среде риторов и философов⁸⁷. Так, Синесий Киренский, прошедший хорошую математическую школу под руководством Ипатии, сам конструировавший астрономические и физические приборы, в то же время, подобно большинству своих современников, испытывал постоянную тягу к религии, верил в сны, приметы, предсказания и даже написал целый трактат о возможности предвидеть будущее посредством снов⁸⁸. Люди верили в колдовство, в гадания, в чародеев, в волшебные любовные напитки.

Первым в ряду суеверий, свойственных людям этой эпохи, была глубокая вера в силу дьявола, в то, что могущество дьявола почти равно божественному. В наличии подобных убеждений у многих византийцев, в сильном тяготении их к дуализму сказывалось влияние маркионитских и манихейских учений.

Странное смешение сект царило тогда на Востоке, где с давних пор из самых разнообразных источников исходила масса религиозных идей и учений. Язычники, хотя и менее многочисленные, нежели христиане, все еще составляли значительную часть населения. Многочисленны были иудеи, но особенно много было христиан-еретиков. В обыденной, повседневной жизни вражда далеко не всегда была формой взаимоотношений между представителями различных религиозных направлений; их взаимное влияние друг на друга не было редкостью. Страстный поклонник язычества Ливаний находился в дружеских отношениях с отдельными христианами и иудеями. Его постоянным корреспондентом был его бывший ученик Василий Кесарийский; он состоял в переписке с Григорием Назианзином, который также некогда являлся его учеником (Сокр., VI, 3; Соз., VI, 17;

20. Костюм простолюдинки. По мозаике XII века, Палермо

VIII, 2). В хороших отношениях был Ливаний с христианином Фалассием; дружил с первосвященником иудеев Гамалиелем (Лив., Письма, 914, 918, 973). Во время археологических раскопок в Сардах было обнаружено, что ремесленные мастерские христиан, язычников и иудеев находились в мирном соседстве⁸⁹.

Постоянное и непосредственное общение в быту сторонников различных вероучений во многом способствовало возникновению того странного синкретизма религиозных суеверий, почерпнутых из казалось бы несовместимых источников, который был характерен для самых различных слоев византийского общества.

Шумная, беспокойная жизнь в городах и общая тяга к религии вызвали появление одного из наиболее примечательных явлений ранневизантийской цивилизации — аскетизма и самых разнообразных форм отшельничества. Люди покидали города и селения, пополняя ряды пустынножителей, столпников и постников, ставивших выше всего победу духа над грешным телом. Множество отшельников появилось в Египте, где Ливийская пустыня получила вследствие этого название «пустыни святых». Отшельничество распространяется в Сирии, Палестине; свои подвижники появляются в Константинополе и Западной Европе. Слухи о подвигах пустынников производят глубокое впечатление на самые различные слои общества, привлекают внимание государства. Императоры входят в письменные сношения с наиболее известными анахоретами, спрашивают их совета в государственных и церковных делах.

В Сирии аскетизм и пустынножеская жизнь стали обычным явлением, отшельники пользуются здесь общим уважением. Никого не удивляет вид людей, живущих как дикие звери в уединенных горах и в пещерах или долгие годы подвигающихся в тесном пространстве между высокими стенами и сообщающихся с внешним миром через узкое отверстие в стене. Самые странные обычаи и необыкновенные поступки возбуждают похвалу и желание подражать. Одни обнаженными предпринимали длительные прогулки по снегу, другие, чтобы приучить себя к молчанию, держали камень во рту. Инициатором особого рода подвижничества стал Симеон Столпник, придумавший новый способ самоистязания — стояние на высоком столпе.

Симеон не относился к числу известных политических, государственных или культурных деятелей и не обязан своей известностью каким-либо военным или гражданским свершениям, и между тем церковная история едва ли может указать имя более известное, чем имя Симеона Столпника. Своей славой он был обязан исключительно тому способу самоистязания и аскетизма, который он избрал.

Симеон Столпник — один из наиболее известных и популярных отшельников в первые века существования Византийской империи. Его странный, неестественный, с точки зрения нашего современника, «подвиг» наиболее ярко отразил тот особый религиозный настрой и атмосферу воодушевления аскетическими поступками, которые заметны не только в Сирии, но и на всем Востоке в IV — середине VII века. В разных областях обширной империи проявились свои особенности религиозного пристрастия в зависимости от местных этнических отличий и традиций.

Многочисленны были отшельники и в Палестине, где возникла масса монашеских общин и обширные лавры (Саввы Освященного и др.). Монастыри создаются не только на месте подвижничества того или иного отшельника, но и в городах, и роль монашеского населения здесь, как и вообще духовенства, была весьма значительна. В своем религиозном рвении духовенство, и в первую очередь монашество, нередко доходило до крайнего фанатизма, беспощадно уничтожая сокровища античной литературы и искусства и нанося таким образом крупный ущерб мировой культуре. Это прежде всего относится к египетскому духовенству. Здесь по наущению епископа Феофила был сожжен в 391 году знаменитый Серапиум со всеми его обширными книжными сокровищами. На совести фанатического духовенства лежит и зверское убийство известной своей ученостью всему тогдашнему цивилизованному миру женщины-философа Ипатии.

Весьма активно вело себя монашество в правление Анастасия, тяготевшего к монофиситству. Столица империи была в то время буквально наводнена монахами различных направлений. Константинопольские ортодоксальные монахи открыто противопоставили себя патриарху и императору, отказавшись от общения с ними и

откровенно проявляя враждебность. На помощь им в большом числе явились монахи из Палестины, а незадолго до этого прибыла депутация монахов-монофиситов из Сирии в количестве 200 человек (Феоф., с. 152). И те, и другие вели свою агитацию среди населения столицы. Атмосфера в городе была тревожной.

Много монахов было в Константинополе и в 531—532 годах, в период подготовки и проведения переговоров с монофиситами. Тогда после восстания Ника под влиянием агитации монофиситского монашества «весь город», по словам Иоанна Малалы, собрался на форуме Константина, молясь и требуя предать сожжению акты Халкидонского собора (Пасх. хрон., с. 629).

В городах частым явлением стали крестные ходы, которые устраивались в дни праздников, памятных дат, а также во время неурожая и природных бедствий. В ноябре 472 года пепел извергающегося Везувия достиг Константинополя и землетрясение потрясло города Малой Азии. Страшно напуганные жители столицы собрались на всенародное моление на форуме Константина (Марц. Ком., с. 90). Затем моления в память об этом бедствии стали устраиваться ежегодно (Там же, с. 98).

Тяга к религии, к монашеской жизни была яркой приметой времени и так или иначе затронула все слои общества. Монахами становились подчас люди высокого звания. Так, Иоанн Винкомал, занимавший пост магистра оффиций в 450 году и достигший консульского звания в 453 году, принял пострижение в монастыре Вассиана и самым ревностным образом исполнял всякую черную работу по монастырскому хозяйству. Тем не менее звание и права сенатора Иоанн сохранял. Облечившись в соответствующие одежды, он отправлялся со свитой, подобающей его сану, на заседания сената, где исполнял свои государственные обязанности, чтобы вернуться затем к строгой жизни монаха (Феод. Ан., I, 17).

С монахами любил вести беседы Юстиниан, подобно многим своим современникам увлекавшийся теологическими проблемами. Монахи-монофиситы находили приют и покровительство у императрицы Феодоры, которая, ласково принимая во дворце этих одетых в лохмотья и грубо откровенных в беседах отшельников из Египта и Сирии, просила их молиться за нее.

Во время пребывания в Константинополе видного деятеля палестинского монашества Саввы Освященного первые дамы константинопольского двора Юлиана Аникия и жена племянника императора Анастасия Помпея Анастасия считали честью для себя быть принятыми этим настоятелем монастыря.

Иоанн Эфесский в бытность свою в столице останавливался у племянника Анастасия патрикия Проба⁹⁰.

Многие влиятельные и богатые лица строят свои монастыри. Таков, например, Студийский монастырь, основанный консулом 454 года патрикием Студием, представителем родовитой римской знати.

Завещание имущества церкви, монастырям или странноприимным домам стало обычным явлением.

И все же, несмотря на постепенное распространение христианства, несмотря на факты проявления подлинного религиозного экстаза, знание основ веры было зачастую поверхностным, отношение к религии небрежным. Крещение старались принять как можно позже, причащались только на пасху. В часы досуга чтению Библии предпочитали игру в шашки или кости (Патр. гр., т. 59, колон. 186—187). «Ваши дети, — с горечью говорит Златоуст, — любят сатанинские песни и пляски..., псалма же никто ни одного не знает. Ныне такое знание кажется неприличным, унижительным и смешным» (Там же, т. 62, колон. 362). Христианский храм в глазах людей ничем не отличался от других общественных зданий. В него шли точно так же, как на площадь или в лавки брадобреев, где постоянно толпились люди. В церкви встречались с родственниками, обсуждали условия торговых сделок. Здесь рассказывались различные новости и слухи, идущие от двора. Женщины соперничали в кокетстве, мужчины искали походов. «Если кто хочет увлечь женщину, никакое место не кажется ему более подходящим, как базилика», — бросил однажды Иоанн Златоуст. И, конечно, отнюдь не набожность горделивых прихожанок вызвала к жизни специальное постановление Трулльского собора, в котором сказано: «Не позволено женщинам говорить во время божественной литургии, но пусть они, по слову апостола Павла, молчат».

Традиции, как греко-римские, так и местные — восточные, играли в повседневной жизни большую роль. Дни бракосочетания, рождения, наречения именем, вступ-

ление в юношеский возраст, новоселье и т. д. продолжали отмечать с соблюдением привычных обрядов. Церковь была вынуждена санкционировать ряд старых обычаев, которые остались в качестве символов, например, в церемониях обручения, венчания и т. д. Так, в Армении жених во время венчания давал девушке вуаль. Этим он накладывал на нее примету (ншан) в знак того, что она предназначена ему для покупки. Затем руку девушки вручали жениху, будто она продана ему. Примета и вручение были отголоском старого обряда, которым сопровождалось вручение задатка за покупку вещи, женщины и т. д. Похищение невесты (еще недавно распространенное в этих областях) символически сохранилось в том, что невесту уводят из дома в церковь, а оттуда — в дом жениха⁹¹.

Венчание в церкви стало уже распространенным явлением, но даже христиане не считали себя супругами, пока не совершался традиционный свадебный обряд — помпа (свадебный поезд), завершавшийся веселым пиром с шутами, актрисами, вольными языческими плясками, неприличными остротами и намеками, которыми осыпали новобрачных. Не только богачи, но и люди менее состоятельные стремились отпраздновать свадьбу как можно пышнее. На этот случай бегали из дома в дом, чтобы позаимствовать у друзей или родственников ложа, серебряную посуду, зеркала, платья и покрывала (Там же, т. 62, колон. 390). Во время пира беспокоились, как бы не была похищена какая-нибудь взятая взаймы серебряная вещь, а на следующее утро, видя опустевшую комнату, невеста сидела в слезах (Там же).

Заключению брака предшествовало составление письменного контракта, в котором тщательно оговаривались различные имущественные вопросы⁹². Богатству при вступлении в брак придается огромное значение. «Кто, намереваясь вступить в брак, старается узнать нрав и поведение девицы? Никто. Напротив, всякий тотчас спрашивает о деньгах, об имуществе, о том, сколько у нее имеется всяких домашних вещей — словно он хочет купить что-нибудь или заключить обыкновенный торговый договор», — говорит Иоанн Златоуст (Там же, т. 58, колон. 678).

Имущественные права женщин расширялись, но сами они никогда не пользовались такой свободой, какая была

совершенно естественной для римлянок. Жизнь византийских женщин была ограничена домом. Они почти не посещали ни театров, ни ипподромов. Даже для знатных дам ткачество было обычным занятием. Женщина, сидящая за прялкой или распутывающая клубок ниток,— стереотипный литературный образ (Там же, т. 47, колон. 529). «Жена сидит дома и любит мужа»,— говорит Григорий Богослов. Но он же говорит и о женщинах, «невоздержанных на язык», которые вместо того, чтобы думать о муже, содержать в порядке дом, заботиться о том, чтобы был обильный стол и были приняты, как подобает, друзья мужа, «блуждают вне дома..., наружностью и языком блудницы уловляя честных граждан» (Там же, т. 35, колон. 797).

Для женщин из аристократических кругов установившийся стереотип поведения не был, по-видимому, обязательным. Они нередко вмешиваются в общественные дела. Своей опалой Иоанн Златоуст был в немалой степени обязан императрице Евдоксии и трем придворным дамам (Марсе, вдове Промота, Кастриции, жене Сатурнина, и Евграфии), которых он порицал за стремление к роскоши, позволив себе непростительную насмешку над их желанием казаться моложе своих лет⁹³. Верица строила козни ненавистному ей зятю — императору Зинону. Постоянной советницей в делах у императора Льва была его сестра Евфимия⁹⁴.

Во времена императора Анастасия особой известностью в столице пользовалась Юлиана Аникия. Принадлежа к знатному римскому роду, она была дочерью римского императора Олибрия и внучки Феодосия II Великого Плакидии. В свое время Юлиану Аникию прочили в жены будущему королю остготов Теодориху, но тот отказался от этого брака. Хотя его поступок был продиктован соображениями политического характера, гордая праправнучка Феодосия Великого, по-видимому, чувствовала себя весьма уязвленной. Впоследствии она стала женой консула Ареовинда, но, вероятно, никогда не смогла забыть нанесенного ей оскорбления. Всю жизнь эта незаурядная женщина лелеяла мечту стать императрицей. Прекрасно образованная, она состояла в переписке с папой (Ман., VIII, колон. 459, 466, 495), отношения с которым у императора Анастасия были весьма и весьма натянутыми. Обладая большим честолюбием

и огромной волей, Юлиана смогла открыто противопоставить себя императору и его скромной супруге. Она активно выступала против монофиситской политики Анастасия, что обеспечило ей популярность у населения Константинополя. В своем бесстрашии Юлиана доходила до того, что отказывалась от общения с патриархом Македонием и демонстративно оказывала внимание православному палестинскому монаху Савве (Феоф., 157—158).

Особым был для Юлианы 512 год. Судьба, казалось, была готова дать ей сан императрицы. Разгневанный финансовой и религиозной политикой народ настроен был провозгласить императором мужа Юлианы — Ареовинда. Но человек, с которым смелая Юлиана связала свою судьбу, не оправдал ее надежд — нерешительный и не слишком удачливый Ареовинд был необычайно напуган оказанной ему честью и в страхе бежал из города (Мал., с. 407). Для честолюбивой Юлианы это было концом всех надежд.

История сохранила для нас портрет этой энергичной женщины: в знаменитой венской рукописи Диоскорида она изображена в торжественном пурпурном одеянии на голубом (императорском) фоне.

Неизгладимый след в истории Византии VI века оставила неповторимая в своей красоте и остроумии Феодора. Воздействие этой удивительной женщины сказалось даже в законодательстве — ради нее, имевшей в молодые годы весьма сомнительную репутацию, был отменен закон, запрещавший сенаторам жениться на актрисах.

Пока Феодора находилась на императорском троне, она вмешивалась решительно во все: в дела администрации, куда назначала своих любимцев, в дипломатию, в политику, в дела церкви, все устранивая по своему усмотрению, назначая и смещая по своему капризу пап, патриархов, министров и военачальников, столь же пылко добиваясь успеха для своих любимцев, сколь упорно она стремилась подорвать силу и положение своих противников. В ее застенках томился известный полководец Буза; от гнева императрицы пострадал прославленный Велисарий; из-за тонко сплетенной интриги этой властной женщины был смещен и подвергнут опале и унижениям казался бы всемогущий префект претория Востока Иоанн Каппадокийский.

Когда считала нужным, Феодора не боялась даже открыто противостоять воле императора и заменяла своими распоряжениями повеления Юстиниана. В то время как Юстиниан, думая о былом величии Рима, мечтал восстановить империю Цезарей, Феодора, более тонкая и проницательная, обращала свои взоры на Восток. Она понимала, что богатые и цветущие провинции Азии, Сирии и Египта действительно представляли живую силу империи. Она чувствовала, какую опасность создавали для государства религиозные расколы и решительно защищала монофиситов. Именно ее покровительству были обязаны монофиситы Египта и Сирии и монофиситские миссии в Аравии, Нубии, Абиссинии. Феодора чувствовала необходимость значительными уступками и широкой терпимостью рассеять угрозу недовольства. Ее попытки воздействовать на императорскую политику в этом направлении, несомненно, свидетельствуют о ее здравом уме и умении видеть будущее. Необузданная страсть, резкость, даже упорная злоба и холодная жестокость, с которыми она достигала своих целей, не затмевают присущих ей качеств государственного деятеля, чего нельзя сказать о ее державном супруге.

Но женщин, подобных Юлиане Аникии и Феодоре, было в Византии немного, и они совсем не соответствовали тому женскому идеалу, который постепенно складывался в византийском обществе: истинное призвание женщины — дом и семья. Жена должна принимать погруженного в заботы мужа, утешать, успокаивать его и затем вновь отпускать его уже без тех тяжелых дум, которые он принес с собой, но в добром расположении духа, так как «никто не может так успокоить мужа и настроить его душу по собственному желанию, как благочестивая и разумная жена. Ни друзей, ни учителей, ни архонтов не послушает он так, как свою супругу, когда она увещевает его и дает советы. Это увещевание доставляет ему и некоторое удовольствие, так как он очень любит свою советницу» (Патр. гр., т. 59, колон. 340).

Можно констатировать, что отношение к семье, вернее, соотношение семейной жизни и жизни гражданской, начинает меняться. Если раньше свободный гражданин жил в первую очередь интересами города, полиса, то ныне, по всей видимости, в связи с упадком полисного

строю, общественная жизнь утрачивает свою притягательность для городского жителя. Все, что происходит вне семьи — это ненужные тревоги, заботы и волнения, семья же — это та тихая пристань (Там же, т. 54, колон. 217), где человек обретает покой и душевное равновесие. Неудачный брак считался величайшим бедствием для человека, чем-то подобным кораблекрушению, несущему опасность для самой человеческой жизни. Лишь ради семьи человек трудится и старается продвигаться вверх по общественной лестнице (Там же, т. 54, колон. 217, 487).

Семью стремились укрепить. Помолвки старались устраивать как можно раньше. Женихом и невестой можно было объявить мальчика семи лет и девочку такого же возраста. На их предбрачный союз смотрят почти так же строго, как на брак. Девушка, у которой умер жених, могла считать себя вдовой⁹⁵.

Юстиниан установил брачный возраст в 14 лет для мужчин и в 12 лет для женщин. На практике он колебался для юношей между 12 и 18 годами, для девушки — между 10 и 15 в зависимости от условий и обычаев данной местности. В восточных областях империи браки заключались в очень раннем возрасте, особенно если в доме не было «хозяйки», женской руки⁹⁶. Разводы усложнялись, повторные браки встречались все реже, а о браках в третий, четвертый, десятый раз (столь распространенных в Риме) не слышно вовсе. А между тем нравы оставались вольными. Публичные женщины существовали в каждом городе, а в таком крупном, как Константинополь, публичных домов было множество. Не только женщины, но и мужчины промышляли порой столь низким ремеслом (Евагр., III, 39). Супружеская неверность была явлением обычным, а прелюбодеянием считалась лишь связь с замужней женщиной (Патр. гр., т. 59, колон. 487).

Особенно живучими оказались традиции в отношении византийцев к смерти. Христианская заповедь «не скорбите об умерших» не смогла прижиться в византийском обществе. Тело умершего являлось объектом для того, чтобы высказать самую искреннюю любовь к ушедшему из жизни. Похороны были пышными, по римскому образцу. Покойника облачали в одежды из дорогих (как правило белых) тканей, сильно пропитанных благово-

ниями. Скорбящие одевались в черное, женщины рвали на себе волосы, наемные плакальщицы громко стонали. Играла музыка, пелись погребальные гимны. Горели свечи и сжигался ладан (Там же, т. 48, колон. 560). Как ни протестовал Иоанн Златоуст против черных одежд и чрезмерного проявления скорби, все оставалось по-прежнему. Вот как описывает Феофилакт Симокатта похороны Тиверия: «По всему городу, как волны моря, прошли плач и стенания... Были порваны светлые одежды и надеты траурные одеяния» (Феоф. Сим., 1, 2, 3—4).

Дорогостоящие похороны были, однако, не всем доступны. Об этом свидетельствуют и скромные, похожие друг на друга надгробия. Эпоха величественных саркофагов и украшенных барельефами стел ушла в прошлое⁹⁷.

Беднякам пышные похороны были и вовсе не под силу. Для них существовали бесплатные похороны. Бесплатно выделялись носилки для похорон и определенное число людей, непосредственно занятых в погребальной процессии (несших носилки, рывших могилы и т. п.). Средства и людей для этой цели поставляли мастерские, освобожденные от государственных податей. В Константинополе их насчитывалось 1100 (Нов., 59).

Организация похорон постепенно переходит в ведение церкви, которая, смирившись с траурным характером похоронной церемонии, принимает в ней деятельное участие. Влияние церкви сказывается и на самой погребальной процессии. Место плакальщиц занимают монахини (Нов., 59), вместо языческих гимнов поют псалмы, «пение которых ночью при зажженных лампадах не облегчало души присутствующих, но, напротив, создавало тяжелое впечатление» (Феоф. Сим., 1, 2, 4).

Но если скорби предавались всецело, то так же безудержно и радовались. Праздники, в основном, продолжали оставаться языческими. К ним тщательно готовились. За несколько дней до их наступления вынимали из сундуков самое лучшее платье, приводили его в порядок, покупали новую обувь, делали обильные запасы для стола, «придумывали множество всяких приготовлений, всячески убирали и украшали самих себя» (Патр. гр., т. 48, колон. 755).

Особенно весело отмечали январские календы — начало нового года. Улицы и двери домов украшались

гирляндами цветов, а «агора походила на богатую, пышно одетую женщину, которая с гордостью хвастается своими прекрасными украшениями» (Там же). За день до Нового года весь город был полон куда-то спешивших людей с подарками в руках. И дающий и получающий испытывали равное удовольствие. Мало кто спал в ночь под Новый год. Устраивались обильные пиршества, много пели, танцевали, устраивали процессии, стучались друг другу в двери, смеялись, шутили. Господствовала всеобщая вольность, все позволялось. Господа садились за стол с рабами, хозяин играл в кости со слугой. В праздничные дни люди непременно наслаждались зрелищами, после которых нежились в банях, ели, а ночью играли в кости.

Но постепенно праздник приходил к концу, и люди неохотно возвращались к своим делам⁹⁸.

Сохранились и другие языческие праздники, среди которых особенно выделялся праздник Майюма, также продолжавшийся несколько дней. Это был праздник, восходивший к пиршествам в честь Диониса и Афродиты, сопровождающийся ночными театральными представлениями. В городе зажигалось бесчисленное множество светильников, люди стекались к театру, «покрытые тюрбанами, с распоясанными бедрами» (Иешу Стил., 30). Перед ними горели светильники, курился фимиам, и они бодрствовали всю ночь, «кружась по городу и прославляя плясуна до утра в песнях» (Там же).

Особенно долго языческие праздники удерживались в деревнях. Здесь календы, воты, врумалии, неомении, языческие обряды вакханалий или дионисий сохранялись вплоть до конца VII века. В дни, когда выжимали виноград, устраивались всенародные пляски. Мужчины надевали женское платье, женщины мужское. Разыгрывались сценки: комические, сатирические или трагические.

Во многих восточных областях сохранился культ огня. В новолуние перед домами разжигали костры и прыгали через них. Существовал ряд празднеств, связанных с поклонением огню — «источнику жизни и чистоты». В армянских областях культу огня были посвящены празднества в период сева, в период сбора урожая и в иные дни, когда жгли костры или устраивали шествия с огнем и когда каждая семья из общего костра несла

в свой дом горящую головню, чтобы обновить домашний очаг⁹⁹.

Вместе с тем уже начинает разрабатываться и христианский календарь праздников, который, как и языческий, следовал смене времен года. Рождество праздновалось в день зимнего солнцестояния, подобно тому как в Римской империи в этот день отмечали «день рождения непобежденного солнца»¹⁰⁰, и уже в 386 году Иоанн Златоуст во время рождественской службы старался убедить слушателей в том, что Христос был действительно рожден 25 декабря¹⁰¹.

Повсеместно празднуются рождество, пасха, вербное воскресенье, крещение и т. д.¹⁰²

Во многих городах начали отмечаться праздники мучеников, и это давало людям возможность под видом чествования памяти достойных христиан устраивать празднества в честь старых местных богов¹⁰³. Вероятно, и во время религиозных христианских праздников сохранялась прежняя невоздержанность в веселье¹⁰⁴.

Но праздники заканчивались, и люди возвращались к своим привычным будням. По-разному проводили их представители различных сословий. Крестьяне весь день были заняты полевыми работами, уходом за скотом и охотой. Кругозор их был чрезвычайно ограничен, эти люди не знали ничего, что делалось за пределами их округи. С глубоким недоверием слушали крестьяне, жившие по соседству с Синесием Киренским, его рассказы о море и о том, что оно в состоянии доставлять людям пропитание. Они знали, что на свете существует император, их властелин, поскольку об этом им не давали забыть сборщики налогов, однако большинству из них неизвестно было даже его имя. В редкие свободные минуты трудовых будней крестьяне пели. Сюжеты песен, по словам Синесия, были у них не «нежные и томные», как у горожан, но непосредственно связывались с тем, что их окружало, что составляло суть их жизни: похвала сильному барану или отважному псу, который не боится гиены и задушит волка и т. д. (Патр. гр., т. 66, колон. 1545).

Иной выглядит повседневная жизнь самого Синесия. Этот высокообразованный и утонченный представитель родовитой муниципальной аристократии, время от времени покидающий свой дом в родной Кирене ради по-

местья в сельской глуши, делит свой досуг между научными и литературными занятиями, перепиской с друзьями, проводит время в философских созерцаниях, охотится, порой работает в саду. Будучи обладателем богатой библиотеки, унаследованной от отца и содержавшей немало редких сочинений, он, не задумываясь, тратит на ее увеличение золото и фамильные драгоценности. Дороже всего он ценит досуг, считая его необходимым условием как философских созерцаний, так и научных и литературных занятий. Подобно многим другим образованным своим современникам, и христианам, и язычникам, Синесий склонен к восторженному любованию и наслаждению красотами природы (Там же, т. 66, колон. 1495) ¹⁰⁵. Он с увлечением занимается садоводством. «Мои пальцы,— пишет он в одном из писем,— более привыкли к лопате, нежели к перу» (Там же, колон. 1173). Но подлинной страстью этого утонченного любителя природы была охота, охота на диких зверей ливийских степей и пустынь — занятие, связанное с большими опасностями. Кони и собаки, необходимые для охоты,— предмет особой любви и заботы Синесия, до такой степени увлеченного охотничьими занятиями, что, по его собственному признанию, часто во сне его воображению открывались следы зверей, их убежища, пути и средства, которыми должно было их преследовать (Там же, т. 66, колон. 1308).

Романтическое восприятие дружбы было отличительной чертой характера Синесия и, по-видимому, вообще людей его круга, среди которых существовал своего рода культ дружбы (Там же, т. 56, колон. 1358 и др.). Особое место в этих дружеских отношениях занимала переписка. Однако изящные литературные произведения, выходившие из-под пера Синесия и его корреспондентов, не являлись письмами в общепринятом смысле слова, где изливались бы искренние чувства. Подобные послания, написанные с величайшим тщанием, представляли собой плод долгих и зачастую нелегких усилий блеснуть эрудицией, остроумием, нечаянными оборотами, метафорами и т. д. Эти письма не предназначались лишь для их адресата, их читали вслух в кружках, объединявших любителей и поклонников греческой культуры и образования. Здесь же читали произведения древних и современных писателей, сопровождая их литературными и

филологических комментариями. Как явствует из писем Синесия, такие кружки существовали в Александрии и Константинополе и объединяли не только язычников, но и высокообразованных христиан (Письма, VII; XXIX и др.). Вероятно, подобные кружки интеллектуальной элиты имелись и в других (во всяком случае крупных) городах империи.

Однако людей, подобных Синесию, было немного даже в среде аристократии, значительную часть которой составляли ныне люди, выдвинувшиеся на гражданской или военной службе. Даже войдя в состав знати, они зачастую сохраняли грубые привычки и нравы, присущие породившей их среде. Пример тому — Иоанн Каппадокийский, префект претория Востока при Юстиниане, дельный администратор и незаурядный политик, в повседневной жизни отличавшийся весьма грубыми манерами и низменными привычками. Страсть к чревоугодию владела им до такой степени, что часто он не мог встать из-за стола для занятий государственными делами. Самые изысканные блюда и самые тонкие вина потреблялись префектом с удивительной прожорливостью. Когда Иоанн Каппадокийский выходил из своего дворца, облаченный в одежды зеленого цвета, лишний раз отягавшего бледность лица, его показная роскошь имела несколько скандальный характер, ибо обыкновенно он появлялся, сопровождаемый пестрой толпой фривольно одетых женщин легкого поведения, «опираясь на плечи которых, он продвигался в живописном и полном распушенности великолепии» (Иоанн Лид. О маг., III, 64—65).

Неприглядный образ малоазийского магната рисует Феодорит Киррский. Этот человек горд и заносчив, «выступает на концах ногтей, озирается по-львиному», ездит на высокой колеснице, окруженный множеством слуг и копыеносцев. Он «имеет хорошо выезженных лошадей с блестящими украшениями на лбу и на груди, голосистого глашатая, высоко возвышающийся дом, гостиные, расцвеченные эвбейским и фессалийским мрамором, испещренные живописью, усыпанное цветами ложе, драгоценные тарелки, приборы, кубки, благовонные вина и все, что только служит к жизни раздольной, изнеженной и роскошной» (Патр. гр., т. 83, колон. 663). Зимой «богач лежит в жарко натопленном доме, разметавшись на

мягкой постели, укутавшись во множество теплых одежд, имея вокруг себя несколько жаровен, чтобы побороть холод. Летом же, наоборот, его помещают в другом доме, открытом для наружного воздуха, в который свободно проходят веяния ветров, а если они прекратятся, слуги опахалами ухитряются производить ветер. Повсюду расставлены древесные ветви, наподобие сада, превращающие дом в рощу. В верхних апартаментах устроены специальные фонтаны, чтобы журчанием своим они навели сон на его вежды» (Патр. гр., т. 83, колон. 663).

Византийские аристократы обыкновенно жили в городах, но и свои загородные дома и виллы они отстраивали с неменьшим великолепием, вводя туда «изнеженные городские нравы». Всякий выезд богача в свое имение обставлялся с чрезвычайной парадностью, к нему тщательно готовились. Восседа в повозке, запряженной нарядно украшенными мулами, аристократ пускается в путь с огромной свитой слуг и евнухов. Число рабов, сопровождавших его, порой доходило до одной-двух тысяч. Не только выезд богача за пределы города, но и обычный его выход обставлялся с большой торжественностью. На украшенном золотом и драгоценными камнями коне или в пышной повозке, одетый в дорожные шелковые одежды, сияя блеском драгоценностей, окруженный слугами и прихлебателями, гордый и неприступный, он появлялся на улице. Рассчитанный на внешний эффект выезд богача являлся своего рода зрелищем и достопримечательностью византийских улиц, где рядом уживались роскошь и нищета, где одновременно можно было встретить и разряженного богача, и одетого в жалкое рубище калеку.

Шумными и оживленными были улицы крупных византийских городов — Константинополя, Антиохии, Александрии. Кого только не увидишь среди разноплеменной толпы, сновавшей по мостовым. Важные сановники, чужеземные послы, купцы, приехавшие из разных городов и стран, и масса простого трудового люда. Богатство красок, различные языки.

Иначе, тише и спокойнее текла жизнь в мелких городах. На тихих улицах Эмесы девушки водят хоровод, мальчишки затевают игры. В городском пруду женщины стирают белье.

Свой досуг горожане проводят в лавках брадобреев,

в харчевнях. Иные собираются в лавке стеклодува — погреться и посмотреть на хитрое ремесло (Виз. лег., с. 79). По вечерам юноши устраивают вечеринки в складчину, часто приглашая на них актрис и женщин легкого поведения (участницей подобных сборищ в свое время была и будущая императрица Феодора). В теплую погоду горожане много времени проводят на улицах. В портиках зданий люди играли в шашки и кости или вели беседы, обсуждая различные события и поверья друг другу свою нехитрую жизнь. Книголюбы отправлялись в портики, где размещались книжные лавки (в Константинополе книжные лавки располагались в самом центре города — Царском портике). Историк Агафий характеризует эти места как своего рода клубы константинопольских книжников. По вечерам здесь происходили подлинные диспуты — отдаленный отзвук афинских философских диалогов. Главным предметом дискуссий являлось божество, его природа и сущность. Спорили, доступно ли оно страданиям, рассуждали о неслиянии и тому подобном. Не все участники подобных споров могли похвастаться высокой образованностью, встречались среди них и такие, которые «не очень усердно посещали грамматические школы и не отличались безукоризненной жизнью». Агафий не без сарказма замечает, что они «разглагольствовали, как им заблагорассудится, о возвышенных и божественных предметах, всегда болтая одно и то же». Не особенно стараясь убедить друг друга, но стремясь лишь любым способом высказать свое собственное мнение, участники диспута в пылу спора подчас просто оскорбляли друг друга, «издавая отвратительные звуки подобно играющим в кости» (Агаф., VII, 29). В эти лавки приходили стяжать дешевые лавры всевозможные заезжие философы-шарлатаны, подобные сирийцу Уранию, выдававшему себя за великого знатока Аристотеля и надменно вызывавшего любого спорить с собой (Там же). Возле книжных лавок постоянно сновали разного рода уличные адвокаты и поверенные, вокруг которых собирались их доверчивые клиенты, с восхищением внимавшие высокопарным юридическим диспутам и вариантам напыщенных судебных речей (Прок. О постр., I, 11, 12).

Типичной для византийских городов была фигура юродивого. Вот он появляется на людной улице, грязный,

детей в убогие лохмотья, совершает нелепые поступки: то опрокинет лоток с пирожными, то пристанет к девушке, то тащит за хвост дохлую собаку, то затеет что-то непотребное прямо в храме. Люди смеются, издеваются над ним, мальчишки бьют его (Виз. лег., с. 68). Но для уверенных византийцев юродивый чем дальше, тем больше перестает быть лишь предметом шуток и насмешек. В его неухоженном, грязном, жалком теле начинают видеть проявление высшей святости, в его невнятных словах находят пророчества, в его нелепых поступках обнаруживают изъяснение божественной мудрости. Некоторых юродивых после смерти канонизируют.

Иной раз воображение горожан занимало какое-нибудь необычное событие; о нем много говорили, хронисты заносили его в свои сочинения наряду с важными политическими событиями, войнами, прибытием посольств и т. п. Изумление, смешанное с ужасом, вызвала у византийцев женщина-великанша из Киликии, которая во времена Юстина прошествовала по всем ромейским городам. Ее рост на целый локоть превосходил рост самого крупного мужчины. В иной раз, уже в правление Остиниана, на улицах городов появился некий выходец из Италии с рыжей ученой собачкой. Старательно и подробно описал Малала все фокусы, которые совершала она на потеху рыночной толпы: различала монеты, гадала характер людей, возвращала владельцам спрятанные кольца. Полные изумления люди говорили в толпе зевая, что у нее душа Пифона (Мал., с. 453—454).

Подобные зрелища, имевшие характер кратковременных сенсаций, овладевавших вниманием жаждавшей необычного городской толпы, существовали в Византии бок о бок со зрелищами традиционными, глубоко профессиональными, истоки которых надо искать в античности. Но характер последних существенно меняется. Они становятся более яркими внешне, но в то же время малосодержательными. Наибольшим успехом пользовались акробаты, эквилибристы, шуты, танцовщицы и, конечно, возницы ипподрома. В театральных постановках зрители придавали больше значения роскоши обстановки, нарядам и внешнему виду актрисы, чем самой пьесе. Театральное искусство переживает упадок, теряя значение гражданского, воспитывающего института, ка-

ким оно было в эпоху расцвета античной цивилизации. Многообразие театральных жанров сводится теперь к довольно грубой комедии — миму и к весьма нескромному балету — пантомиму.

Пантомим (и актер, и жанр назывались одинаковым именем) приходит в Рим из Греции и, начиная с эпохи Августа, завоевывает здесь все большую популярность. Пантомим представлял собой сольный танец, как правило, на мифологические сюжеты. Актеры (как мужчины, так и женщины) должны были обладать красотой, незаурядной фантазией, силой и пластичностью. Особую роль, вероятно гораздо большую, чем в современном балете, играли руки, которыми могла передаваться самая сложная гамма чувств. По выражению византийцев, хорошие актеры говорили своими руками. Представление сопровождалось музыкой, иногда пением¹⁰⁶.

Костюм как женщин, так и мужчин, отличался большой вольностью. Актеры-мужчины носили длинные волосы, а пластичное, изнеженное тело делало их похожими на женщин.

Мим, каким он процветал в ранневизантийский период, начал складываться в эллинистическую эпоху, когда произошло слияние дорийской мимологии и ионийской мимодии¹⁰⁷.

Дорийская мимология представляла собой прозаическое произведение, изображавшее повседневную будничную жизнь. Она была близка к акробатике и, возможно, возникла из нее. Спектакли такого жанра отличались буффонадной яркостью, утрированностью костюмов, грубостью шуток.

Ионийская мимодия, напротив, являлась лирическим музыкальным произведением, близким к серенаде. Костюмы выступавших в ней актеров были просты, но изящны, речь поэтична. Содержание, впрочем, было близко к содержанию дорийской мимологии и опиралось на мифы или повседневную, будничную жизнь.

На основе этих двух, близких по духу, но во многом несхожих жанров, родилась мимическая драма. Это был грациозный спектакль, по количеству сцен и актов приближавшийся к классической драме. Чуждые друг другу элементы дорийской мимологии и ионийской мимодии не пытались слиться в нечто единое, но попросту сосуществовали. Каноны литературной драмы были отбро-

шены, единство действия, места и времени не соблюдалось¹⁰⁸. Проза чередовалась со стихами, вокальные номера — с танцами и акробатикой. Серьезные, почти трагические моменты перебивались буффонадой.

Содержание мимических пьес было простым и опиралось на будничную жизнь или мифологию, преподносившуюся в пародийном стиле. Главное внимание уделялось не интриге, а изображению характеров. Набор типов был довольно однообразным. Теща, которая является грозой для зятя или его любовницей, вдова, скряга, пьянчужка, мачеха, влюбленная в пасынка (грубый отголосок Федры), старая ведьма, сводница, гадалка, трактирщица — вот тот круг персонажей, который постоянно повторялся в пьесах. Характерной для этого жанра была фигура шута, лысого, с бутафорским фаллом¹⁰⁹. Пороки людей актеры изображали с особенным воодушевлением (Феоф. Сим., X, 12). В миме часто высмеивалось мошенничество и крючкотворство, показывались устрашающие казни. Некоторыми своими элементами пьесы были близки к народным сказкам, сюжет часто содержал в себе неожиданные перемены судьбы, превращение бедняка в богача и наоборот, и тому подобное. Но особенно широко были распространены и пользовались большой популярностью пьесы, изображавшие супружескую неверность. Как было остроумно замечено, «мим или изобличает измену или показывает ее»¹¹⁰. Действие подобных пьес не отличалось сложностью, все они походили одна на другую. Обычными героями таких представлений являлись: обольстительная ветреная супруга, брюзгливый муж, красавец-любовник (изящный и грациозный, как женщина), плутовка-горничная, непременная устроительница любовных свиданий. Весьма откровенно разыгрывались в пьесах эротические сцены. Муж, как правило, появлялся в самый неподходящий момент. Любовника полагалось прятать в ящик. Обман раскрывался, разгневанный муж порывался заколоть любовника. По этому поводу на сцене появлялся устрашающих размеров нож. Затем, передумав, муж вел виновников к судье. Любовники дрожали от страха, но все кончалось примирением, куплетами, веселой шуткой¹¹¹.

Исполнение сопровождалось музыкой и пением. К музыке впечатлительные византийцы питали особую склонность. Когда в Антиохию прибывал какой-нибудь

известный музыкант, люди бросали свои самые неотложные дела и, сидя на ступеньках театра, «с большим вниманием слушали пение и музыку, испытывая их благозвучие» (Патр. гр., т. 59, колон. 24—25). Своей игрой на арфе славилась в юности сестра императрицы Феодоры Комито. Сама же Феодора, будучи маленькой девочкой, сопровождала сестру на сцене и прислуживала ей. Когда же будущая супруга Юстиниана подросла, она предпочла выступать в пантомиме и своим вольным нарядом, нескромными движениями и остроумными выходками приводила в восторг невзыскательных зрителей.

Для театральных представлений была характерна импровизация. У мимов была канва сюжетов, отдельные заготовки, но они всегда могли, руководствуясь вкусами или обстоятельствами, вносить изменения, добавления и исправления. Использовались сценические эффекты и техника, характерная для классического театра. Части сцены или предметы могли неожиданно освещаться, люди — внезапно появляться и исчезать. Гремел гром, падал град, появлялось облако, пылал костер¹¹².

В миме мог быть занят один актер, но обычно их бывало несколько. Руководил ими архимим¹¹³.

Как и в пантомиме, наряд актеров (особенно женщин) отличался большой смелостью, жесты и движения — откровенной нескромностью. Именно эта сторона мима способствовала развращению публики, о чем с таким красноречивым негодованием пишет Иоанн Златоуст: «...когда ты уходишь, в душе у тебя остаются ее слова, одежды, взгляды, походка, стройность, ловкость, обнаженное тело, и ты уходишь, получив множество ран. Не отсюда ли беспорядки в доме? Не отсюда ли погибель целомудрия? Не отсюда ли расторжение браков? Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бессмысленные неприятности? Когда ты, занятый и плененный ею, приходишь домой, то и жена тебе кажется менее приятною, и дети — более надоедливыми, и слуги — несносными, и дом — отвратительным, и обычные заботы... тягостными, и всякий приходящий — неприятным и несносным. Причина же этого в том, что ты возвращаешься домой не один, но приводишь с собой блудницу, входящую не явно и открыто — что было бы более сносно, потому что жена скоро выгнала бы ее — но сидящую в твоей душе и в сознании и воспламеняющую

душу вавилонским и даже более сильным огнем» (Там же, т. 56, колон. 267).

По временам зрителям предлагалось и более пикантное зрелище: обнаженные купальщицы плавали в бассейне театра (Там же, т. 57, колон. 81).

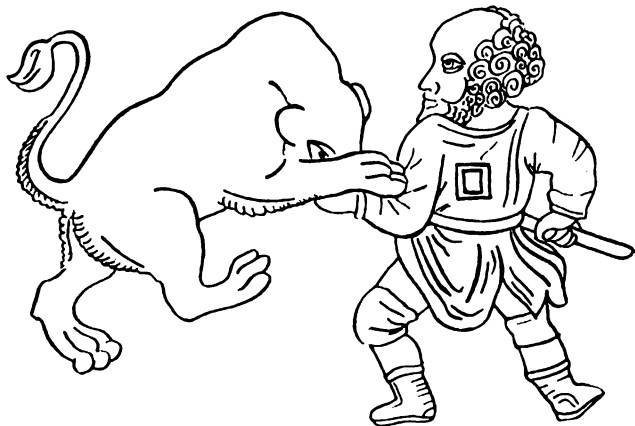
Но уж если актриса была одета, то она была одета с исключительным великолепием. Платье сияло золотом и блеском драгоценных камней (Там же, т. 56, колон. 220). Глаза, ресницы, лицо были сильно накрашены (Там же, т. 59, колон. 120). Под стать актрисе была и сцена, чрезмерная пышность которой вошла в поговорку (Там же, т. 58, колон. 750).

В частной жизни актрисы также отличались легкостью поведения. И для Иоанна Златоуста, и для Прокопия слова «актриса» и «блудница» — синонимы. Для аристократов браки с актрисами были до 527 года запрещены, но на связь с ними смотрели спокойно, и они часто были на содержании у видных и знатных лиц. Зрители любили их, выставляли их портреты в портиках и у входа в театр, но они никогда не пользовались тем уважением, с которым относились к актерам в классической Греции.

Театральные сценки ставились не только в театре, но (что также свидетельствует об упадке театрального искусства) ими часто заполняют антракт в цирке, и нередко слово «театр» означает ипподром, который переживает в этот период истинный расцвет. Он соединяет все виды зрелищ и является театром по преимуществу.

Ипподром пришел на Восток из Рима, но нашел здесь таких многочисленных и страстных поклонников, что стал почти синонимом и одним из самых необходимых условий городской цивилизованной жизни. Прокопий, перечисляя все необходимые для города постройки, никогда не забывает упомянуть ипподром, несмотря на то, что он весьма неодобрительно относится к борьбе цирковых партий (Прок. Война с перс., I, 24, 6). Более того, он признает, что без ипподрома жизнь была бы скучна. Ливаний, который также не разделял разгоравшихся на ипподроме страстей, приводит бесстыдные, по его мнению, слова, которые во время разрухи говорили его современники: «...уничтожено достоинство города, он принял вид крепости, и ни ипподром, ни театр не пришли в норму» (Лив. Речи, XXIII, 26).

Ипподром занимал важное место в архитектурном ансамбле города. В Константинополе он непосредственно примыкал к Большому дворцу и находился на одной площади со св. Софией и сенатом. Построенный в III веке Септимием Севером и украшенный затем Константином, он был уменьшенной копией римского циркус максимус.

21. Сцена в цирке. По диптиху из слоновой кости V века, Ленинград

Он представлял собой открытый цирк длиной более 400 метров¹¹⁴. Сооружение было слишком велико для холма, на котором возвышалось, и его южную часть поддерживал высокий массивный фундамент. Ипподром состоял из 30—40 каменных ярусов, на которых могли разместиться около 60 тысяч зрителей. Его арену пересекал по центру невысокий каменный барьер (спина) шириной в 10 метров, щедро украшенный (в два ряда) памятниками античного искусства, статуями императоров и знаменитых возникших. Два из этих всемирно известных памятников по-прежнему стоят на своем месте. Первый — это обелиск Тутмоса III, монолит из розового гранита, привезенный Феодосием Великим из Египта. Он был помещен на массивное основание из двух каменных блоков, украшенных барельефами. Здесь есть сцены, изображающие перевозку и установку монолита, прием варварских послов, а также сцены, непосредственно относящиеся к цирку; изображение бега колесниц,

танцовщиц, музыкантов, зрителей. В части, обращенной к кафисме, был изображен император в окружении сановников, председательствующий на играх. Другой памятник (сохранившийся частично) — бронзовая колонна из Дельф, образованная тремя тесно сплетенными змеями, чьи головы, расходясь в разные стороны, служили опорой золотому треножнику. На спиралях не полностью сохранившихся змей и теперь еще можно прочесть надпись, где перечисляются 36 греческих городов, которые сражались с персами при Платеях и после битвы посвятили Аполлону этот прекрасный символ победы. Немало других памятников, среди которых — римская волчица и Геракл Лисиппа, было вывезено из разных мест, чтобы украсить константинопольский ипподром. Это был подлинный музей самых прекрасных памятников античного искусства. Статуи, красивые колонны, изображения птиц и животных размещались не только на спине, но и вдоль арены, у входа, на верхних террасах, в местах для прогулок — словом, повсюду. Над ареной, в том месте, откуда выпускались колесницы, возвышалась четверка коней — творение великого Лисиппа¹¹⁵. По предположению А. Камерона, на ипподроме находилась еще одна работа этого скульптора — статуя Александра Македонского¹¹⁶.

Ипподром, как и многие другие сооружения древности, имел свою символику. Первоначально ипподром был посвящен римским хтоническим богам, символизируя собой переход и чередование. Остатки этой символики сохранились и в Византии. Но уже во времена империи основная сущность ее была позабыта, и ипподром связывали с культом солнца, полагая, что он в миниатюре отражает Вселенную: арена — землю; вода, омывающая арену — океан; 12 дверей, из которых выпускались колесницы, — 12 знаков зодиака или 12 месяцев, и т. д.¹¹⁷

На ипподроме зрителям предлагались самые разнообразные зрелища. Гладияторские бои стали уже редкостью, но еще существовали всякого рода гимнастические упражнения, прежде всего борьба¹¹⁸.

Византийцы любили экзотических животных и приходили в восторг, когда их показывали на ипподроме. Бои с животными, сопровождавшиеся жестокостью и бесчеловечностью, продолжали устраиваться, но они уже не имели такого размаха, как в Риме.

Основным зрелищем были, конечно, ристания. Число игр в году точно неизвестно, но, вероятно, их было немало. Бега непременно устраивались в день рождения императора, в день вступления его на престол, в январские календы и в день основания города.

22. Гладнатор. По диптиху из слоновой кости V века, Ленинград

Игры были предприятием дорогостоящим и устраивались за счет императора. Он субсидировал отчасти даже консульские игры¹¹⁹. Сам император всегда присутствовал на состязаниях колесниц, которые начинались после того, как над императорской кафисмой взвивался специальный стяг¹²⁰. До игр и после них устраивались церемониальные танцы сторонников разных партий¹²¹.

Обычно выпускались четыре колесницы с возничими, одетыми в разные цвета: голубой, зеленый, красный, белый. Между этими цветами делились симпатии зрителей. Сами цвета объяснялись символически: их связывали или с временами года, или со стихиями. Партии зрителей имели свои постоянные места в цирке. По правую руку императора располагались голубые, по левую — зеленые, центр занимали красные и белые. Наибольшее число сторонников было у голубых и зеленых.

Увлечение ипподромом было всеобщим. Уже накану-

не обсуждались предстоящие бега, взвешивались шансы тех и других возничих. Много места в разговорах отводилось коням, родословную которых знали наизусть. В день зрелищ все с утра спешили в цирк. Казалось, что весь город переселяется туда. Дома и площади пусты. В Антиохии не только цирк, но и кровли домов, и возвышенные места, прилегающие к цирку, занимались людьми. И молодые, и старики с равным азартом спешили на зрелище. Жара, теснота, крики, толкотня — «ничто не портило им настроения, они были веселы, как на лугу» (Патр.гр., т. 54, колон. 660—661). Церковь тщетно пыталась бороться с увлечением ипподромом. Всякий раз, когда служба в церкви совпадала с ристаниями на ипподроме, жители отдавали предпочтение последним. «Опять бега, и опять наше собрание стало меньше», — с горечью заметил однажды Иоанн Златоуст (Там же, т. 48, колон. 756). Борьба церкви с ипподромом закончилась тем, что служители культа заняли места среди зрителей.

Программа бывала очень насыщенной. Обычно устраивалось 24 заезда, каждый по 7 кругов. В маленьком городе Оксиринхе бывало только 6 заездов, но и это было немало, так как в антрактах выступали шуты, акробаты, танцоры, устраивались забавы с медведями. Зрелища продолжались до вечера. После утренних бегов делался перерыв, во время которого обедали и по временам даже ходили в бани, как это явствует из одной шутливой эпиграммы, посвященной питейному заведению, расположенному между ипподромом и банями Зевксиппа ¹²².

Особым искусством считалось выступление на только что побежденных конях. Оно было возрождено в Византии Порфирием, прославленным возничим VI века. В эпиграмме, высеченной на одном из его памятников, он восхваляется за то, что единственный дважды одержал подобную победу. Вскоре, однако, его современник возничий Константин продемонстрировал перед жителями столицы еще большее искусство. Утром он одержал победу в 25 заездах, а затем, после перерыва, одержал 21 победу на побежденных утром конях ¹²³.

Стремясь одержать победу, возничие сбивали колесницы соперников, причем старались это сделать в тот момент, когда кони мчались мимо кафисмы императора

(Там же, т. 56, колон 113—114). Иногда бег колесниц заканчивался трагическим исходом. Малала сообщает, как однажды возница Юлиан упал и разбился насмерть (Мал., с. 495).

Император награждал победителя венком, дорогими подарками и богатой одеждой (Патр.гр., т. 58, колон.539).

Возничих боготворили. Им воздвигали памятники, посвящали эпиграммы. Семь памятников было воздвигнуто Порфирию из Александрии, один — из позолоченной бронзы¹²⁴. Возничему Уранию (младшему современнику Порфирия) воздвигли памятник из чистого золота¹²⁵, что было по тем временам большой редкостью. Его золотой памятник красовался в Константинополе, в то время как Юстиниану был воздвигнут памятник из бронзы, а императору Анастасию — из железа. Не забывали и коней. На мозаиках и барельефах памятников возничих традиционно изображали с квадригой коней, над которыми нередко надписывали их имена. Этот сюжет был настолько распространен, что его изображали даже на бытовых предметах: светильниках, рукоятках ножей и на различных сосудах.

Итак, рядом со старыми традициями, особенно долго сохранявшимися в обрядах, сопровождавших такие важные моменты жизни человека, как вступление его в брак, как сама его смерть, рядом с продолжавшими жить языческими празднествами повседневная жизнь византийцев IV—V веков приобретает новые черты. Эти новые особенности быта людей той эпохи проявились в постепенной (хотя и не всегда глубокой) христианизации общества, в укреплении семьи и одновременном падении интереса к общественной жизни, в тенденциях к своего рода самоизоляции человека, во всяком случае, к определенному стремлению уйти в частную жизнь. С этим, по-видимому, связаны и такие новые моменты быта, как распространение закрытой одежды, более закрытого для посторонних жилища, перемещение торговли в портики улиц. Наконец, расцвет ипподрома и упадок театра, где содержание отступает на второй план перед откровенной зрелищностью, также говорит о том, что некогда активная гражданская жизнь греческого, а затем восточноримского общества постепенно уходит в прошлое.

Глава III

ВИЗАНТИЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ:

праздники и будни

Среди серьезных перемен, переживаемых Византийской империей с середины VII века, важное место занимали перемены этнического характера. Если в IV — первой половине VII века при всем многообразии племен, обитавших в границах империи, греческий элемент явно доминировал, нивелируя и сглаживая (во всяком случае в сфере культуры) различия между племенами, а язык этого этнического большинства оставался, как показывают нам тексты авторов того времени, более или менее близким к классическому, то с середины VII века греческий язык, окончательно вытеснивший как государственный язык латынь и, казалось бы, получивший наконец полное господство в стране, сам подвергся серьезным изменениям, стал проще, грубее, беднее. В нем появилось столько неологизмов и варваризмов, что современные исследователи нередко заходят в тупик, давая самые разнообразные толкования одним и тем же словам.

Эволюция языка, на наш взгляд, является важным показателем происходивших в империи перемен, в первую очередь перемен этнических, обусловленных проникновением на территорию Византийской империи других народов. Наиболее ощутимым в этом плане переменам оказался подвержен Балканский полуостров, куда в большом числе проникли славяне, авары, болгары.

Убедительным свидетельством того, как воспринимали сами современники изменение «этнического лица» Пелопоннесского полуострова к VIII веку, является замечание, содержащееся в житии епископа Эйштадского Виллибальда, где Пелопоннес назван *Slavinia terra* (МГХ СС, т. XV, с. 93) ¹. Важным показателем этих перемен является исчезновение многих античных названий

городов, в частности таких знаменитых, как Мессена, Мегалополис, Олимпия². И, напротив, появляется огромное число (около 400) названий славянского происхождения³. Лаконская горная цепь была переименована в славянское Малево, Микены — в Хрвати, Олимпия — в Мираку⁴. Явно славянскими по происхождению являются названия Горица, Граница, Кривица, Склавица, Подагора и др.⁵

Сильно затронутой этническими переменами оказалась и Малая Азия, куда постоянно проникало множество арабов, персов, грузин, армян. После ряда успешных военных кампаний, проведенных византийцами, начиная с времен правления Никифора II Фоки в отвоеванные области Малой Азии (особенно Месопотамию) переселяется масса сирийцев-яковитов и армян, которые существенным образом изменяют и этническую, и культурно-религиозную ситуацию в данном регионе⁶. Вместе с тем здесь, особенно в деревнях, остается немало мусульманского населения, упорно придерживающегося своих старых традиций⁷.

С середины XI века начинается приток на территорию Византии тюрок, заметно усилившийся после битвы при Манцикерте⁸. В том же веке в империи оказалось немало англосаксов, которые служили в византийском войске. Закончив службу, они оставались в Византии, смешиваясь здесь с автохтонным населением⁹. С приходом к власти Алексея I Комнина в Константинополь и другие города империи начинается приток итальянцев. Сначала это были купцы из Венеции и Пизы, а после первого крестового похода в Византию устремляются и генуэзские торговцы¹⁰. Среди всех этих различных народов собственно греки составляли уже меньшинство¹¹.

Широко практиковавшаяся политика императоров переселять в качестве превентивных мер народы из одних мест в другие делала этническую карту империи еще более причудливой и мозаичной¹². Так, множество славян было переселено с Балканского полуострова в Малую Азию, и, напротив, немалое число армян вследствие их принудительного переселения оказалось на Балканах. Выходцем из подобной армянской семьи был основатель македонской династии Василий I.

Тесно связанным с этническими переменами оказалось значительное увеличение удельного веса сельского

23. Сцена из сельской жизни. По миниатюре XI века, Париж

населения империи и — соответственно — сельских поселений в сравнении с городскими. Деревни, в которых обитала теперь большая часть подданных империи, были обычно невелики, насчитывая в среднем от 10 до 30 дворов¹³. Дома строили обычно из камня или камыша; земляной утрамбованный пол обмазывался глиной, крыши покрывали черепицей, тростником или соломой. В западной части Малой Азии стены домов делали из ивняка, обмазанного глиной. Жилища бедняков на Керкире походили на шалаши сторожей: на крышах были щели, через которые в помещение попадал дождь и проникал холод.

К крестьянскому дому обычно примыкали сад и огород, которые ограждали частоколом (33, с. 116, 118, 120). Здесь выращивались огурцы, капуста, всякого рода зелень, различные сорта винограда. Основными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, бобовые.

В славянских землях выращивалось просо, но аристократы считали его дурной пищей: по словам Анны Комнинной, оно вызывало желудочные болезни.

Землю обрабатывали плугом, лопатами, мотыгами, жали серпами. Основными тягловыми животными были волы. Имеющий упряжку из двух волов крестьянин мог рассчитывать на то, что семья его не умрет с голоду (Виз.лег., с. 101). Потеря хотя бы одного вола воспринималась как страшное бедствие. Житие Филарета Милостивого повествует о смятении и ужасе, в которые повергает пахаря падение одного из его волов: «Господи, нет у меня ничего, кроме этой упряжки волов, и по множеству бед моих не знаю, как прокормлю жену и девятерых малых детей. Чем заплачу императорам? Откуда сыщу денег займодавцу? Ты ведь знаешь, владыка, что волов я купил в долг. Что мне делать, не знаю. Брошу дом свой и убегу далеко отсюда, пока мои займодавцы ничего не узнали и не набросились на меня, как дикие звери» (Там же, с. 100).

Важным подспорьем в хозяйстве и одной из насущных забот крестьянина было разведение и содержание скота — коров, овец, свиней. Большие пространства запустевших во время войн и переселений земель служили пастбищем. Чтобы во время выгона животное не потерялось и не погибло от волков, ему привязывали коло-

кольчик (33, ст. 30). Немало подобных колокольчиков было обнаружено при раскопках Абобы¹⁴.

В малоазийских областях наряду с землепашеством, садоводством и животноводством крестьяне занимались еще пчеловодством (Виз.лег., с. 105).

Жители деревень, крестьяне-общинники сообща пользовались лугами, пастбищами, лесами; сообща нанимали пастуха и сторожей полей. Сообща решали дела, касающиеся строительства мельницы, устройства водоемов, разрешали различного рода споры. Сообща они устраивали праздники и крестные ходы, сообща хоронили.

Но нравы в общине не были столь идиллическими, как это может показаться на первый взгляд. На основании Земледельческого закона можно заключить, что селяне подчас воровали друг у друга лопаты, мотыги, топоры, плуги, зерно и т. д. (33, ст. 22, 62, 60, 68), обрезали колокольчики у чужого скота (Там же, ст. 30), крали волов и ослов (Там же, ст. 41), убивали сторожевых собак (Там же, ст. 55), жгли чужие сараи (Там же, ст. 65) и даже разбирали чужую изгородь для постройки своего дома (Там же, ст. 66).

К концу IX века община внутренне ослабевает, часть общинников оказывается в кабале у богатых соседей, многие переходят на положение зависимых крестьян — париков и проскафименов. Под власть динатов попадают целые общины. Формируется крупное землевладение, феодальное по своей сути. Основным центром крупного землевладения становится Малая Азия.

Облик нового поместья, в котором широко используется труд зависимых крестьян, можно представить исходя из данных «Геопоник» и других исторических источников того времени. Такие поместья могли быть разных размеров — от обширного имения с господским домом в качестве его центра до относительно небольшого владения типа хутора.

Крупные земельные владения обычно не представляли собой единого комплекса, наподобие экзимирированных сальтусов римских магнатов, а состояли из отдельных больших или малых сел, в которых жили крестьяне-арендаторы. У Филарета Милостивого в бытность его богатым землевладельцем было пятьдесят подобных селений (Виз. лег., с. 99).

В одном из документов XI века сохранилось описание имения, подаренного императором Михаилом VII Дукой двоюродному брату Андронику Дуке. Оно включало несколько земельных участков, составлявших в целом 7300 модиев пахотной земли. Сам магнат жил в усадьбе, называвшейся Варис, в большом господском доме, со всех сторон окруженном террасой. Полы в доме и на террасе были устланы мрамором. Возле дома находились просторные бани, местами также облицованные мрамором. В пределах усадьбы располагались и различного рода хозяйственные постройки: амбар, состоявший из двух отделений — подвала, где хранились скоропортящиеся продукты, и верхнего помещения, куда складывался хлеб; отдельные строения предназначались для ссыпки зерна, соломы, мякины. Имелись при усадьбе также конюшни, хлевы для скота (ММ, т. 6, с. 5—7).

К господскому дому обычно примыкал сад, где росли яблони, груши, вишни, сливы, персики, финиковые пальмы, лимонные деревья, айва, гранаты, смоковницы, фиштакковые и миндальные деревья, каштаны, орехи (Геоп., кн. X, с. 172—203). Все пространство между деревьями было усеяно цветами — розами, лилиями, фиалками, шафраном. Особенно любили розы, считая, что в их природе «есть что-то божественное» (Там же, кн. XI, гл. 18, с. 210).

Разведение цветов преследовало не только эстетические цели. Их использовали как средство борьбы с болезнями. Считалось, что с помощью плюща излечивается бо́льшая селезенка (Там же, гл. 30 с. 213), нарцисс «хорошо охлаждает» (Там же, гл. 25, с. 212), а розы «помогают больным глазами» (Там же, гл. 18, с. 210). Помимо того, из роз делали ароматические смеси¹⁵.

Цветы выполняли еще одну важную функцию — с них собирали нектар пчелы, разведение которых было весьма распространено в поместьях византийских феодалов. У Филарета Милостивого до того, как он обеднел, было 250 ульев (Виз.лег., с. 105).

Особое место в имениях занимали виноградники, где выращивались многие сорта винограда, различавшиеся между собой цветом (белый, черный и т. д.), размером и формой гроздьев, а также сроками созревания (Геоп., кн. V, гл. 15, с. 108—109).

В опоэтизированном виде предстает перед нами усадьба Дигениса Акрита, где среди чудесного сада, в котором «лозы чудные свисали винограда... и розы цветом пурпура окрашивали землю», возвышался большой прямоугольный дом, построенный из тесаного камня. Крыша дома и его полы были покрыты мрамором. Внутри здания были помещения с тремя высокими сводами. «Покои крестовидные, причудливые спальни» сверкали разноцветным мрамором. Полы в покоях были облицованы ониксом, отполированным так, что всякому казалось: «Замерзли капельки воды и льдинки пол покрыли». По бокам здания находились триклинии с золотыми сводами. Их стены были украшены мозаичными сценами, изображавшими подвиги героев Илиады, Самсона и Давида, чудеса Моисея и т. д. (Диг.Акр., кн. 7, с. 108—110). Характерно это причудливое смешение сюжетов античных и библейских.

Центром господского дома в реальном имении того периода обычно являлся просторный зал — столовая. В поместье Филарета Милостивого в подобном зале стоял большой круглый стол слоновой кости, отделанный золотом. За ним одновременно могло сидеть 36 человек (Виз.лег., с. 106). Господский дом в упоминавшейся выше усадьбе Варис располагал большим помещением с куполообразным потолком, опиравшимся на четыре колонны (ММ, т. 6, с. 5—7).

Важная роль в ансамбле поместья того времени отводилась церкви. Без нее усадьба была просто невысказана. В Варисе была большая церковь с куполом, покоившимся на восьми колоннах, с хорами и мраморным полом. Источник подробнейшим образом перечисляет находившуюся в ней церковную утварь: шесть больших и семь маленьких икон (все в золотых ризах), 28 паникадил, медные священные сосуды, книги, употреблявшиеся при богослужении, — два евангелия, октоих, проюки, апостольская триодь (ММ, т. 6, с. 6).

Городские дома знати мало отличались от сельских, но сами города претерпели существенные изменения. Многие из них пришли в запустение, другие сильно сожались в размерах. Афины, например, стали занимать территорию всего лишь в 16 га, в то время как античный город располагался на территории в 125 га¹⁶.

Меняется и общий вид города. Строгой планировки

больше не существует. Улочки становятся путанными и кривыми. Большая часть зданий — небольшие скромные дома, нередко состоящие из одной лишь комнаты площадью 5 м², в центре которой находился полукруглый каменный очаг¹⁷.

Монументальные центры в городах прекращают свое существование¹⁸. В Коринфе, после того как в IX—X веках он вновь начал оживать, прежняя агора стала застраиваться церквями, мастерскими, лавками. Прямо в середине площади в том месте, где некогда выступали ораторы, была воздвигнута часовня. Агора продолжала оставаться центром, но уже не всего города, а лишь одного из его кварталов. В XII веке коринфскую агору продолжали застраивать. В западной ее части был воздвигнут монастырь св. Иоанна, а на руинах нижней агоры был построен другой монастырь¹⁹.

Аналогичные изменения произошли и в Афинах, где агора также была застроена церквями и жилыми домами²⁰.

Происходит так называемая городская дезинтеграция²¹. В Сардах, например, на месте компактного города поздней античности возникает несколько практически изолированных друг от друга поселков с собственными цистернами для воды и часовнями²². Вместо некогда одного городского центра появляется, таким образом, несколько центров, вместо одного храма создается множество. В Герасе было построено 12 церквей, в Афинах около 14²³. Словом, теперь в городах нет ничего единственного, но все повторяется²⁴.

По воле завещателя в церковь или мартирий обращались жилые дома, и таким образом, даже внешний облик культового здания не всегда отличался от обычного жилого помещения²⁵.

Сама структура города сильно изменилась: церкви, монастыри, мартирии возводились не в каком-то определенном порядке, а строились на каком-либо «святом» или памятном месте, а то и на месте фамильной усыпальницы²⁶.

. Других общественных зданий в провинциальных городах вообще не строили²⁷. Это касается, в частности, бань, которые в ранневизантийский период играли весьма важную роль в архитектурном ансамбле города и являлись нормальным элементом городского быта.

В VII — начале IX века бани функционируют главным образом в частных усадьбах, и поскольку таковые, как только что упоминалось, нередко превращались в культовые здания, то городские бани теперь в первую очередь существуют именно при церквях, домах епископов и монастырях²⁸.

Более того, и отношение к баням заметно изменилось. Если раньше регулярное посещение городских бань было общепринятой нормой поведения, то в данную эпоху это зачастую вызывало осуждение, особенно со стороны аскетов, идеалом которых было умываться не иначе, как слезами²⁹.

Строительство общественных бань возрождается лишь с начала IX века³⁰, но в провинциальных городах они все же остаются редкостью и возведение их всецело зависело от воли епископа, местного феодала или богатого монастыря³¹.

Резкий контраст к этим скромным городам являли собой немногие сохранившиеся крупные города империи, такие как Фессалоника и, конечно же, столица Византии — Константинополь, который настолько отличался от других захиревших городов, что и само слово «город» стало относиться в первую очередь именно к нему и нередко служило синонимом к слову «Константинополь». Центральная улица города — Месе, масса церквей и монастырей, дворцы-особняки знати, наконец, Большой императорский дворец, заново отстроенный при Комни-нах — все это было отделано мрамором и украшено мозаикой, изделиями из золота, серебра, драгоценных камней. Подчас и двери зданий представляли собой подлинные произведения искусства (у дверей одной из церквей Большого дворца даже петли и задвижки были сделаны из серебра; Роб. де Кл., гл. 82, с. 59). Восторженным глазам Робера де Клари столица Византии представлялась городом, сияющим богатством и благородной красотой. Повествуя о завоевании Константинополя крестоносцами в 1204 году, хронист пишет: «...никогда с самого сотворения мира не было видано и завоевано столь громадного количества добра, столь благородного или столь богатого — ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после; сам же я думаю, что и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константи-

нополе. Да и греки говорят, что две трети земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету» (Роб.де Кл., гл. 81, с. 58).

Нельзя не сказать, однако, что наряду с великолепными императорскими дворцами и особняками знати в столице было немало убогих жилищ, где ютилась городская беднота и где очагом служила часто всего лишь простенькая жаровня, наполняемая углями³². Большинство улиц города были узкими и тесно застроенными, а их мостовые покрыты отбросами, источавшими зловоние³³. По некоторым из них было даже небезопасно двигаться. В житии царицы Феодано (жены Льва VI) говорится, например, как в темном переулке Вона на проезжавшего всадника набросилась полупомешанная нищая, живущая здесь в одной из грязных каморок³⁴.

В византийских городах произошло еще одно важное изменение, которое коснулось и Константинополя; более того, здесь оно сказалось раньше, нежели в других городах империи. Речь идет о появлении отдельных захоронений и целых кладбищ в черте города. В Константинополе это началось еще в ранневизантийский период и было самым непосредственным образом связано с демографическим взрывом, когда в ходе невиданного притока населения в новую столицу была значительно расширена ее территория и старые некрополи таким образом оказались в черте нового города³⁵.

С демографическими изменениями, но уже иного порядка исследователи связывают появление захоронений в границах других городов империи. Здесь оно было вызвано варварскими вторжениями, упадком городов и резким сокращением числа их населения³⁶. В Коринфе, например, кладбища в черте города восходят к VII—VIII векам, т. е. к тому периоду, когда сам город практически перестал существовать³⁷. Аналогичное явление наблюдается и в Афинах. Здесь кладбище возникло прямо на бывшей агоре вблизи от уже имевшихся здесь мест культа и культовых сооружений³⁸. Множество разрозненных захоронений в городских кварталах появилось и в Сардах, после того как они были разрушены персами³⁹.

Если в классической древности захоронения горожан были сосредоточены в одном месте — некрополе (и эта практика продолжала существовать в ранневизантий-

ский период), то начиная с VII века в городах появляется масса индивидуальных могил. «Мир мертвых» потерял свое единство⁴⁰. Более того, при захоронении соблюдается резкая дифференциация в зависимости от богатства, знатности, «святости» и даже характера смерти человека. Так, преступников и самоубийц, боясь мести их неприкаянных душ, хоронили отдельно. В специально отведенном для этого месте хоронили бедняков и чужеземцев. Богатый же человек мог для своей семейной усыпальницы основать монастырь или же купить место в уже действующем монастыре⁴¹. В церкви и возле нее хоронили особо достойных, тех, кто «не умирал и после смерти»: василевсов, высших сановников, патриархов, епископов и т. д. Это были отнюдь не кладбища, а отдельные захоронения⁴².

Этой иерархичности захоронений соответствовали эсхатологические воззрения византийцев: на смену идеи общности в смерти и коллективному воскресению постепенно приходит идея единичности и воздаяния после смерти каждому в соответствии с его жизнью⁴³.

Наряду с индивидуальными могилами в городах стихийно появляются и целые кладбища, которые чаще всего возникают на месте заброшенного монастыря или разрушенной церкви. Так случилось с монастырем св. Мины, который задумал возродить Симеон Новый Богослов⁴⁴.

Появление могил в жилых кварталах города существенно отличало его от города более ранней поры.

Скромному внешнему облику городов и их построек соответствовало и внутреннее убранство зданий. В жилищах бедняков зачастую было лишь убогое, покрытое лохмотьями ложе⁴⁵, но и в домах знати мебель заметно изменилась. В ней ощущается теперь значительное упрощение форм. На книжных миниатюрах того времени мы видим примитивно оформленную мебель для сидения, кровати, сундуки и столы⁴⁶. Иногда эти простые по своим конструктивным формам изделия дополнялись выточенными из дерева опорами и спинками, миниатюрными колоннадами и аркадами⁴⁷.

Распространены были табуреты и сундуки, крышка которых использовалась для сидения; в обычае были и складные стулья⁴⁸. Римский обычай возлежать во время трапезы и беседы ушел в прошлое.

Спали на кроватях, покрытых матрасами, набитыми чаще всего травой. В богатых домах их застилали дорогими яркими (красными, желтыми и т. д.) тканями и коврами. Для предметов домашнего обихода использовались грубо сколоченные сундуки ⁴⁹.

У наиболее состоятельных людей мебель была вычурно украшена, отделана золотом, разноцветной эмалью,

24. Ваза из агата и золота с рубинами и гранатами.
X—XI век, Ленинград

росписью и драгоценными камнями. В орнаментике нашли применение христианские мотивы: монограмма Христа, голубь, рыба, барашек, павлин; из растений — гроздь винограда, колос пшеницы, лавровый венок, оливковая ветвь и пальмовый лист. Из греческих мотивов были заимствованы и стилизованы лист аканфа и пальметта. В мебели сказалось также и влия-

ние германской (лангобардской и кельтской) орнаментики — вьющиеся растения и фриз из ленточного сплетения, а также «звериные» мотивы ⁵⁰.

Домашняя утварь была металлическая, стеклянная, глиняная. Богатая посуда из серебра (кубки, чаши, блюда) украшалась позолотой и эмалью ⁵¹. Стеклянная посуда, нередко цветная (синяя, марганцево-красная и т. д.) отделывалась росписью — орнаментами в виде лозы и листьев, медальонами с изображениями людей и птиц, а иногда и целых сцен ⁵².

Но основная масса населения пользовалась глиняной посудой. Ели руками (Тим., с. 41), хотя в быт знати постепенно входила двузубая вилка ⁵³.

Что касается самой пищи, то первое впечатление, которое возникает при чтении византийских источников того времени, — это ее богатство и разнообразие. Здесь и дичь (куропатки, утки), и домашняя птица (куры, гуси), различным образом приготовленное мясо и рыба, икра, молоко, сыр, масло, фрукты, овощи, всякого рода зелень (в том числе и дикорастущая), грибы, вино, сладости. Одним из наиболее доступных и излюбленных

продуктов питания являлась рыба — морская, речная, озерная. Более 60 видов рыб перечислено в «Геопониках» (с. 294—297, 348—349). Рыбу жарили, варили, коптили, вялили, сушили, мариновали, консервировали⁵⁴, готовляли черную и красную икру⁵⁵. В Константинополе рыбу нередко жарили прямо на рынке⁵⁶. Деликатесом считалось густое пюре из трески, а также вареная рыба⁵⁷. Большим спросом пользовались лиманда и осетрина, а вот к макрели и икре относились весьма равнодушно⁵⁸. Пищей простых людей являлись тунец, скумбрия, селедка, которых продавали по несколько штук за обол (Тим., с. 44).

Речная и озерная рыба ценилась меньше, но и среди речных встречались такие, которые относились к числу деликатесов. Видимо, о такой рыбе и пишет Михаил Пселл⁵⁹. Бывала и рыба иноземная, например, рыба крымского происхождения, так называемая берзитика⁶⁰. Именно ее получил однажды в подарок Иоанн Цец⁶¹.

Немало говорится в источниках и о мясе (говядине, свинине, баранине) и торговле им. Весьма обстоятельно рисует мясную торговлю в столице империи «Книга эпарха», сообщая в частности, как крестьяне пригоняют стада скота в город, как мясники покупают их через особых посредников под надзором чиновников ведомства эпарха города (для предотвращения спекуляции), как мясные туши распродают по частям, причем ноги, голова и внутренности животных остаются в пользу мясников (Кн. Эп., гл. XV, с. 64—65).

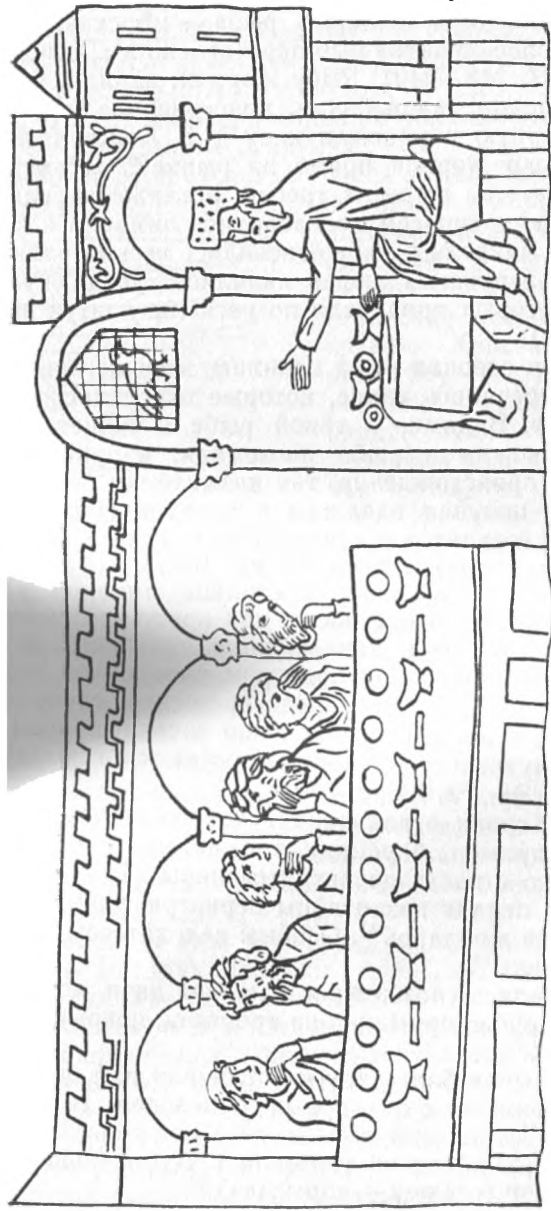
Особые сроки ограничивали торговлю мясом по сезонам. Например, баранину в Константинополе продавали только с пасхи до пятидесятницы (Там же, с. 65).

Высоко ценили византийцы пернатую дичь и нередко посылали ее в подарок⁶². Особым деликатесом считалось мясо журавля⁶³.

Сохранились упоминания о мелкой дичи, которую ловили с помощью приманки на тростник, покрытый птичьим клеем⁶⁴.

Среди сыров более других отличали пафлагонский⁶⁵. Высоко ценился сыр горных овцеводов (влахов) из Болгарии. Валахский сыр сбывали и за границу. Он был предметом оживленной торговли в Дубровнике и назывался бранза (отсюда — «брынза») ⁶⁶.

Вино также было различных сортов. Основным про-

25. Трапеза в присутствии члена императорской семьи. По мотивам миниатюры второй половины XIII века, Мадрид

дуктом, из которого оно изготовлялось, являлся виноград. В зависимости от сорта винограда вино было золотистое, черное или белое, сладкое или кислое, легкое или крепкое, долго хранящееся или легко портящееся (Геоп., кн. V, гл. 15, с. 108). Из черного винограда вино получалось более крепкое, из белого — среднее, из красного несколько слаще, чем из черного (Там же, кн. VII, гл. 3, с. 135).

Помимо винограда вино изготавливали из яблок, груш, кизила, граната, меда, полыни и т. д. (Там же, с. 146, 149—151, 153). Нередко вино настаивали на копытнике, лавровых ягодах, укропе, дикой петрушке, сельдерее и других растениях (Там же, с. 150—152). Известен напиток, при изготовлении которого смешивали яблочный сок, воду и мед, а также напиток, приготовленный из меда и роз (Там же, кн. VIII, гл. 27, с. 153).

Вместе с «варварами» в Византию пришло и получило известное распространение вино из хлебного зерна и ячменя; делали также напитки из полбы, овса и проса (Там же, кн. VII, гл. 34, с. 146). Существовало вино, в состав которого как обязательный компонент входила смола⁶⁷. Его изготовляли на заселенных «варварами» Балканах⁶⁸, и не всем византийцам оно приходилось по вкусу. Хулят его и Никифор Василак⁶⁹, и Григорий Антиох⁷⁰, и Михаил Хониат⁷¹. Михаил Хониат, в частности, писал из Афин, что он никогда не притрагивался к этому вину и завидовал своему адресату (Дмитрию Дриму), жившему в Константинополе, что тот имеет возможность вкушать вино, доставленное с Эвбеи, Хиоса и Родоса⁷².

Женщины, когда пили вино, разбавляли его водой (Геоп., кн. VII, гл. 34, с. 146), а мужчины нередко добавляли в него пряности (Там же, гл. 36, с. 147).

Вином утоляли жажду, запивали пищу и использовали его в лечебных целях. Так, вино, настоянное на укропе, пили для возбуждения аппетита, укрепления желудка и как мочегонное средство (Там же, кн. VIII, гл. 9, с. 150). Вино, настоянное на дикой петрушке, наряду с другими качествами обладало хорошим снотворным действием (Там же, гл. 12). В свою очередь вино, настоянное на руте, использовали как противоядие при отравлениях и укусах пресмыкающихся (Там же, гл. 13). А вино из роз, аниса, шафрана и меда помогало стра-

дающим желудком и болезнью легких (Там же, гл. 2, с. 149).

При изготовлении целебных вин не добавляли никаких лекарственных снадобий, а использовали лишь «самые простые растения» (Там же, гл. 1).

О качествах вина говорили, спорили, утверждали, что оно «веселит душу», однако чрезмерное его употребление служило предметом осуждения, считалось, что оно «отшибает память» (Там же, кн. II, гл. 44, с. 76).

Из сладостей известны торты, изготавливавшиеся из муки и меда, муки и вареного муста — десерт, известный ныне в Греции как мусталевриа⁷³.

Маленькие пирожные, выпеченные из пшеничной муки высокого качества и имеющие форму колец, также являлись лакомством многих византийцев. Именно они были посланы в подарок императором Константином VII митрополиту Кизика Феодору⁷⁴.

Немало в источниках разных жанров содержится упоминаний о фруктах, которые, по выражению склонного, как и многие другие византийцы того времени, к аллегориям и поиску символов Михаила Пселла, напоминали человеку об эфемерности бытия (Мих. Пс. Эп., 52). Писали о фруктах и посылали их в подарок довольно часто.

Разновидностей их было немало: яблоки, груши, дыни, гранаты, фиги, виноград (свежий или в виде изюма) и др. К числу весьма недорогих и широко распространенных видов фруктов относились дыни. По свидетельству современников, за две драхмы можно было купить десять полных корзин дынь (Мих. Пс. Эп., 237).

Одним из основных видов фруктов, выращиваемых на территории Византийской империи, был виноград, сортов которого было множество (Геоп., кн. V, гл. 16—17, с. 109—110). Наряду с распространенными сортами белого, красного и черного винограда, существовал, например, виноград сероватого, дымчатого оттенка, который в простонародье называли кукубэ, вероятно, потому, что он напоминал по своему цвету сову (кукуба = главкс, сова)⁷⁵. Известен виноград, который называли кристаллини по той причине, что его ели зимой⁷⁶. Хранили такой виноград в амбарах, подвешивая наверху у балок⁷⁷.

Ели фрукты свежими, сушеными, вареными.

Из овощей византийцы употребляли в пищу капусту,

огурцы, зелень, в том числе и дикорастущую, которую использовали для салатов⁷⁸. Весьма распространенной пищей были маслины, обычно маринованные⁷⁹.

Но главным продуктом питания, без которого не обходилась ни одна трапеза, был хлеб, олицетворявший, по словам того же Михаила Пселла, «хлеб жизни» (Мих. Пс. Эп., 52). Хлеб выпекался из пшеничной и ячменной муки. Пшеничным хлебом питались главным образом в Малой Азии, но и здесь его порой не хватало. Во всяком случае, Николай Месарит во время своего путешествия в Никею довольствовался лепешками из проса (Ник. Мес., с. 44—45). Просо употребляли в пищу и на Балканах⁸⁰, там же ели хлеб из ячменя. Рожь и овес, распространенные на западе Европы, встречались на территории Византийской империи лишь sporadически.

Византийские императоры имели обыкновение посылать хлеб, который, как хорошо было известно каждому византийцу, придавал организму нужную силу, как особый дар клирикам, стратигам, сановникам⁸¹.

При всем разнообразии существовавших в Византии продуктов питания рацион отдельного человека, а также отдельных социальных групп был далеко не одинаков. Пирь знати бывали обильными. Тут и куры, и гуси, и журавли, и куропатки, и зайцы, и отборная рыба⁸². Во время обеда у Филарета Милостивого императорским посланникам были предложены «достойные знатных гостей кушанья», на приготовление которых пошли бараны, ягнята, куры, голуби и другая снедь. Все это громоздилось на большом столе рядом с хлебом и старым вином (Виз. лег., с. 106). У Исаака II Ангела во время трапезы можно было видеть, по образному выражению Никиты Хониата, «холмы хлеба, леса зверей, проливы рыбы и моря вин» (Ник. Хон., с. 441). К числу деликатесов императорской кухни относилась курица, начиненная миндалем⁸³.

Блюда, как правило, были жирными и острыми, с большим количеством перца, соли, чеснока, горчицы. Непременным компонентом мясных блюд являлись всевозможные соусы и приправы. «Раб желудка» и «искусный кулинар» Константин VIII, пишет Михаил Пселл, «добавлял к блюдам приправы для цвета и запаха, возбуждая тем самым природу к кревоугодию» (Мих. Пс.,

Хрон., гл. VI, с. 20). Для приготовления соусов и приправ использовали, помимо соли и перца, корицу, цикорий, тмин, уксус, сельдерей, кресс, шпинат, репу, свеклу, баклажаны, капусту, миндаль, гранаты, яблоки, орехи, изюм, чечевицу, нут⁸⁴. В состав соусов могли входить и индийские благовония⁸⁵.

Лакомыми блюдами считались мясо в густом пряном соусе⁸⁶, а также соленая свинина с фригийской капустой, плавающие в жиру (Тим., с. 41). Любили и мясо, плавающее в рассоле⁸⁷.

Рыбу приправляли корицей, гвоздикой, индийскими благовониями, грибами, уксусом, медом⁸⁸.

При всем том, однако, большинство византийцев питалось весьма скромно. Согласно Дмитрию Хоматнану, во время поста благочестивый человек ограничивал себя самым необходимым. К числу этих необходимых продуктов он относит хлеб, сушеные фиги или финики, капусту⁸⁹.

Во время своего путешествия в Никею Николай Месарит ел в дороге, как он сам о том пишет, хлеб из проса, вино, орехи, финики и сушеную рыбу (Ник. Мес., с. 44). По его же словам, в придорожной харчевне рацион был несколько разнообразнее. Здесь путникам предлагали вино, мясо, сушеную рыбу (Там же, с. 40). Весьма распространенным продуктом питания был сыр⁹⁰.

Житие Андрея Юродивого знакомит нас с дневным бюджетом и меню одного из бедняков столицы империи: на один имеющийся у него обол он купил овощей, на другой — горячее — ферма, вероятно рыбу⁹¹.

По завещанию Михаила Атталиата (1077), основанный им странноприимный дом должен был кормить по воскресеньям шесть бедняков. Им выдавали хлеб, бобы, овощи, рыбу (ММ, т. 5, с. 306). Хлеб здесь на первом месте. Он, как и дешевое вино и овощи, видимо, и являлся основной пищей бедноты⁹².

Ели один или два раза в день. Первая трапеза — завтрак (аристон), вторая — обед (дипнон). Аристократы завтракали, по всей видимости, довольно поздно. Император Иоанн II Комнин сначала отправлялся на охоту, а потом принимался за аристон (Иоанн Кин., с. 26). Ремесленники же и крестьяне ели, как только вставали — до начала рабочего дня. Сосед Феодора

Продрома, сапожник, до того как приняться за свой нелегкий труд, ел поутру требуху и сыр, запивая их водой⁹³. С рассветом завтракал и сопровождавший в поездке Николая Месарита погонщик мулов (Ник. Мес., с. 41).

В монастырях, несмотря на призывы к воздержанию, ели немало. Идеологи монашества (в частности Феодор Студит) уделяли большое внимание питанию в монастырях, во-первых, потому, что они отдавали себе отчет в том, что монахи должны были трудиться, а значит, быть достаточно крепкими, а во-вторых, потому, что рассматривали питание как важный компонент духовного совершенствования монахов⁹⁴.

Согласно Феодору Студиту, питание в монастырях находилось в тесном соответствии с днями литургического года. В период от пасхи до дня «всех святых» ели два раза в день: днем и вечером. Днем ели хлеб, вареные овощи, тушеные бобы с оливковым маслом или густой рыбный суп, сыр, яйца. Запивали пищу тремя кружками разбавленного теплой водой вина. На вечернюю трапезу полагался хлеб со свежими овощами, фрукты, вино⁹⁵.

Во время поста ели один раз в день — в три часа дня. В первый и четвертый дни недели трапеза состояла из чечевичной похлебки, соленой рыбы без масла и пяти сушеных фиг. Во второй, третий, пятый и шестой дни недели ели вареную соленую рыбу и измельченные орехи. Фиги и другие фрукты в эти дни были запрещены. Вино пили анисовое, с добавлением тмина и перца⁹⁶.

В канун религиозных праздников ели также один раз в день. Пища состояла из двух блюд: овощей и бобов без масла. Рыба, сыр, яйца в эти дни не полагались. Вино пили настоящее на травах⁹⁷.

В дни больших праздников монахам давали немного мяса⁹⁸.

В последующие века пища монахов изменилась мало. Она также строго распределялась по дням литургического года и состояла главным образом из рыбы, раков, сыра, яиц, бобов, овощей, оливкового масла и хлеба. Хлеба в монастырях XI—XII веков ели по 600—1000 граммов на человека в день⁹⁹.

Верхушка монастыря и приезжающие гости обычно питались лучше, нежели основная монастырская братия,

но все же пища монахов была более обильной и калорийной, чем у людей, находившихся в странноприимных домах и больницах, существовавших при тех же самых монастырях¹⁰⁰. Однако в сравнении с монахами западноевропейских монастырей византийские монахи ели меньше, и не так калорийно. Исследователи объясняют этот факт различиями в климате, аскетических правилах, а также уменьшением сельского мужского населения в Византии¹⁰¹.

В целом можно заключить, что питание в Византии было ближе к мусульманскому Востоку, отличаясь от последнего лишь большим употреблением вина и меньшим количеством сладостей¹⁰².

Все большее влияние Востока сказывалось и в одежде византийцев того времени.

Одежде жители империи, особенно высшие слои, придавали огромное значение. Мужчин она интересовала, пожалуй, даже больше, чем женщин, ибо одежда четко определяла ранг и общественное положение ее обладателя. Константин VII Багрянородный в наставлении своему легкомысленному и жадному до удовольствий сыну Роману всячески стремится внушить мысль о том, как следует василевсу «говорить, ходить, держаться, улыбаться, садиться, одеваться» (Конст. Багр., с. 4).

Тщательно, входя во все детали, Константин VII описывает костюмы императора и придворных 13 степеней, придавая немалое значение цветовой гамме нарядов и их отделке.

Все учреждения как гражданской, так и военной службы, все военные отряды отличались друг от друга костюмом. Мало того, одежду меняли в зависимости от праздника и церемонии, а нередко и в ходе ее. Детали костюма играли весьма важную роль в придворных торжествах¹⁰³.

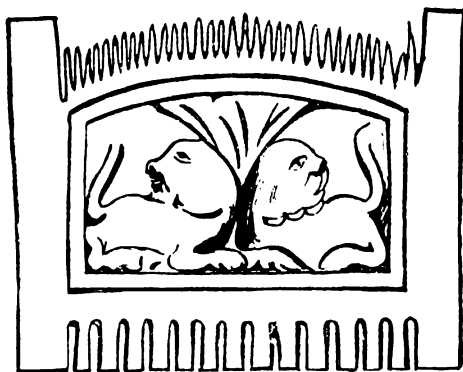
Основной верхней одеждой продолжала оставаться римская туника-далматика, претерпевшая, однако, заметные изменения, в которых сказалось длительное соседство византийцев с иными народами в пределах империи и на ее границах. Появились различные виды туники-далматики, отличавшиеся друг от друга покроем или материей и предназначавшиеся для разных целей, надевавшиеся в разных случаях и называвшиеся разными именами. В книге «О церемониях византийского двора»

мы находим несколько видов туники-далматики: дивитисий, коловий, иматий, стихарь и др.

Исключительно парадной одеждой был дивитисий. Именно в него облачился Никифор II Фока при своем триумфальном въезде в Константинополь (Конст. Багр., с. 97). Дивитисий представлял собой длинную, сравнительно узкую в подоле тунику с широкими рукавами. Позднее такая туника стала называться саккос и под таким названием вошла в облачение русских патриархов¹⁰⁴.

В дивитисии василевса венчали на царство, в этом же наряде он бракосочетался, принимал чужеземных послов, слушал литургию в храме св. Софии, являлся народу на ипподроме. В дивитисий облачали императора и тогда, когда отправляли в последний путь¹⁰⁵. Шили дивитисий из наиболее дорогих тканей.

Для выходов к дивитисию полагался плащ-хламида, а в исключительно торжественных случаях цицакий или лор. Цицакий появился в парадном гардеробе византий-

26. Гребень. XI век, Коринф

цев со времени женитьбы Константина Копронима на хазарке. Он считался одним из самых великолепных и торжественных облачений и надевался главным образом только в день коронации, в пасхальную неделю и некоторых других, особо торжественных случаях (Конст. Багр., с. 38). Его отличие от хламиды не вполне ясно, но, по всей вероятности, он изготовлялся из материи,

затканной цветами (в турецком языке «чичак» означает цветок)¹⁰⁶.

В первый день пасхи василевс надевал поверх дивитисия лор, который восходит к трабее римских консулов. Это верхняя накидка или перевязь, идущая от подола спереди на правое плечо, спускающаяся отсюда под правую руку и, пройдя по груди на левое плечо, спускающаяся затем по спине к правому боку, а от него по животу проходящая по левую руку, с которой она свешивается длинным концом. Постепенно трабея из длинного расширяющегося на одном конце полотнища сделалась полотнищем одинаковой ширины и стала называться лором (ремень, пояс), но надевалась по-прежнему. Дальнейшие изменения лора связаны с тем, что из-за увеличения украшений на нем он делался все тяжелее и толще, обвивать его несколько раз вокруг шеи и груди стало очень затруднительно. Поэтому для удобства надевания лор стал расчленяться на части, которые надевались отдельно. Та часть лора, которая обвивала шею и перекрещивалась на груди, получила форму широкого воротника или оплечья, из-под которого выходила или к которому пристегивалась передняя вертикальная часть. Эта последняя часть иногда просто нашивалась на платье. Часть лора, шедшая поперек тела и спускавшаяся через левую руку, мало-помалу сокращается в размерах и в более позднее время превращается в поперечную нашивку, так что самостоятельной частью остается только оплечье. В такой форме, т. е. в виде оплечья, лор перешел в орнат русских царей вместе с царским титулом и введением коронационного обряда¹⁰⁷.

Как уже говорилось, лор был частью самого торжественного, самого парадного одеяния василевсов. Первоначально в Византии его надевали лишь в дни праздника консульства, которое обычно имело место первого января. В период иконоборчества празднование консульства и соответственно консульское одеяние передвинулось на пасху. Постепенно в результате этого облачение на пасху василевса и высших сановников в консульские одеяния стало традиционным, обычным даже и тогда, когда василевсы перестали отмечать консульства, от которых остался лишь этот обряд облачения¹⁰⁸.

Облачение василевса и высших сановников в лоры в дошедших до нас описаниях пасхальных обрядов яв-

27. Император в дивитисни с лором. С резной пластины из
слоновой кости X века, Москва

28. Лор в одежде императора. По мозаике второй половины X века, Стамбул

ляется уже прочно установившимся обычаем и, составляя неотъемлемую принадлежность пасхальных церемоний, получает особый христианский смысл, тесно связанный с важнейшими религиозными праздниками¹⁰⁹.

В менее торжественных случаях (для ежедневных вечерних приемов во дворце, для езды верхом и других церемоний) надевался коловий. Это — туника-далматика с короткими, не доходящими до локтей рукавами или вовсе без рукавов. Обычно коловий отделывался жемчугом, драгоценными камнями, золотой каймой и нашивками (Конст. Багр., с. 80, 188).

Весьма ходовой одеждой у придворных был скарамангий. В книге «О церемониях византийского двора» слово, обозначающее эту одежду, встречается чуть ли не на каждой странице. В свое время это была кафтанобразная одежда азиатских всадников-кочевников. От них она перешла к персам, а затем в ходе длительных византийско-иранских войн с VII века была позаимствована византийцами¹¹⁰. Сначала скарамангий носили кавалеристы, но постепенно он стал придворной одеждой и получил широкое распространение. Это кафтан, т. е. распашная одежда разного покроя и разного рисунка, но непременно имеющая спереди полы.

Цвета скарамангиев отличались яркостью и разнообразием: зеленый, розовый, красный, фиолетовый, персиковый, лимонный, голубой, желтый, белый и т. д.¹¹¹ Костюм мог делаться из одного куска ткани или из разных, верх из одного, низ — из другого, причем из кусков тканей разной окраски. Сочетали, например, зеленый и фиолетовый цвета или красный и зеленый, как это было у скарамангиев протоспафариев¹¹². Как мы видим, сочетание красок отличалось большой смелостью.

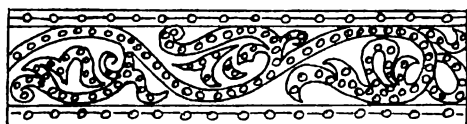
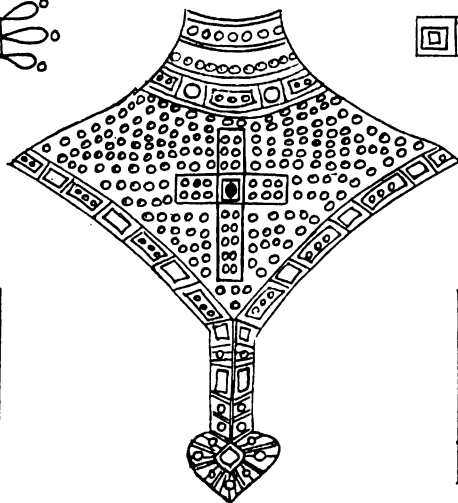
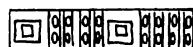
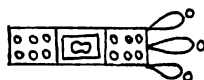
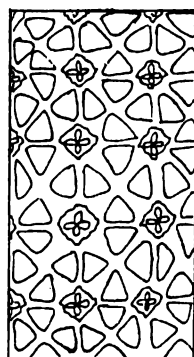
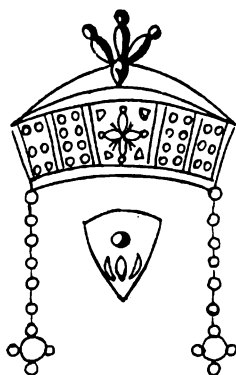
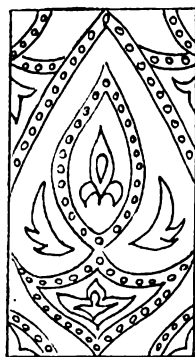
В том месте (у талии), где куски ткани сшивались, надевали пояс, по временам очень широкий, закрывающий значительную часть живота¹¹³. Имели скарамангии и воротники¹¹⁴.

Скарамангий настолько пришелся византийцам по вкусу, что из кавалеристской одежды он превратился в костюм высших сановников и самого василевса. Василевс надевал его почти всякий раз, когда выходил или выезжал из дворца.

В скарамангии ездили верхом, на лодке и вообще употребляли для выходов. Кроме того, придворные на-

29. Император в далматике. По рукописи XI века, Париж

30. Детали императорской одежды и декора каймы. В центре —
оплечье-маниакйй

девали его для ежедневных утренних приемов во дворце. По утрам в скарамангий облачался и василевс¹¹⁵.

Вполне понятно, что, став придворной одеждой, скарамангий претерпел существенные изменения. Он удлинился, стал отделяваться жемчугом, драгоценными камнями, золотыми нашивками, каймами. Он считался несколько более парадной одеждой, чем коловий¹¹⁶.

В более торжественных случаях на скарамангии полагалось надевать хламиду или сагион. Сагион — это военный плащ. В подобном плаще изображен Василий II Болгаробойца на известной миниатюре. Хотя сагион оставался преимущественно военной одеждой и военачальники надевали его даже в самых торжественных случаях, когда равные им гражданские сановники облачались в более парадные плащи — хламиды, он в то же время сделался повседневным плащом василевса и придворных (Конст. Багр., с. 47, 242).

В зависимости от случая придворную одежду различным образом украшали и отделявали. В пасхальную неделю, например, василевс выезжал в золотистом скарамангии. Золото, золотые бордюры, нашивки, вышивки, золотое тканье составляли постоянное украшение и существенный признак византийских парадных одеяний. Этот восточный обычай делал костюм более тугим и гладким, более узким и лишенным многочисленных складок, нежели в античную эпоху.

Парадная одежда византийцев была очень дорогой¹¹⁷. Известна, например, одежда стоимостью более 10 номисм. Правда, подобная одежда не подлежала продаже и носить ее имели право исключительно василевс и придворные¹¹⁸.

Дорогой роскошной одеждой украшали парадные залы дворцов (Там же, с. 571), дополняли ею внутреннее убранство церквей¹¹⁹, а также как знак особой милости посылали в дар чужеземцам (Там же, с. 661). Роман Лакапин, например, послал одному из итальянских королей комплект скарамангиев для его двора: желтых, розовых, голубых, белых¹²⁰.

Посылали одежду и в подарок друг другу. Так, Иоанн Апокавк обещал подарить одному из своих адресатов кожаное платье (Иоанн Апок. Эп., 73). По какой-то причине он не смог этого сделать и послал ему свое платье, написав при этом, что оно большое и довольно длин-

31. Император в чешуйчатой кирасе, в сагионе, застегнутом фибулой. По миниатюре XI века, Венеция

ное, и посоветовав приладить его по себе. В свою очередь он получил в подарок меховую одежду из лисьих шкур (Там же. Эп., 76). А патриарх Николай Мистик в качестве благодарности за посланного ему в подарок коня отправил своему адресату головной убор (Там же. Эп., 108).

Домашняя одежда византийцев даже очень высокого ранга существенным образом отличалась от парадной и была значительно скромнее¹²¹. Скромной она была и у большинства населения вообще. Мать Михаила Пселла, например, предпочитала носить темную одежду и не пользовалась никакими украшениями. Так же поступали и многие другие женщины. Надо сказать, что женский костюм на протяжении веков менялся мало. Обычно это была длинная туника с длинными до запястья рукавами. Непременным добавлением к ней, особенно когда женщина выходила из дому, был плащ-покрывало, который одевался наискось¹²².

Почти не претерпевала изменений одежда основных тружеников империи — крестьян и ремесленников. Это все та же рубаха-хитон из грубой ткани, подвязанная вместо пояса простой веревкой, такие же штаны, короткий, перекинутый через плечо плащ, перевязанные крест-накрест ремешком сапоги¹²³.

Одежда изготовлялась из льняных, шелковых и шерстяных тканей. Чисто шелковые ткани ценились на вес золота¹²⁴. Особенно ценными считались пурпуровые ткани различных оттенков. Были ткани, в которых на каждые две нити пурпурово-шелковых приходилась одна золотая¹²⁵.

Подобные ткани, которые нередко имитировали иранские (постсасанидские) и мусульманские, в X—XI веках украшались орнаментами или фигурами птиц и животных: орлов, павлинов, львов, слонов¹²⁶. Нередко они содержали также персонификации городов и изображения императора на коне, что свидетельствует и о сохранении позднеантичной традиции¹²⁷. Из таких тканей не только изготовляли одежду, но ими украшали во время торжественных церемоний дома на улицах города и внутренние залы дворцов (Конст. Багр., с. 12).

Большее распространение имели ткани, в которых шелковая нить чередовалась с шерстяной. Чем больше шерстяных нитей, тем дешевле ткань¹²⁸.

32. Императорский костюм XI века. *Кость, Париж*

Льняные ткани также были различного качества. Некоторые были настолько тонкими и легкими, что ценились дороже шерстяных¹²⁹. По свидетельству Иоанна Камениаты, арабы после захвата Фессалоники, набрав горы тончайших льняных материй, не захотели брать шерстяных (Иоанн Кам., гл. 58, с. 196).

И среди мужчин, и среди женщин, правда, главным образом представителей знати, привычным было носить ювелирные украшения — ожерелья, диадемы, серьги, кольца, браслеты. Все эти предметы роскоши заметно отличаются от украшений, которые носили византийцы ранней эпохи. Они стали более яркими и многоцветными. Эта любовь к полихромии возникла и укоренилась в VII — начале IX века¹³⁰, а к середине X века этот тип ювелирных украшений выступает как вполне сложившийся.

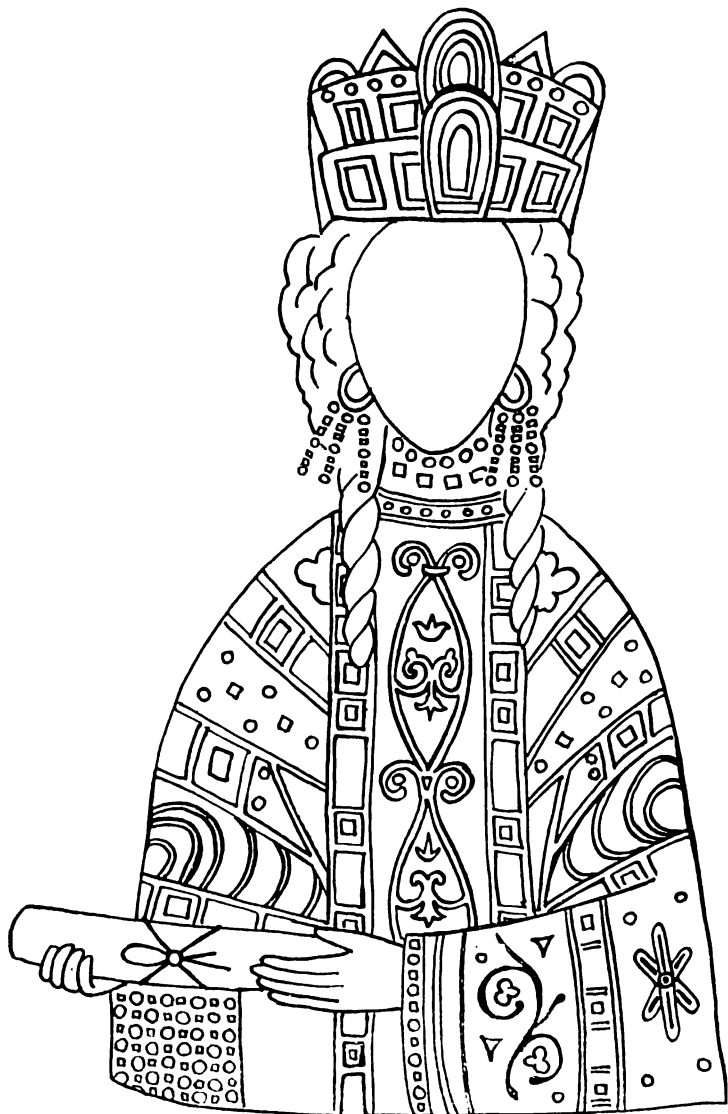
Большое место в оформлении ювелирных украшений X—XII веков занимает перегородчатая эмаль, широко привлекавшаяся при отделке перстней, браслетов и прочих предметов роскоши. Изделия эмальеров были хорошо известны Константину Багрянородному, по словам которого, ими украшались даже конские сбруи (Конст. Багр., с. 99, 572, 581, 640).

От XI века сохранилась корона Константина IX Мономаха, хранящаяся в Будапеште. Рядом с официально торжественными, статичными изображениями самого василевса, его жены Зои и ее сестры Феодоры на короне помещены фигуры танцующих в восточной манере плясуньи. Эти стройные, гибкие, как бы покачивающиеся в танце женщины скорее напоминают об искусстве Сирии, Персии и Индии, нежели искусстве Греции и Рима¹³¹. Восточное лицо Византии в украшениях, как и в других памятниках быта, проступает весьма отчетливо¹³².

Благовония, из которых делали ароматические смеси и масла, также доставлялись с Востока, большей частью из Индии и Аравии¹³³. Известно ароматическое средство «Ассириан фриганида»¹³⁴.

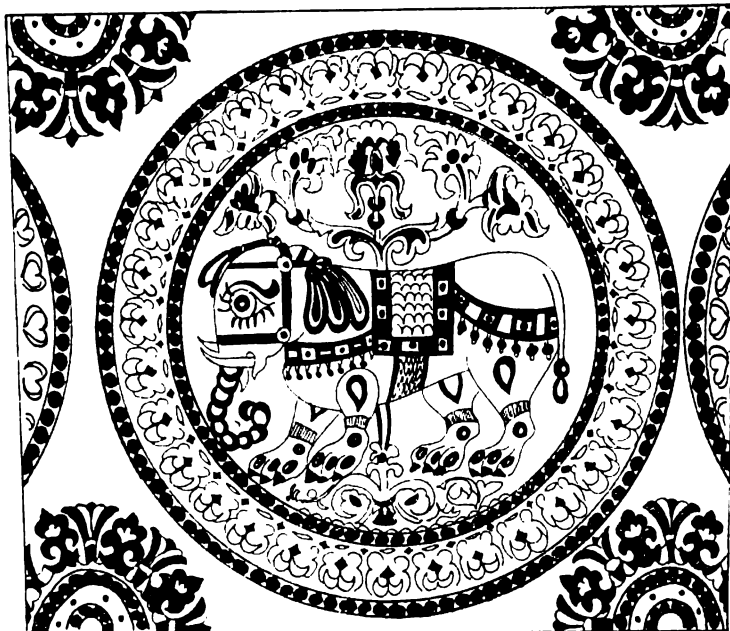
Для изготовления определенных косметических средств требовалось знание секретов сложных по составу смесей. «Миро» (душистое масло) варили из смеси оливкового масла с различными душистыми веществами¹³⁵.

Изготовлением ароматов и косметических средств

33. Императрица. По мозаике начала XII века, Стамбул

страстно увлекалась императрица Зоя. Из далеких Индии и Эфиопии по особым заказам императрицы привозились все новые и новые ароматические средства, и ее покои, где круглый год горели жаровни для приготовления различных хитроумных притираний и необыч-

34. Ткань X века с восточным рисунком

ных ароматов, походили на настоящую лабораторию (Мих. Пс. Хр., гл. 64, с. 87—88).

Благовония использовались не только в косметических целях, но и при богослужении (в кадильницах), при совершении таинства миропомазания¹³⁶. Их нередко дарили при обряде благословения. Так поступил, например, патриарх Николай Мистик, который послал одному из стратигов сотню флаконов благовоний¹³⁷.

Признаком хорошего тона считалось приподнести василевсу в качестве подарка ладан¹³⁸, который, как считали, несмотря на его тяжелый запах, облегчает душу (Геоп., кн. XI, гл. 16, с. 209).

Наряду с усилением восточных влияний, на всем укладе жизни византийцев того времени (одежде, питании, психологии, системе ценностей и т. д.) самым серьезным образом сказывалась сложная военно-политическая ситуация в империи, те постоянные войны, которые она вела на всем протяжении своих сухопутных и морских границ. В IX—XII веках в среднем можно насчитать на столетие лишь 20—25 лет, когда бы византийцы жили без войны¹³⁹. Военная сила и слава империи дорого обходилась ее населению, которое страдало как от чужих, так и от своих солдат. Войско, особенно чужеземные его элементы, смотрели на мирное население византийских городов и деревень как на жителей завоеванной страны, разоряя все на своем пути и чиня всякого рода насилия над беззащитными горожанами и крестьянами.

Средний возраст византийцев в этот период времени был весьма невелик. Половина населения империи не доживала до 35 лет¹⁴⁰. Как показывают демографические исследования, дольше всего жили императоры, интеллектуалы и отшельники¹⁴¹. Средний возраст представителей Македонской династии достигал 59 лет, Комнинов (если не принимать в расчет Алексея II, умершего в возрасте 14 лет) — 61 год, в то время как, например, у их современников — представителей Саксонской династии в Германии средний возраст достигал лишь сорока с половиной лет¹⁴².

Относительную длительность жизни василевсов исследователи объясняют хорошим питанием и лучшей по тем временам медицинской помощью¹⁴³. Но нельзя не отметить, вместе с тем, что жизнь императоров была подвержена и большим опасностям. Многие из них являлись полководцами и во время войны возглавляли войско. И Никифор Фока, и Иоанн Цимисхий, и Алексей Комнин, и другие сами принимали непосредственное участие в сражениях, увлекая за собой солдат. Нередко василевсы участвовали и в весьма рискованных светских развлечениях. Так, Василий I умер после охоты, во время которой олень поднял его на рога.

Немало василевсов погибло в результате заговоров. Ужасную, отталкивающую своим натурализмом и жестокостью сцену убийства Никифора II Фоки нарисовал Лев Диакон (Лев Диак., V, 7—8).

Примерно на десять лет больше средней продолжительности жизни василевсов IX—XII веков оказывается средний возраст известных нам византийских интеллектуалов. По подсчетам специалистов, в эпоху Комнинов ученые в среднем жили до 71 года ¹⁴⁴.

Дольше же всего жили отшельники, отдельные из которых, судя по сохранившимся свидетельствам, дожи-

35. Парадная обувь императора XI века. По реконструкции в книге «*A technical history of costume*» (L., 1947, v. 2, p. 159)

вали до 80, а порой и до 90 лет ¹⁴⁵. Но само удивление и даже восхищение, которыми отмечены в источниках эти факты биографий «святых», говорит об исключительности подобных случаев.

Старый человек, таким образом, оказался явлением весьма редким, и, вероятно, уже в силу этого на старость стали смотреть по-особому. Старость воспринималась не как слабость и дряхлость, но прежде всего как муд-

рость и опытность: «Мудрость приходит с годами и понимание наступает после долгих прожитых лет» ¹⁴⁶. Это восточное отношение к старости стало господствующим в Византии. Седые волосы прославлялись как «корона славы, как свидетельство праведной жизни» ¹⁴⁷.

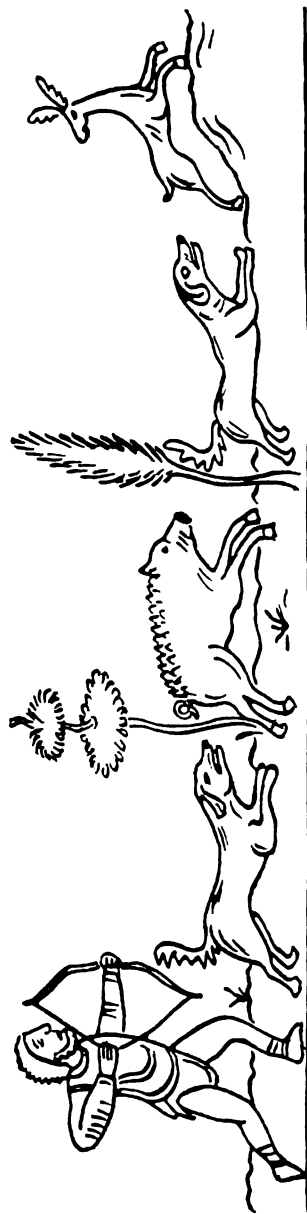
Справедливости ради следует отметить, что не все византийцы воспринимали старость именно так. Для представителя интеллектуальной элиты XI века Михаила Пселла в старческом возрасте прекрасно лишь то, что напоминает о молодости ¹⁴⁸. Описывая императрицу Зою, он, например, говорит: «Достигнув семидесяти лет, она сохранила лицо без единой морщины и цвела юной красотой» (Мих. Пс. Хр., гл. 158, с. 118). У другого представителя интеллектуальной элиты Никиты Хониата отношение к старости более сложное. Его взгляды на старость менялись по мере того, как он сам становился старше. Когда он был молодым, старость отталкивала его; с возрастом, однако, она открывала ему свои достоинства (Ник. Хон., 50—51, 275—276, 439, 550—551).

Столь же различными были интересы и идеалы различных слоев византийского общества. Житель столицы

и придворный Михаил Пселл больше всего интересуется жизнью двора и дворцовыми интригами, которые он описывает самым тщательным образом. Всего несколькими строчками упоминает он о внешних войнах. Читая его «Хронографию», трудно представить себе, что вторая половина XI века — тяжелейший для Византийской империи период, время печенежских набегов, восстаний сербов и болгар, разгрома Византии в Малой Азии турками-сельджуками.

Напротив, совершенно иные ориентации у магнатов-акритов, охраняющих границы и ведущих вечную борьбу с мусульманами и апелатами-разбойниками в обстановке всяческих трудностей и неожиданностей, военных подвигов и приключений. Их жизнь, деятельная, энергичная, грубая, непохожа на жизнь изнеженного придворного мира Константинополя. Их быт и нравы представляют собой смешение варварства и утонченности, их характеры исполнены диких страстей и нежной чуткости (Диг. Акp).

В среде провинциальных магнатов, особенно с середины XI—XII века, прежде всего ценились физическая сила, выносливость, отличное владение мечом, копьем, луком, палицей, искусство верховой езды. Наиболее распространенным развлечением у аристократов была охота. Ее страстными любителями были Роман II, Константин IX Мономах, Алексей I Комнин, Андроник I и др. Роман II, например, начинал свой день с верховой езды, затем после завтрака играл с придворными в конную игру в мяч, после чего отправлялся допоздна охотиться в окрестности Константинополя (Прод. Феоф., с. 472). Рассказывая о правлении Исаака II Ангела, Никита Хониат пишет, что очарование Мраморного моря, прелесть дворцов и удовольствия от охоты и верховой езды являлись теми сладостными цепями, которые удерживали императоров от дальних походов (Ник. Хон., с. 399). Охота, воинские упражнения, а также конная игра в мяч (Анна Комн., кн. XIV, 4, с. 383) считались наиболее достойными аристократа занятиями, необходимыми, в частности, для воспитания императора, который сам в ту пору нередко являлся полководцем. Именно охотой, воинскими упражнениями и игрой в мяч советует заняться Алексею Комнину (правнуку Алексея I) Продром¹⁴⁹.

36. Сцена охоты. По мотивам миниатюры XI века, Венеция

Обучались военные аристократы и основам стратегии и тактики, умению ладить с подчиненными и поддерживать дисциплину в войске ¹⁵⁰.

Постоянные войны, внутренняя нестабильность приводили к тому, что никто в империи не чувствовал себя уверенно: ни василевс, нередко незаконно пришедший к власти, ни представители знати, которые тоже могли в один прекрасный день лишиться и положения, и богатства, ни все остальные слои населения. В постоянном ожидании беды живет автор «Стратегикона» Кекавмен. По его словам, нельзя забывать, что радость не бывает постоянной; грядущий день может принести нежданное несчастье: сегодня ты доволен и надменно третируешь подчиненного, а завтра судьба заставит тебя просить, чтобы он протянул тебе руку; утром ты тиран, а вечером сирый слепец. Поэтому, заключает Кекавмен, нужно быть постоянно настороже, так как неостерегающийся как раз и попадает в беду, и лучше, живя в благополучии, хмурить брови, чтобы не познать истинной печали ¹⁵¹.

Вторжения врагов, произвол, мятежи и репрессии делали иллюзорным благополучие и простых смертных, и видных магнатов. Атмосфера всеобщей подозрительности и недоверия стала привычной и во дворце императора, и в провинциальном претории, и на улице, и в кругу друзей, порой даже в лоне семьи ¹⁵². Тайный сыск процветал. Если верить Михаилу Пселлу, императоры и их временщики имели «многоглазую силу», от которой невозможно было укрыться. Сохранилась любопытная книжная миниатюра, на которой изображены служители сыска в тот момент, когда они, спрятавшись за занавесями в частном доме, записывают происходящий рядом разговор.

Видимо, именно поэтому Кекавмен советовал своему сыну вести себя с большой осторожностью: «Не поминай вообще имени василевса и царицы, не ходи на пиршку, где можешь попасть в дурную компанию и быть обвиненным в заговоре, не рассуждай в присутствии важного лица, молчи, пока не спрашивают, не порицай поступков начальников, не то тотчас скажут, что ты «возмутитель народа» (Кек., I, § 3, с. 123—125).

Доносы и клевета стали обычным явлением в обществе ¹⁵³. В этой атмосфере эгоизм как прямое выражение

чувства самосохранения стал нормой, крайняя осторожность — естественной нормой самозащиты, порождая неискренность, лживость, сервилизм, готовность к компромиссу. Наиболее ярким примером этого являлся талантливый и образованный Михаил Пселл, так презиравший монархов, которым служил, и так пресмыкавшийся перед ними.

Извращенный характер приобрело и отношение к дружбе. «В малом горе еще отыщется друг, а если угрожает большое несчастье, да не введет тебя никто в заблуждение — не окажется друга», — так утверждает Кекавмен (Кек., III, § 65, с. 243). В другом месте он еще более откровенен: «Если у тебя есть друг, живущий в другом месте, и если он проезжает через город, в котором ты живешь, не помещай его в своем доме. Пусть он разместится в другом месте, а ты пошли ему все необходимое, и он будет относиться к тебе лучше». В противном случае «...он опорочит твою прислугу, стол, порядки, будет расспрашивать о твоём имуществе, имеешь ли ты то или это. Да что много говорить? Если найдет возможность, то будет подавать любовные знаки твоей жене, посмотрит на нее распутными глазами, а если сможет, то и соблазнит ее. А если и нет, то, удалясь, будет хвастать, чем не должно» (Там же, § 39, с. 203).

Более того, само слово «φιλία» приобрело в Византии этого периода совершенно иной смысл, нежели в давно ушедшие времена. Теперь дружба для византийцев — это в первую очередь система личных связей, которые играли немалую роль в общественной и даже государственной жизни империи¹⁵⁴. «Дружба» объединяла людей в своего рода кланы, принадлежность к которым облегчала им продвижение по службе и помогала в достижении различных целей. Вполне понятно, что подобная дружба не была бескорыстна и нуждалась в постоянном поддержании и стимулировании, лучшим средством для чего служил обмен письмами и дарами. Но прежде всего эта дружба предполагала взаимное исполнение услуг разного рода. Такого рода дружба всемогуща — так определил ее Михаил Пселл, добавив при этом: «если она связывает людей разумных и деятельных» (Мих. Пс. Эп., 75)¹⁵⁵.

Ходатайство за друга, исполнение его просьб — основное кредо «дружбы». Друг любит друзей своего дру-

га: другу достаточно сказать о третьем лице «это мой друг», чтобы он сделал для того все возможное¹⁵⁶.

Дружба и справедливость рассматривались византийцами как равноценные мотивы для поведения в том или ином случае. «Велика и могущественна сила дружбы, она придает большой вес чаше правосудия. Сама по себе она не может склонить весы в свою сторону, но в соединении со справедливостью сразу же перетянет и во сто крат больший вес», — так писал Михаил Пселл (Эп., 166). На практике же он вообще был склонен решать все в пользу дружбы: «Ты не допускай злоупотреблений, глядя на них, а просто не замечай их, ты должен смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать» (Эп., 252)¹⁵⁷.

Личные связи и обусловленные ими услуги значили для византийцев, чьи воззрения так прекрасно выразил Михаил Пселл, больше, нежели строгое исполнение долга¹⁵⁸.

Существовала и иного рода дружба, но и ее нельзя определить формулой «друзья познаются в несчастье». Это утонченная интеллектуальная дружба, которая связывала людей с общими литературными и научными интересами. Именно такая дружба связывала Михаила Пселла с Иоанном Мавроподом, Иоанном Ксифилином, Константином Лихудом¹⁵⁹.

Правда, нельзя сказать, что в Византии вообще не встречалось искренней дружбы. Ее существования не отрицает тот же Кекавмен¹⁶⁰. Но, по всей видимости, она была распространена в большей степени у людей более скромного достатка и положения. В житии Филарета Милостивого один бедняк говорит другому: «Ведь так уж заведено — людям в несчастье плакаться своим друзьям и от этого получать некоторое утешение, а в счастье радоваться с ними, ликовать и от всего сердца выказывать свою любовь...» (Виз. лег., с. 101).

Неустойчивость сословных связей и отношений дружбы обусловили весьма значительную роль родственных отношений, в первую очередь семейных. Нередко семья для византийца оказывалась единственной опорой в жизни. Семейные связи крепили. Со страниц «Советов и рассказов» Кекавмена семья предстает как подлинная крепость, замкнутый мир сугубо интимных и частных отношений; семья здесь — отгороженный от посторонних

мирок, в недоверии и подозрительности ошестинившийся перед всем светом¹⁶¹.

И в высшей, и в низшей социальной среде семья представляла собой в большинстве случаев не индивидуальную малую, а большую семью, включавшую в себя несколько индивидуальных семей. Поскольку браки заключались рано, нередко случалось так, что в одном доме вместе с родителями и дедами жили женатые внуки¹⁶².

Семья направлялась твердой рукой главы семьи. Послушание отцу, по Кекавмену, первая заповедь, почтение к матери — первейший долг¹⁶³. И это были не просто слова. Известно, с каким почтением и любовью относились к своим матерям Феодор Студит и Михаил Пселл. Герой поэмы «Дигенис Акрит» никогда не садился за стол прежде своей матери.

Взаимно, теплое отношение было и к детям. Они малы и глупы, пишет Кекавмен, но их нельзя оскорблять, а нужно уважать их, чтобы и они научились чтить отца (Кек., III, § 45, с. 213)¹⁶⁴. «Своих сыновей и дочерей бей не палкой, а словом», — продолжает он (Там же, § 56, с. 227)¹⁶⁵.

Не всегда, однако, семейные отношения были столь идиллически прекрасны. В семье василевса родственные отношения нередко приобретали уродливый облик. Императрица Ирина в борьбе за престол в 797 году ослепила родного сына (Константина VI). Вдова Константина X Дуки Евдокия втайне от своих детей обвенчалась с Романом Диогеном, который в конце концов стал обращаться с ней как с пленницей и, по словам Михаила Пселла, «его хватило бы даже на то, чтобы выгнать ее из дворца» (Мих. Пс. Хр., гл. 18, с. 181). Роман II по настоянию своей жены Феофано отправил в монастырь пятерых сестер, несмотря на их слезы и мольбы матери Елены, которая через несколько месяцев в тоске умерла. Та же самая Феофано оказалась в центре заговора против второго ее мужа — императора-полководца Никифора II Фоки, зверски убитого людьми его родного племянника Иоанна Цимисхия, являвшегося любовником жены своего дяди. Судьба отплатила Феофано: взойдя на престол, Цимисхий тут же отправил свою бывшую возлюбленную в отдаленный монастырь (Лев Диак., VI, 4).

Всю жизнь не доверял своей жене Ирине Алексей I Комнин. Боязнь заговоров с ее стороны побуждала его брать жену с собой в военные походы. И даже в предсмертный час Алексея супруги не могли прийти к согласию: Ирина, вместо того чтобы облегчить мужу страдания, осыпает его резкими упреками.

«О муж,— говорила она с глубоким вздохом,— и живой ты отличался коварством, речь твоя была двусмысленной и исполненной хитрости, и вот теперь, прощаясь с жизнью, ты держишься своих старых привычек» (Ник. Хон., с. 8).

Разлады, конечно же, случались и в семьях других слоев населения. Колоритную сцену супружеской ссоры нарисовал подражатель Феодора Продрома. Жена Продрома упрекает его за то, что он за двенадцать лет супружеской жизни не подарил ей ни кольца, ни браслета, ни какого-либо другого украшения, что вынуждена она ходить в обносках, даже хитон ей приходится шить самой, не в чем выйти на улицу, стыдно сходить в бани — столь бедны ее одежды; и у мужа она как прислуга на побегушках, а он — нищий побродяжка, одетый в старье; спал он некогда на соломе, а она — на перине; он и ныне живет на ее подачки, кормит его она — благо есть приданое, а он сидит, как курица, и ждет обеда. «Не можешь содержать семью,— заключает потерявшая терпение женщина,— не надо было жениться, а женился, так помалкивай и слушайся» (Пам., с. 217—219).

При всей банальности этой ссоры, она интересна тем, что показывает, что тяготы семейной жизни (особенно при не очень удачливом муже) лежали исключительно на женщине. Она является материальной опорой семьи. Именно на ее приданое живут и муж, и четверо родившихся у них детей. Жена и обслуживает семью: она и сукновальщица, и портниха, и пряха, и ткачиха, кроит и шьет плащи и штаны, и никогда не ест досыта (Там же).

Возможно, случай Феодора Продрома и исключение, однако характерно, что среди простых людей брак обычно заключался с твердым расчетом на дополнительные рабочие руки, а не на лишний рот¹⁶⁶, а в богатых семьях он служил средством экономического укрепления семьи. Более того, в поместьях знатных вельмож, особенно полководцев и сановников, служивших в отдаленных

провинциях, роль жены-хозяйки даже при наличии управляющих была весьма велика¹⁶⁷.

В этом обществе, где положение женщины в немалой степени было отмечено восточными чертами (она всегда получала домашнее воспитание, в высших и средних слоях населения женщины обыкновенно бывали затворницами в гинекеях, а в редких случаях, когда они выходили на улицу, надевали на голову и лицо покрывало), во многих семьях женщины фактически являлись главой семьи, ядром, вокруг которого спланивались остальные ее члены. Такой была мать Феодора Студита Феоктиста. При всей своей набожности она была прекрасной хозяйкой дома, находила время заниматься всеми хозяйственными делами, обо всем заботилась, за всем наблюдала, ко всему прикладывала руку и, несомненно, играла в доме гораздо большую роль, чем ее муж (Патр. гр., т. 99, колон. 884—891). Такой была и мать Михаила Пселла Феодота, и мать Алексея I Комнина Анна Далассина, имевшая огромное влияние на своих детей, которые, в свою очередь, испытывали к ней глубокую благодарность и уважение. Когда в августе 1081 года Алексею I пришлось покинуть Константинополь, чтобы отправиться в Иллирию сражаться с норманнами Робера Гвискара, он торжественным хрисовулом предоставил матери абсолютную власть на время своего отсутствия, полагаясь на ее природный ум, преданность сыну-императору и «многоопытность в житейских делах» (Анна Комн., кн. III, 6, с. 127). И надо отдать должное Анне Далассине: правила она умело, вникая во все и вся и следя за подробностями мельчайших дел. Анна Комнина оставила подробное описание того, как проходил день ее бабушки. Утро было посвящено приему государственных чиновников и разбору всякого рода просьб, далее она присутствовала на богослужении, а затем до вечера вновь занималась государственными делами. Ею руководила лишь одна забота — как бы упорочить славу правления своего сына (Там же, кн. III, 7, с. 128—129).

По воле Алексея Анна Далассина 20 лет была его соправительницей. Когда же она поняла, что ее чрезмерная опека раздражает сына, ушла в монастырь, где тихо скончалась, оставшись в памяти людей женщиной выдающейся, а в памяти сыновей — прекрасной матерью.

Именно в семье, в упрочении ее положения видела свою цель эта незаурядная, сильная и умная женщина. Прежде всего эти качества — преданность семье, заботливость, всепоглощающая любовь к детям ценились в женщине. «Никто не может сравниться с добросердечной и чадолубивой матерью, и нет защиты надежней ее, когда предвидится опасность или грозят какие-либо иные бедствия. Если она советует, совет ее надежен, если она молится, ее молитвы становятся для детей опорой и неодолимыми стражами», — так писал в упомянутом хрисовуле Алексей I Комнин (Анна Комн., кн. III, 6, с. 127).

Но при выборе невесты заботились не только о том, чтобы она была благонравна и богата, а еще и красива. Женскую красоту ставили очень высоко, о ней никогда не забывали упомянуть, более того, в этом уже глубоко христианизированном обществе ее воспевали. Описывая свою мать в то время, когда она была еще совсем юной, Михаил Пселл подчеркивает, что она являлась прелестной девушкой, и, хотя средства не позволяли ей носить великолепные туалеты, грацией своей фигуры, красотой волос, прекрасным цветом лица, ясным взором прелестных глаз она восхищала всех, видевших ее. Она, заключает Пселл, была подобна розе, не нуждающейся ни в каких прикрасах (Библ.гр., т. V, с. 234).

Красоту как величайшее достоинство Марии Аланской прославляет Анна Комнина: «Была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее бела, как снег, а лицо... имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Рука художника нередко воспроизводила краски цветов, которые несут с собой времена года, но чары императрицы, сияние ее красоты, обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению... Всякий, кто случайно видел или неожиданно встречал императрицу, открывал от изумления рот, в безмолвии оставался стоять на месте, терял способность мыслить и чувствовать. Такой соразмерности членов и частей тела, такого соответствия целого частям, а частей целому никто никогда не видел в человеке. Это была одухотворенная статуя, милая взору людей, любящих прекрасное, или же сама Любовь, облеченная плотью и сошедшая в этот земной мир» (Анна Комн., кн. III, 2, с. 119).

Некрасивость воспринималась византийцами как трагедия. Племянница Василия II Болгаробойцы Евдокия, переболев оспой, еще подростком ушла в монастырь. Полумонашескую жизнь вела и ее некрасивая сестра Феодора, так и не вышедшая замуж. Зато красавица Зоя, средняя из сестер, сделала из своей красоты подобие культа и до глубокой старости заботилась о своей внешности.

Красота играла решающую роль при выборе невесты василевса. В VIII—IX веках устраивали специальные смотрины невест, на которые отбирали самых красивых девушек империи. С этим обычаем весьма подробно нас знакомит житие Филарета Милостивого. Когда императрица Ирина захотела женить своего сына Константина VI, она разослала по всей империи гонцов с тем, чтобы они разыскали и привезли в Константинополь самых красивых девушек в государстве. Ирина определила возраст и рост будущей снохи, а также размер ее головы и длину стопы. Посланцы отправились в путь, и через некоторое время в столицу были доставлены первые красавицы Византии. Затем состоялись смотрины, на которых была названа будущая жена Константина. Ею оказалась девушка из Пафлагонии, дочка обедневшего землевладельца Филарета (Виз. лег., с. 105—108).

В результате смотрин была выбрана и жена для сына Василия I Льва. Житие Феофано, оказавшейся победительницей, рисует красочную бытовую сценку: 12 девушек, участвующих в смотрах, сидят босыми и ждут прихода жениха: та, которая обуется первой, и будет победительницей. Затем мать Льва уводит троих больше всего понравившихся девушек в свои покои, и там они принимают ванну — тогда и совершается окончательный выбор ¹⁶⁸.

В «конкурсе красоты» принимала участие и поэтесса Кассия, которую прочили в невесты императору Феофилу. В результате смотрин, на которых также было представлено 12 девушек, 10 кандидаток в императрицы были забракованы, остались две — Феодора и Кассия. Обе были в одинаковой мере прекрасны, и император колебался, какую же из них предпочесть. И тогда он сказал: «Хорошо говорят учителя, что через женщину родилось зло», на что Кассия возразила ему, что от женщины

произошло и добро. «Увидев ее резкость, василевс со-
скупился» и взял себе в жены Феодору¹⁶⁹.

Постепенно обычай отбирать невесту для императора с помощью смотрин ушел в прошлое, но и впоследствии василевсы нередко женились по любви к красивой женщине. Именно красота возвела на трон дочь трактирщика Феофано, в которую безумно влюбился сын Константина VII Багрянородного Роман.

С приходом к власти Комнинов к заключению брака в знатной семье начинают относиться как к важной политической акции, укреплявшей положение всего родственного клана. Начинает утверждаться западный обычай: у василевса испрашивают разрешение на брак¹⁷⁰.

Но о женской красоте не забывали. Сам Алексей I Комнин, женившийся на Ирине по политическому расчету, настолько увлекся Марией Аланской, что был период, когда он серьезно подумывал о разводе с Ириной, и лишь боязнь, что это повлечет за собой враждебные действия со стороны могущественных Дук, из рода которых была его жена, заставила его отказаться от своего намерения (Анна Комн., кн. III, 1—3, с. 116—120).

Браки заключались рано. Брачный возраст для юноши был 14—15 лет, для девушки — 13—14.

Браку предшествовала помолвка, которой придавали большое, почти религиозное значение. Разрыв помолвки осуждался и обществом, и церковью; виновная сторона наказывалась штрафом. Помолвки заключались между маленькими детьми. Родители решали вопрос о браке и заключали письменный контракт¹⁷¹.

В семьях бедняков для заключения брака обычно требовалось лишь благословение священника либо устно высказанное в присутствии нескольких свидетелей взаимное согласие вступить в брак. Но к началу X века подобную практику заключения брака без формальностей стали рассматривать как юридически несостоятельную. Отныне оформление брака через официальный публичный обряд венчания в церкви считалось обязательным¹⁷².

В состоятельных семьях, когда был назначен день свадьбы, рассылались приглашения родственникам и друзьям. Накануне свадьбы брачные покои украшались дорогими тканями, ценной мебелью, а также другими предметами роскоши. Все это сопровождалось мелодичным пением. В день свадьбы собирались гости, одетые

в белое. В сопровождении музыкантов являлся жених. Невеста ждала его, тщательно одетая в платье из парчи и в расшитом плаще. Голова и лицо были закрыты вуалью. Когда жених приближался к ней, она открывала свое лицо. Случалось и так, что жених видел лицо невесты в первый раз, хотя нередко помолвленные дети росли и воспитывались в одном доме. Затем в окружении родителей, друзей, гостей, факельщиков, певцов, музыкантов жених и невеста отправлялись в церковь. Они шли по улицам, где люди, стоя на балконах, осыпали их фиалками и розами. В церкви их крестные родители стояли позади них, держа над их головами свадебные венцы. Жених и невеста обменивались кольцами, а с XI века договор, составлявшийся до свадьбы, подписывался здесь же в присутствии свидетелей¹⁷³.

После церемонии в церкви устраивали свадебное пиршество. Выставлялась лучшая посуда, разнообразные кушанья. Мужчины и женщины сидели за разными столами. С наступлением ночи гости провожали новобрачных до их спальни, а утром будили их песнями¹⁷⁴.

С VII века вошло в обычай, чтобы новобрачный дарил своей жене кольцо и пояс. Впрочем, пояс преподносили в дар лишь богатые мужчины. Что касается кольца, то это было не то кольцо, которое жених вручал невесте во время церемонии бракосочетания, а новое — то, которое дарилось в тот момент, когда новобрачные впервые вместе входили в свои покои. Кольца изготавливались из золота, серебра и бронзы. Обычно они были плоскими или восьмигранной формы. В последнем случае на семи лицевых частях кольца изображались библейские сцены, в то время как центральная часть украшалась изображением сцены бракосочетания: чаще всего это Христос, находящийся между женихом и невестой и соединяющий их руки. Распространенной была и более символическая сцена: крест, а по обе стороны молодожены. Иногда наверху делали надпись: «Ὁμόνοια» — согласие¹⁷⁵.

Исследователи предполагают, что появление этого кольца восходит к обычаю, существовавшему в эпоху ранней Византии, когда императоры выпускали специальные монеты по случаю своего бракосочетания. Сохранилась, в частности, монета, изображающая Феодосия II, стоящего между Евдоксией и Валентинианом III,

которые сочетались браком в Константинополе в 437 году, а также монеты с изображением Христа между Маркианом и Пульхерией, Анастасием и Ариадной¹⁷⁶.

Повторные браки не одобрялись, но они не были запрещены. Третий брак осуждался церковью, а брак в четвертый раз мог повлечь за собой разлучение супругов. Известно, какой скандал вызвал четвертый брак Льва VI Мудрого с Зоей Карвонисиной, хотя целью василевса было обзавестись наследником. И, видимо, не случайно то, что, хотя всякий ребенок, родившийся в момент, когда его отец занимал престол, считался порфирородным (родившимся в порфире; багрянородным), только Константин VII, родившийся от четвертого брака Льва VI, носил это прозвание официально. По всей вероятности, этим лишний раз хотели подчеркнуть легитимность рождения и ребенка, и самого брака.

Отношения стремились поддерживать и с родственниками самых разных степеней. «Помни о родственниках,— завещает своему сыну Кекавмен,— не исключено, что именно для этого господь даровал тебе успех» (Кек., § 42, с. 209; § 54, с. 225).

Поддерживали отношения с родственниками и друзьями чаще всего с помощью переписки, которая, начиная с X века, становится самым обычным, заурядным явлением. Более двух тысяч писем дошло до нас от той эпохи¹⁷⁷. И хотя многие из них еще посвящены абстрактным сюжетам и написаны высоким риторическим стилем, напоминая собой небольшие трактаты на ту или иную тему, немало сохранилось и вполне будничных писем, свидетельствующих о бессознательном стремлении порвать со сложившейся традицией¹⁷⁸. Сюжеты подобных писем самые прозаические. Иоанн Цец, например, в одном из писем просит прислать ему лошадь, поскольку ливень затопил улицы Константинополя (Цец, эп. 101).

В письмах нередко содержалась просьба прислать в лечебных целях ту или иную траву, каперсовый куст или желуди. Последние считались хорошим средством против тошноты¹⁷⁹.

Обычно же письма просто сопровождали подарки. Дарили самые разнообразные вещи — благовония, предметы прикладного искусства, одежду, кухонную утварь, гребни, матрасы из шерсти, покрывала, продукты питания, вино¹⁸⁰. Такие подарки часто бывали недорогими¹⁸¹,

что, по всей видимости, свидетельствует о весьма скромном достатке большинства византийцев.

Книги дарились чрезвычайно редко, видимо, потому, что были дороги. Обычно их одалживали друг другу на время. Немало сохранилось писем, в которых автор просит адресата вернуть одолженную книгу¹⁸².

Но, вне всякого сомнения, самое главное, что отличает быт и нравы византийцев той эпохи,— это повышенная религиозность и глубокое проникновение христианства во все сферы быта. «Поклоняться богу, любить исключительно его» считалось главной добродетелью человека. «Пренебрегай оскорблениями, касающимися тебя, но не пренебрегай ими, если они касаются святых икон и христианских святынь. Насмерть борись за благочестие»,— требует от сына Кекавмен (Кек., III, § 42, с. 209).

При всех радостных и печальных событиях жизни византийцы привычно обращались к богу. В трудные для империи времена (будь то землетрясение, засуха или нападение врага) в городах и селах совершались крестные ходы. В столице их возглавляли сам василевс и патриарх. Все важные политические акты и предприятия отмечались торжественными богослужениями. Отправлялся ли император в поход или возвращался с триумфом из похода, всякий раз совершались молебствия. «Благодарственным богу молебствием» отметил император Никифор II Фока взятие Антиохии (Лев Диак., V, 5). Иоанн Цимисхий после завершения успешного похода в Болгарию, когда ему был устроен великолепный триумф, отказался взойти на специально приготовленную для него колесницу, пышно украшенную золотом, пурпуровыми одеждами и коронами болгарских царей, но поставил на нее икону богоматери, а сам последовал сзади (Там же, IX, 12), тем самым стремясь подчеркнуть, что победой византийцы обязаны не военному искусству, а исключительно божьей милости.

Сама коронация василевсов, которая в ранневизантийский период имела исключительно светский, военный характер, приобрела ярко выраженную религиозную окраску. Церковное венчание на царство, первоначально служившее лишь дополнением к светской коронации, стало теперь не только важнейшим, но и единственным коронационным актом¹⁸³.

Главным символом эпохи стал крест, с которым связано представление об искупительной жертве Христа. Он входил в императорские инспекции, его чеканили на монетах, изображали на самых различных предметах быта (блюдах, сосудах, ларцах, дверях, украшениях и т. д.)¹⁸⁴, ставили на деловых контрактах и частных письмах.

В каждом византийском доме были иконы либо распятие. В храмах и монастырях поклонялись не только им, но и различного рода «священным реликвиям»: мощам и предметам, якобы принадлежавшим Христу, деве Марии, апостолам или мученикам. Искренне верили, что иконы и мощи обладают чудодейственной силой, способной защитить несчастного, излечить больного и даже воскресить убитого (Виз. лег., с. 204—205).

Особенно чтили Богородицу, культ которой был чрезвычайно развит в Византии. Богородица византийцам (в отличие от жителей Запада) представлялась более зрелой, более отмеченной печатью материнства и вместе с тем более человечной, более близкой простым смертным, нежели ее грозный сын — Пантократор¹⁸⁵. Именно Богородицу византийцы считали своей защитницей, призванной управлять их судьбами. Не только скромные обыватели, но и императоры относились к ней с особым почтением. К Богородице взывал лишенный всякой помощи Никифор II Фока, когда заговорщики со свирепой жестокостью умерщвляли его (Лев. Диак., V, 8).

Согласно Михаилу Пселлу, ромейские цари обычно брали с собой в походы икону божьей матери как «предводительницу и хранительницу всего войска» (Мих. Пс. Хр., гл. 10, с. 26). В другой раз тот же Пселл рассказывал, как Василий II устремился на мятежника Фоку, «держа в одной руке меч, а в другой образ богоматери, в которой видел оплот против неудержимого натиска врага» (Там же, гл. 16, с. 10). И Робер де Клари свидетельствует о том, что византийские императоры «питали такую великую веру в эту икону, что были уверены, будто ни один человек, который берет ее с собой в бой, не может потерпеть поражение» (Роб. де Кл., гл. 66, с. 48). Брать икону богоматери в походы настолько вошло в обычай, что вместо того, чтобы сказать «икона божьей матери», говорили просто «икона», и всем было ясно, о чем идет речь (Там же).

Хотя в этот период немало сохранилось чисто светских и языческих праздников (см. ниже), главными стали праздники религиозные — рождество, крещение, пасха, троица и т. д. Великим событием считалась пасха, во время которой надевались блестящие одежды, совершались торжественные шествия, пиршества, зрелища. Особое отношение византийцев к празднованию пасхи и ко всему, связанному с ним, было настолько хорошо известно и врагам, и друзьям Византии, что своей победой над Свято-славом Иоанн Цимисхий был во многом обязан тому, что совершенно неожиданно выступил в поход именно во время приготовлений к этим празднествам (Лев Диак., VIII, 2).

Молитва стала постоянным спутником византийцев. Молились по нескольку раз в день и обязательно утром и вечером. Цикл молитв для разного времени дня и по разному поводу был тщательно разработан. По вечерам молились до поздней ночи, читали священное писание, пели псалмы. Человек, который подобно Никифору Фоке «целую смену ночной стражи воссылал к богу моления и размышлял о священном писании» (Там же, V, 6), при всех прочих его личных качествах считался добродетельным. Характеризуя того же Никифора II Фоку, Лев Диакон как положительное качество отмечает, что этот василевс был «неутомимым в молитвах и всенощных бдениях, сохранял твердость духа в священных песнопениях и к суетности совершенно не способен» (Там же, V, 8).

Строго соблюдались посты. В своем завещании Евстафий Воила наставляет своих дочерей соблюдать три поста (великий, петровский и рождественский) и, кроме того, поститься по средам и пятницам (Зав., с. 233). Нельзя не отметить, однако, что в глазах византийцев пост был не только проявлением благочестия, но и средством борьбы с болезнью. «Если постигнет тебя болезнь, постись и лечись без лекаря», — пишет Кекавмен (Кек., § 55, с. 225).

Добродетелью считалось у византийцев милосердие, понимаемое прежде всего как готовность подать милостыню убогому, впадшему в несчастье, и как сострадание к увечному. «Если кто попросит тебя дать ему милостыню, подай ее с готовностью и не медля, ... если это был незнакомец, считай, что это был Христос, и благо-

дари», — наставляет сына Кекавмен (Кек., § 47, с. 213).

Особой добродетелью считалось ухаживать за престарелыми и больными, в том числе страдавшими проказой и эпилепсией. Лев Диакон ставит в заслугу Иоанну Цимисхию то, что он, человек «нежный и разборчивый», не гнушался «врачевать изнуренные и покрытые язвами» тела больных (Лев Диак., VI, 5). По всей видимости, таким образом Иоанн Цимисхий, получивший трон посредством убийства своего дяди, стремился приобрести популярность у населения, идеалом которого в те времена был аскет, «святой», мученик, юродивый. Необычайная распространенность житийной литературы, живописующей аскетические «подвиги» своих героев, проходивших через целый сонм мучений, страданий и лишений, скорее всего объясняется тем, что она отвечала вкусам большей части византийцев.

Правда, надо отметить, что с течением времени идеалы византийцев несколько меняются: на смену мученику, чье тело изувчено веригами, приходит «святой», одетый в воинские доспехи. Аскет уступает место воину. На предметах быта эта эволюция прослеживается с середины XI века¹⁸⁶, но еще в X веке Лев Диакон рассказывал о «чуде», когда некий «мученик» Феодот, отважный воин, помогал ромеям во время битвы с россами (Лев Диак., IX, 9).

А в чудеса византийцы верили с почти детской наивностью. Именно поэтому церкви было так легко убедить свою паству в том или ином чуде.

Верили, что засов, на который запирали храм св. Софии, если зажать его в зубах, способен избавить человека от яда¹⁸⁷. Верили, что «чудо» поможет обнаружить преступника. Так, чтобы выявить вора, священник клал в рот подозреваемым лицам кусок «освященного» хлеба. Тот, кому не удавалось проглотить хлеб, считался полностью изобличенным в содеянном. Этот типично средневековый способ установления виновности имел почти такую же силу, что и процедура расследования, разработанная римским правом¹⁸⁸.

Особенно много чудес связывали с иконами богоматери. Анна Комнина без какой бы то ни было тени сомнения рассказывает, как Алексей I Комнин перед своим вторым походом против норманнов опасался, что богоматерь во Влахернах не явит своего «обычного чуда».

Поэтому он задержался с выступлением в поход на четыре дня и отправился на запад против врагов не ранее того, как «обычное чудо» во Влахернах совершилось, когда император «после захода солнца... скрытно войдя вместе с немногими спутниками в святой храм Богоматери, исполнил там обычные песнопения и усердно сотворил молитву» (Анна Комн., кн. XIII, 1—2, с. 340). «Чудо» же заключалось в том, что каждую пятницу после захода солнца «само собой» поднималось покрывало иконы Богоматери¹⁸⁹.

Способность творить чудеса приписывали не только предметам культа. Немало было и так называемых «светских чудес». Говорили, например, что статуи шестнадцати метельщиков, водруженные на форуме Константина при Льве Мудром, по ночам покидают свои постаменты и метут улицы Константинополя, а к утру вновь возвращаются на прежние места¹⁹⁰.

Другой характерной чертой византийцев было неодолимое стремление узнать будущее — не то далекое будущее, которое ожидало их после смерти, а то, которое уготовано им здесь, на земле. Примитивная схема, которую предлагало христианство и которая рисовала лишь будущее в загробной жизни, оказывалась для них недостаточной. Они желали узнать близкое будущее, ожидавшее их в реальной земной жизни. И это будущее, по их разумению, могли открыть им всякого рода предзнаменования и видения — надо лишь только обладать умением увидеть ту сверхъестественную сущность явления, которая скрыта под маской обычного. В это верили не только скромные обыватели, но и такие образованные люди, как Анна Комнина. По одному ее сообщению, например, нападению кельтов (латинян) предшествовало появление саранчи, которая не тронула пшеницу, но страшно опустошила виноградники. «Как объясняли тогда толкователи знамений,— пишет Анна,— это означало, что кельтское войско, вторгшись к нам, воздержится от вмешательства в дела христиан, но грозно обрушится на варваров-исмаилитов, рабов пьянства, вина и Диониса» (Анна Комн., кн. X, 5, с. 276). И продолжая свой рассказ, Анна Комнина еще раз упоминает об умных людях, способных по знаменаниям предвидеть будущее (Там же).

Предсказателей было множество, начиная от скром-

ного торговца амулетами на рынке и кончая ученым-астрологом, к которому в интимной обстановке внутренних покоев великолепных дворцов обращались за советом царственные особы. К помощи астрологов не раз прибегал Алексей I Комнин (Там же, кн. VI, 7, с. 186—187), хотя внешне он объявил «войну астрологическому учению» (Там же). Проявляла интерес к астрологии и его дочь Анна (Там же, с. 186). А император Мануил Комнин настолько увлекался ею, что приказал ослепить Михаила Глику за то, что тот осуждал увлечение василевса астрологией¹⁹¹.

Вопросы, с которыми обращались к астрологам, дают некоторое представление о том, какие проблемы волновали византийцев, и несколько приоткрывают завесу над тем духовным миром, в котором они жили. Вот эти вопросы: длительность жизни, богатство и наследство, отношения между членами одной и той же семьи, смерть, поиски спрятанных сокровищ, счастье, успех, дети, болезни, потеря денег, преследования со стороны властей, брак, старость, позорная смерть, отношения с друзьями, слава, отличия, благие надежды, страдания, опасности, различного рода беды¹⁹².

Но главным вопросом, с которым обращались к астрологам, был вопрос о длительности жизни. Рассказывали, что император Мануил Комнин, находясь на смертном одре, призвал к себе астролога и спросил, сколько ему осталось жить. «Четырнадцать лет», — ответил тот. Император умер через несколько дней (Ник.Хон., с. 220)¹⁹³.

Для того чтобы ответить на все эти вопросы, астрологи составляли гороскопы (Анна Комн., кн. VI, 7, с. 186), некоторые из них дошли до наших дней. Сохранился, в частности, уникальный гороскоп, составленный по случаю рождения Константина VII Багрянородного 3 сентября 905 года¹⁹⁴. Гороскоп определял срок жизни будущего василевса, его внешность, характер, склонности, количество жен и детей, говорил о его путешествиях, военной деятельности и т. д. Астролог предсказывал Константину богатство, царскую власть, два удачных брака, троих детей и утверждал, что он будет высокообразован и счастлив в друзьях. В гороскопе сказалось стремление его составителя польстить родителям Константина VII — Льву VI Мудрому и Зое Карвонносине:

астролог, в частности, утверждал, что Константин будет иметь брата и двух сестер; между тем, обвенчавшись после рождения сына 6 сентября 905 года, Лев и Зоя не имели больше детей.

Немало оказалось в этом гороскопе и других ошибок. Так, смерть Константина Багрянородного, исходя из данных астрологии, предсказана на 8 ноября 964 года (гл. IV), в действительности же он умер 15 ноября 959 года. Астролог предсказал Константину первую женитьбу в возрасте 17 лет (гл. XIII, 3) и утверждал, что его жена умрет раньше его (гл. XIII, 4). Между тем он женился на Елене 4 мая 919 года в возрасте 13 лет, и эта его единственная жена пережила и его, и их сына, Романа. Не смог угадать астролог и количество детей Константина: он предсказал ему троих детей, в действительности их оказалось пятеро — упомянутый выше Роман II, первый муж Феофано, Феодора, вышедшая впоследствии замуж за Иоанна Цимисхия, и еще трое.

Впрочем, гороскоп, возможно, сыграл положительную роль в жизни Константина VII, поскольку можно предположить, что именно он внушил ему мысль о научных занятиях¹⁹⁵.

Сохранились гороскопы, составленные по случаю коронации императора Алексея I Комнина, состоявшейся 1 апреля 1081 года, и Мануила I Комнина, имевшей место 31 марта 1143 года¹⁹⁶.

По всей видимости, именно невозможность получить ответ от христианской религии в том, что касается близкого будущего, которое так заботило византийцев, обусловила необычайный успех астрологии в Византии во времена Македонской династии и Комнинов.

Процветала и магия, то есть вера в то, что различные предметы, а также животные и птицы обладают скрытыми силами, которые могут влиять на судьбу человека. Полагали, что можно убить врага, проткнув изображавшую его восковую фигуру, изготовленную магом. Именно такую фигуру, пронзенную гвоздем и с кандалами на ногах, нашли спрятанной в изображении черепахи у некоего Аарона Исаака, обвиненного в «колдовстве» (Ник. Хон., с. 146).

Гадали на лопатке ягненка, считая, что по тому, как она зажарилась, можно судить о жизни и смерти, о войне и мире¹⁹⁷. Тайну будущего пытались раскрыть и по

птицам: по направлению их полета, по числу издаваемых ими криков (четное число криков считалось счастливым, нечетное — несущим неудачу), по месту, откуда слышались крики (крик спереди предвещал несчастье, крик сбоку, напротив, считался добрым предзнаменованием) или по тому, как упала жертвенная птица (если слева, то ждали беды) ¹⁹⁸.

Верили также в демонов, которых дух зла якобы предоставлял в помощь магам. Никита Хониат рассказывает, как обруганный в банях маг Сикидик, оказавшись в предбаннике, призвал на помощь демонов, которые, явившись через кран с горячей водой, пинками вытолкали из помещения всех, кто там находился, не дав им даже времени одеться. Об этой истории ходило много разговоров, и ни у кого не возникло сомнения в существовании вызванного магом «легиона» демонов. Сикидик был признан виновным и лишен зрения (Там же, с. 149).

Боялись и верили византийцы в порчу, чары, колдовство. Философ Сиф Склир, влюбившись в девушку, стал добиваться ее благосклонности. Когда же ему это удалось, родственники девушки заявили, что он опутал ее чарами, послав персик, из-за которого она воспылала любовной страстью. Сиф Склир был признан виновным и ослеплен раскаленным железом (Там же, с. 148).

Немало существовало у византийцев и других суеверий. Бытовал, например, обычай, который требовал вешать амулеты в спальнях и под колыбелями новорожденных, произносить над ними магические заклинания, надевать им на шею амулеты и талисманы. Это должно было уберечь детей от зла. Амулеты носили и взрослые, причем вполне образованные люди. Так, Михаил Италик послал одному из своих адресатов, врачу, номисму с избращением Константина Великого и его матери Елены, как якобы предохраняющую от чумы ¹⁹⁹.

Верили в сны и прибегали к ним в качестве доказательства. Когда в семье, где рос Михаил Пселл, стал решаться вопрос, куда определить мальчика, и когда родные и друзья стали говорить, что лучше обучить его какому-нибудь ремеслу, ибо наукой не прокормишься, мать Михаила, Феодота, страстно желавшая дать сыну образование, рассказала на семейном совете свои сновидения. В первом явился ей муж, похожий на Иоанна Златоуста, и сказал: «Женщина, не смущайся, смело

посвяти своего сына науке. Я буду его наставником и учителем» (Библ. гр., т. V, с. 12). В другой раз явилась ей во сне богородица и также советовала обучать сына наукам. Эти сны и решили участь мальчика (Там же).

Надо сказать, что и сам Миханл Пселл, при всей широте своего интеллекта, не веривший в астрологию с ее тезисом о зависимости человеческой судьбы от «движения светил», беспощадно издевавшийся над людьми, которые воображали, что они могут предсказывать будущее, и считавший пустым вздором все формулы и приемы магии, верил снам и силе их откровения²⁰⁰.

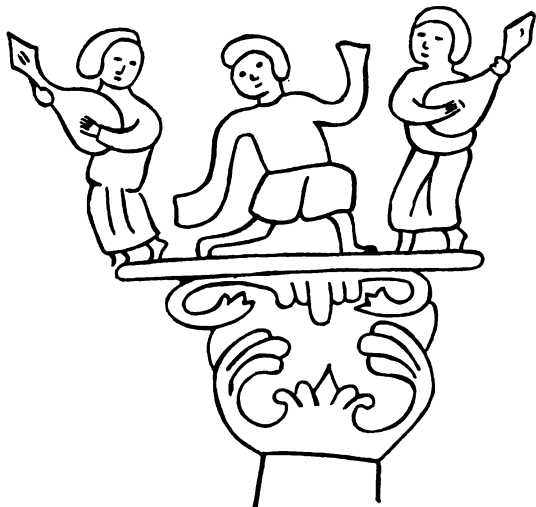
Его современники тем более не сомневались в пророческом значении снов. Вероятно, именно поэтому в византийской литературе так много говорится о снах, так часто повторяется, что они сбываются. Когда Василий I стал василевсом, тотчас вспомнили, что его матери когда-то приснилось, что из груди ее выросло золотое дерево, осенившее своей листвой целый мир, и что настоятель монастыря св. Диомида видел во сне, будто человек, спавший у дверей его церкви, будущий василевс²⁰¹.

Существовали и другие предрассудки. Верили, например, что змеи не будут беспокоить голубятню, если в четьрех ее углах написать слово «Адам» — акростих из греческих слов: анатоли (восток), дисис (запад), арктос (север) и месембриа (юг)²⁰². Считали, что для того, чтобы прогнать мышей, надо взять лист бумаги и написать на нем: «Заклинаю вас, мыши, здесь находящиеся: не причиняйте мне вреда сами и не позволяйте другим. Я отвожу вам такое-то поле. Если же я еще раз захвачу вас здесь, клянусь матерью богов, что разорву вас на семь частей»²⁰³. А для того, чтобы получить обильный урожай, следовало во время пахоты и сева написать на плуге слово «*gril*» (Геоп., кн. II, гл. 19, с. 66)²⁰⁴.

Тенденции, которые несомненно имеют место в повседневной жизни византийцев на протяжении VII—XII веков, — все более глубокая христианизация быта, усиление восточных и вообще местных традиций, отразились и в изменении характера празднеств.

В ранневизантийский период древние языческие праздники, отмечавшиеся в силу глубоко укоренившейся традиции, уничтожить которую оказалось не под силу христианству, были отделены от празднований церковных и государственных. Теперь же эти праздники либо

христианизируются, либо как составная часть входят в праздники государственные. Однако этот процесс трансформации языческих праздников был процессом длительным и завершился лишь к X веку. В VII—IX веках в Византии, особенно в провинции, по-прежнему широко отмечались многие языческие праздники — календы,

37. Танцор и два музыканта с лютнями. По миниатюре XII века, Оксфорд

воты, брумалии, всенародный праздник первого дня марта — с их невозддержанным весельем. Во время этих празднеств устраивали пляски, ходили ряженые в масках трагических, сатирических и комических, мужчины наряжались женщинами, женщины — мужчинами. Во время выжимания винограда, как встарь, зывали к Дионису, что особенно возмущало церковь²⁰⁵.

Важным компонентом традиционных языческих празднеств издавна был театр в его самых разных проявлениях. И в период VII—IX веков представления мимов пользовались большой популярностью. Не только миряне, но и, как свидетельствуют 24-й и 71-й каноны Трулльского собора, священники и монахи с увлечением смотрели сценки этого легкомысленного жанра. В VII веке в Газе продолжала существовать школа, поставлявшая мимов в столицу и другие города империи²⁰⁶.

Сценки-клоунады, по свидетельству источников, продолжали разыгрываться на ипподроме и в IX веке. Сохранился весьма любопытный рассказ о представлении подобного рода, имевшем место в правление императора Феофила (829—842). Один из самых высоких чиновников империи препозит священной спальни Никифор отнял у некоей вдовы корабль, оснащенный тремя парусами. В полном отчаянии вдова обратилась к мимам, которые в присутствии императора разыграли на ипподроме следующую сценку: два мима вытащили на арену легкую повозку, на которую взгромоздили жалкое суденышко. Один из мимов во всеуслышание предлагает другому проглотить судно. Тот всячески пытается это сделать, что ему, конечно, никак не удастся. Тогда первый мим с упреком произносит: «Препозит с легкостью проглотил корабль с тремя парусами, а ты не можешь справиться с жалким суденышком». Заинтригованный Феофил приказал расследовать дело и виновный препозит был сожжен на костре на том же ипподроме²⁰⁷.

Отношение церкви к театру в начале этого периода продолжало оставаться враждебным. Кульминацией этой вражды явился Трулльский собор, который резко высказался против сценических представлений. Более того, впервые на церковном соборе не исполнялись акты-песнопения, поскольку церковь видела в них дань языческому искусству²⁰⁸.

С VIII века отношение к театру начинает меняться. Императоры-иконоборцы открыто покровительствовали театру, видя в нем действенное орудие против своих врагов — иконопочитателей. Сценки, высмеивающие жизнь монахов и монахинь, пользовались тогда особой популярностью²⁰⁹.

Элементы театра постепенно проникают и в церковь. Церковная служба все больше театрализуется. Процесс этот начался еще в ранневизантийский период, когда в литургию были допущены диалоги на евангельские темы и антифонные песнопения, мелодии которых были заимствованы из народной музыки. Уже тогда во время службы священники использовали театральные приемы (жесты, манеру говорить). В VIII—IX веках проповедь все более драматизируется. В церковную службу проникают и элементы пантомимы.

В конце иконоборческого периода стали поощряться

театрализованные панигии во время больших религиозных праздников. Император Феофил, например, во время яркой панигии в храме св. Софии сам принимал участие в пении музыкальных произведений, сочиненных им на новый лад²¹⁰.

Победа иконопочитания ничего не изменила в отношении к театру. Иконопочитатели не возобновили постановки прежних соборов, направленные против него. Не отменили они и акты-песнопения, вновь введенные иконоборцами (Ман., XIII, колон. 352—353).

Театр переживает новый расцвет, но расцвет этот тесно связан с тем, что элементы театра все больше проникают в церковь. С точки зрения ревнителей «истинного благочестия» это было делом настолько заметным и неприемлемым, что один из них, патриарх Фотий, рассматривал нападение русских на Константинополь в 860 г. как «божью кару» за принятие церковью сцены (Патр.гр., т. 107, колон. 293).

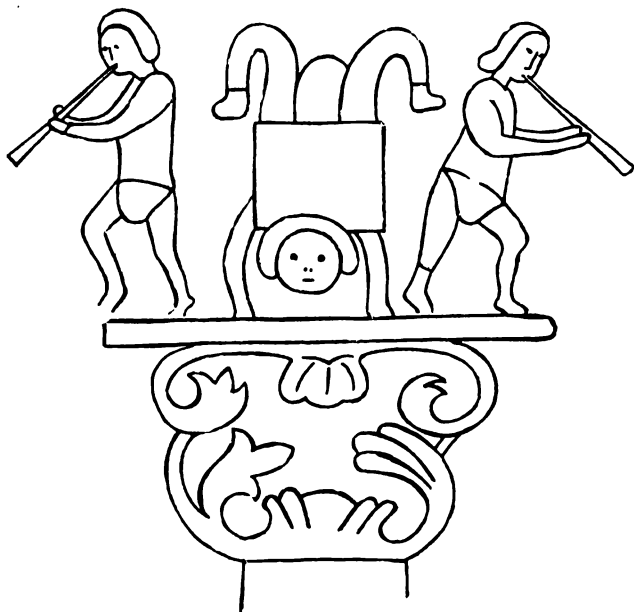
Но слияние театра и церковной службы продолжалось. Лев VI (886—912) увеличил число панигий, для которых он сам сочинял гимнии, исполнявшиеся весьма красочно и эффектно. При Константине VII Багрянородном после торжественного введения сценической оркестры в храм св. Софии²¹¹ проникновение театрально-зрелищных моментов переходит на качественно новую ступень: панигии трансформируются в литургическую драму — мистерию.

Проникновение театра в церковь завершилось. Однако это был уже иной театр, нежели тот, который существовал в античные времена. Приняв театр в свое лоно, церковь существенно изменила его, сделав более величавым и торжественным. Сама атмосфера богослужений тоже немало способствовала этому: храм освещался свечами, воскурялись благовония. Изменилось и содержание театрализованных представлений, оно стало исключительно религиозным. Перестав бороться с театром, церковь стала использовать его приемы для популяризации церковных догматов, которые, учитывая неугасавшую привязанность народа к театрально-драматическим представлениям, стали преподноситься теперь во впечатляющей, образной и общепонятной форме.

Пользуясь покровительством церкви и государственной власти, церковный театр почти полностью оттеснил

на задний план все другие виды сценических представлений, хотя они и продолжали существовать.

Мистерии обычно разыгрывали во время больших религиозных праздников. Так, на пасху показывали яв-

38. Акробат и два флейтиста. По миниатюре XII века, Оксфорд

ление Христа ученикам, нисхождение св. Духа, воскресение Христа (Конст. Багр., с. 637—638). Сходную сцену явления Христа разыгрывали во время праздника Преображения и в ходе продолжительной панигиирии, имевшей место при праздновании Успения²¹².

В день св. Епифании диаконы изображали ангелов в специальном представлении, после которого в той же одежде ангелов они принимали участие в пиршестве, происходившем в императорском дворце²¹³. В день св. Ильи в храме св. Софии показывали мистерию «Взятие пророка Ильи на небо». Эту мистерию довелось увидеть епископу Лиутпранду, который был поражен «сценическими представлениями легкомысленных греков» (Лиутпр., с. 356).

В неделю «святых праотцов или святых отцов» избражали «Пешное действо», которое затем проникло и на Русь и ставилось здесь вплоть до середины XVII века, когда оно было запрещено как представление, место которому «не в церковном амвоне перед алтарем, а на театральных подмостках»²¹⁴.

Но, вероятно, одной из самых впечатляющих и красочных мистерий была мистерия «Воскрешение св. Лазаря», сценарий которой дошел до нас в рукописи XIII века. Эта рукопись замечательна тем, что в ней сохранились режиссерские пометки, касающиеся мизансцены, например: «Поставь Христа с учениками перед гробницей Лазаря на некотором удалении от нее, Марфу же, и Марию, сестер Лазаря, и некоторых иудеев размести возле гробницы, а того, кто исполняет роль Лазаря, — на гробнице, затянутым погребальными пеленами и прикрытым покрывалом»²¹⁵.

Мистерии, как мы уже говорили, ставились только по праздникам и органично вписывались в них наряду со службой и торжественными ходами. Празднование религиозных, как некогда и языческих праздников, начинали накануне, поздним вечером, но, естественно, уже не языческими ритуалами, а всенощной службой в церкви, главной частью которой было пение. Во время праздника св. Димитрия в Фессалонике «три ночи кряду... — при свечах и факелах сонм священников и монахов, образуя два полухория, возносил песнопения» (Тим., с. 30).

Для того чтобы привлечь к себе верующих, церковь еще со времен Ария (который впервые включил пение в службу) использовала для песнопений музыку светскую, а то и просто популярные в народе мелодии. Мелодия церковных песнопений, таким образом, не отличалась от светской, и при высоком качестве исполнения она вызывала у византийцев, чья привязанность к музыке и пению была неизменно велика, чувство радостного восторга. Вот как описывает Тимарион свое восхищение службой в Фессалонике: «Когда затем с особой торжественностью... были исполнены все подобающие этому дню обряды, зазвучало истинно ангельское пение, благодаря ритму своему, тону и полной совершенства смене оттенков становившееся все более сладостным. Песнопения исполняли не только мужчины, но и жен-

щины, стоя в левом крыле храма и разделенные на два полухория» (Тим., с. 34).

Чтобы послушать всенощную, накануне праздника в церковь и около нее собиралась масса народа, и те, кто по старости или болезни не могли стоять, приносили с собой матрасы и слушали пение полулежа²¹⁶. А в сочетании с соразмеренностью движений и коленопреклонений гармоническое звучание голосов производило еще более сильный эффект. Так, искусно воспользовавшись любовью народа к пению и изяществу движений, церковь вобрала эти элементы в свое священнодействие и поставила на службу религии. Мелодия и жесты, благодаря словам, приобретали религиозный смысл.

Такой же христианизации подверглись и другие языческие обряды, которые, будучи освящены церковью, приобретали религиозный смысл. К числу подобных обрядов можно отнести, например, празднества в честь сбора винограда, описанные Константином VII Багрянородным (Конст. Багр., с. 374—375).

Празднование этого события еще во многом походило на древние вакханалии, и сам танец, который имитировал сбор и выжимание винограда, ничем не отличался от дионисий. Однако важнейшей частью торжества стало благословение винограда. В столице василевс в сопровождении патриарха и придворных отправлялся на азиатский берег Босфора или во Влахерны. В беседке, расположенной в тени виноградника, на мраморном столе уже стояли корзины винограда. Патриарх совершал над фруктами «благословенную» молитву и затем, взяв виноградную гроздь, вручал ее василевсу. А василевс, в свою очередь, вручал гроздь патриарху. Затем виноград предлагали всем участникам церемонии. Между тем, два хора (голубых и зеленых) пели гимн винограду, благословенному патриархом (Конст. Багр., с. 373—375).

Со временем было забыто, что виноградная кисть являлась самым что ни на есть языческим символом вакханалий. Отныне она стала символом праздника Успения, который был приурочен к этому дню, и именно эта христианизированная часть праздника (благословение винограда) сохранилась в Греции до наших дней²¹⁷.

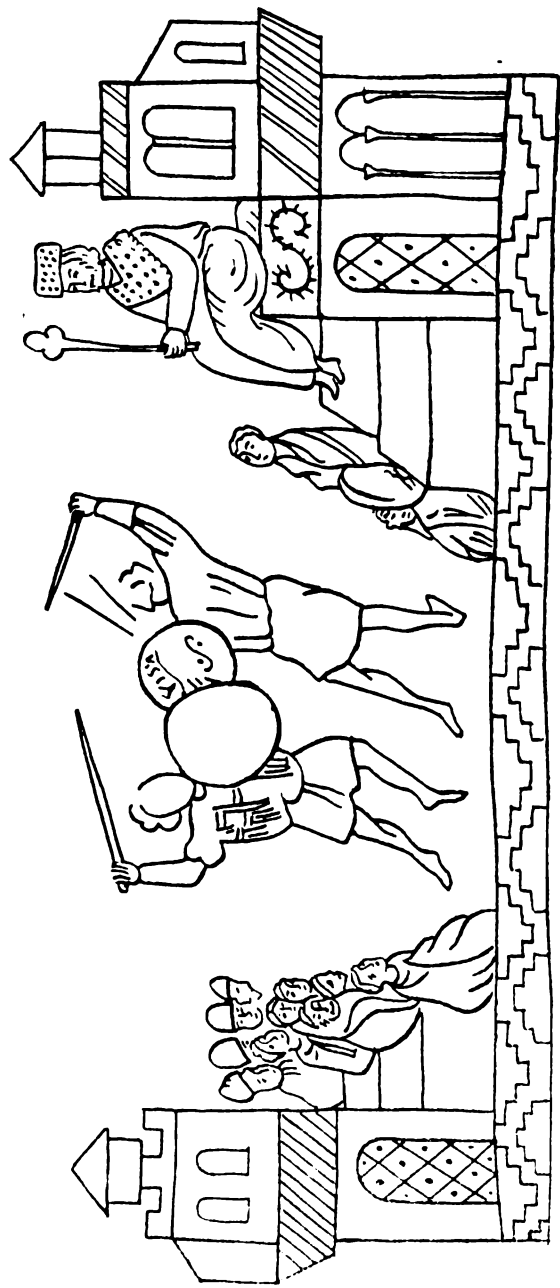
Церковь пыталась христианизировать и другой, восходивший к античным временам праздник — календы.

В ранневизантийскую эпоху календы праздновались, как и у римлян, с 1 по 5 января. Постепенно, с ростом христианизации, календы были приурочены к одному из важнейших христианских праздников — рождеству (25 декабря), и стали двенадцатидневными. Но праздновали их еще во многом на языческий лад. Устраивали шумные пиршества, много пели и плясали, наряжались в костюмы, изображавшие диких животных, сатиров, монахов. Женщины легкого поведения наряжались в одежды клириков, веселые группы людей ходили из дома в дом, требуя подарков, и никто в них не отказывал²¹⁸.

В Большом императорском дворце по этому случаю устраивали так называемые готские игры. Император приглашал на ужин 12 «друзей» (по числу апостолов) — восемь высших сановников и по два представителя от факций голубых и зеленых. Во время пиршества исполнялся «готский танец» — далекий отзвук времен, когда готы потрясали империю. Четыре танцора (по два от каждой факции), переодетые «готами» в гротескных, устрашающих масках, держа в руках щиты, по которым отбивали такт палочками, танцевали вокруг императорского стола. В это время «готы» пели особые песни, имевшие когда-то ритуальный характер, но затверженные теперь на столь неузнаваемо испорченной латыни, что смысла их никто не понимал. Тогда же хоры голубых и зеленых исполняли лучшие фрагменты своего репертуара. Завершалось пиршество под музыку и пение (Конст. Багр., с. 381—384)²¹⁹.

Языческие обычаи впитал в себя и важнейший христианский праздник — пасха, которая превращалась в подлинно всенародное торжество. Все принимали в нем участие, много пели, танцевали, а хоры голубых и зеленых принимали участие в происходивших в церквях богослужениях, где наряду с религиозными восклицаниями и песнопениями исполнялись и праздничные аккламации, обычно произносившиеся на ипподроме. Зрелищные элементы ипподрома были перенесены в церковь²²⁰.

А на ипподроме в один из дней пасхи устраивали празднество, называемое «Золотым», в ходе которого проходили состязания колесниц, певцы и зрители пели, танцоры танцевали (Там же, с. 284—293). Эта пляска на ипподроме, исполнявшаяся при праздновании пасхи,

39. Последний на ипподроме перед императором. По миниатюре второй половины XIII века, Мадрид

являлась не чем иным, как пиррихой древних, военной пляской дорического происхождения. Участники танца в символической форме изображали военный совет, действия двух армий (своей и противника), преодоление препятствий, смотр войска главнокомандующим и т. д.²²¹.

Пасхальные торжества на ипподроме по существу мало чем отличались от празднования возвращения весны, которое отмечали через несколько дней после них. Представление на ипподроме носило на этот раз название макелларикон — мясной²²², поскольку военную пляску, по всей видимости, танцевали исключительно мясники, которые одни имели право носить длинные ножи. Этими ножами они и манипулировали во время танца. Пляска эта надолго пережила Византию, и еще в XVIII веке ее исполняли на том же самом константинопольском ипподроме представители корпорации македонских мясников²²³.

Праздник макелларикон откровенно признавался языческим (паганон), но и во время него при исполнении гимна весне не забывали славить христианского бога, дарующего василевсу ромеев радость, здоровье и победу над врагами (Конст. Багр., с. 367).

Пасха и языческий в своей основе праздник возвращения весны, разделенные небольшим временным интервалом, так и не слились друг с другом. А вот день летнего солнцестояния, тоже языческий праздник, подобно празднику сбора винограда, превратившемуся в праздник Успения, стали называть христианским, приурочив к этому дню праздник св. Иоанна. Но по сути своей праздник оставался языческим, поскольку главное, что делали в этот день, — вопрошали судьбу.

В городах и деревнях этот праздник отмечали по-разному. В городах друзья собирались с семьями в одном из домов, где среди детей обязательно имелась маленькая девочка, которой в этот день суждено было стать оракулом. Праздник начинали с обильного пиршества, после чего веселились в танцах до полного захода солнца. Затем все собирались вокруг девочки-оракула, одетой как замужняя женщина. В руках у девочки была ваза с узким горлышком, в нее гости бросали различные предметы, на которых надписывали свои пожелания: удачный брак, богатое наследство, рождение

ребенка, удача в делах и т. д. Затем все по очереди подходили к девочке и спрашивали, что их ждет. В ответ девочка трясла вазу, опрокидывала ее, и ей на руку падал какой-нибудь предмет, который она и вручала просителю. Поскольку все писали только добрые пожелания, ответы девочки-оракула доставляли присутствующим только радость²²⁴.

В деревнях в это время разжигали костры и прыгали через огонь. Если человеку удавалось перепрыгнуть через костер не задев пламени, он мог надеяться на то, что зло не коснется его в течение ближайших двенадцати месяцев. Если же нет, ждать беды. Но и в этом случае находили средство избежать злой судьбы. На следующий день неудачник в сопровождении друзей под звуки бубна отправлялся к берегу реки или озера и под песнопения, предназначавшиеся для этого случая, черпал воду, которой потом опрыскивал свое жилье, чтобы оно стало недоступным для злых сил²²⁵.

В этом празднестве, по названию уже христианском, нельзя не видеть остаток древних языческих верований, связанных с поклонением огню, которым теперь стремились придать христианский смысл.

Наряду с религиозными праздниками в Византии отмечали праздники государственные — день основания Константинополя, день рождения императора, коронацию василевса, его свадьбу, рождение наследника и т. д. В эти дни славословили василевса, несли дары ему и его детям, на ипподроме устраивались зрелища, на площадях выставлялось на длинных столах даровое угощение, народу раздавались медные деньги. Пели песни и гимны, водили хороводы.

Одним из самых ярких и веселых праздников были торжества в честь дня рождения Константинополя, который отмечался ежегодно 11 мая.

Праздник начинали в канун этого дня представлением на ипподроме, которое называлось «овощным». В этот день арена была украшена крестами, сплетенными из роз. Здесь же в изобилии находились овощи, сладости, тележки, наполненные рыбой. Лошадей, которые участвовали в ристаниях, украшали попонами с золотой каймой и сбруей, отделанной драгоценными камнями. Каждый заезд прерывался аккламациями партий венецов и прасинов, переходящими в пение и танцы, завер-

шаясь общим пиршеством (Конст. Багр., с. 340—348). Эти пиршества среди зелени и цветов очень походили на празднества Майюмы ранней Византии, которые в свою очередь восходили к оргиям в честь Диониса и праздника роз²²⁶.

Основным местом проведения светских праздников и зрелищ продолжал оставаться ипподром. Бега колесниц по-прежнему увлекали многих византийцев. Рассказывая о Константине VIII, Михаил Пселл пишет: «Особенно самозабвенно любил он зрелища и ристания, всерьез занимался ими, менял и по-разному сочетал коней в упряжи, думал о заездах» (Мих. Пс., гл. 8, с. 20).

Нельзя не отметить, однако, что любовь к бегу колесниц постепенно отходила на второй план. Сократилось само число заездов, их стало, самое большее, восемь²²⁷. Ристания все более уступали место собственно сценическим представлениям, песням, танцам, которые исполнялись между заездами, и даже пиршествам, происходившим тут же, на ипподроме. Особенно много пели. Уже само появление василевса в кафисме перед началом представлений приветствовалось пением. Звучал орган, хор голубых и зеленых исполнял мелодию, толпа подхватывала припев. Это всеобщее пение под звуку органа представляло собой необычайно красивое и торжественное зрелище. Победа возниц также сопровождалась антифонным пением. В пении принимали участие и церковные певчие, это упрощалось тем, что, как уже отмечалось, мелодии церковных песнопений не отличались от светских. Гимны пелись в честь троицы, бога, девы Марии, Христа, креста. Кантаты и аккламации адресовывались императору, императрице, их порфирородным детям, сенату, армии и т. д.²²⁸

Ритм пения мог быть то быстрым, то медленным, то в такт марша, то в такт танца. Пение и танцы сопровождалось не только звучанием органа, но и других музыкальных инструментов: пандури, флейты, цитры²²⁹.

Музыкой, пением и танцами сопровождалось почти всякое торжество. Во время празднования брумалий во дворце приглашенные сановники исполняли танец со свечами, а затем пели. Песнопения исполняли хоры голубых и зеленых, но и гостям полагалось петь. Их пением дирижировали церковные певчие, отбивавшие музыкальный такт²³⁰.

И религиозные, и светские праздники этого периода во многом напоминали древние Олимпийские игры, где пению, танцам, музыкальным состязаниям, пиршествам и ночным представлениям отводилась не меньшая роль, нежели спортивным состязаниям. Но теперь все происходило более чинно, более пышно и торжественно, с тщательным соблюдением церемониала, что являлось одним из существенных признаков данной эпохи.

Торжественные церемонии, сопровождавшиеся выходами в храмы, стали важнейшим компонентом всякого большого праздника. Ритуал церемоний в Византии начинает возрождаться со второй половины IX века. С этого времени в империи развивается и совершенствуется чисто византийская обрядность.

В своих основных чертах церемониал восходит к эпохе Юстиниана, однако с тех пор он заметно изменился. Число церемоний возросло, они удлинились и приобрели ярко выраженную религиозную окраску.

Церемониал настолько усложнился, что Константин VII Багрянородный счел необходимым детально описать его в своей книге «О церемониях византийского двора». В книге рассказывается, как коронуют василевсов, как празднуют они свадьбы, дни своего рождения и бракосочетания, крестят детей, производят в должности и звания, ездят в загородные дворцы, отправляются ревизовать общественные пекарни, как смотрят ристания на ипподроме, слушают славословия партий, раздают награды победившим наездникам, бросают деньги народу и т. д., как происходят императорские обеды, совершаются ежедневные приемы и поздравления, производятся торжественные приемы и праздничные процессии.

Книга является наглядным свидетельством того, что каждый шаг императора обставлялся чередой обрядов и церемоний, отправлялся ли он на войну или возвращался из похода, шел на ипподром или совершал внутренние выходы в обширные и великолепные, покрытые мрамором и блестящими мозаиками парадные залы своего дворца или внешние выходы в храм св. Софии и другие церкви. Все происходило в соответствии с тщательно разработанным придворным этикетом. В глазах византийцев эти сложности этикета отнюдь не являлись мелочами, лишенными серьезного значения. Все, что

современному читателю может показаться пустой формальностью, театральной бутафорией, имело для них глубокий смысл. Константин VII видит в церемониале «внешнее проявление внутренней гармонии» и высказывает убеждение, что ритуал помогает возвеличению императорского достоинства (Конст. Багр., с. 3—5). Действительно, церемонии имели свой смысл и свое место в политическом строе государства, поскольку именно таким образом подчеркивалась пропасть между властелином империи и остальным человечеством.

По всей видимости, именно стремлением возвеличить василевса с помощью усложненного этикета объясняется тот факт, что первенствующую роль в церемониях стал играть чиновник, наиболее близкий к персоне василевса — тот, кто ведал его спальней (препозитус сакри кубникули), в то время как в ранневизантийскую эпоху эту функцию выполнял магистр официий.

Наиболее пышные и торжественные церемонии совершались по случаю коронации василевса, его бракосочетания и похорон, по случаю военных триумфов и религиозных праздников — рождества, пасхи, троицы и т. д., а также по случаю дня рождения Константинополя, в дни памяти отдельных императоров и т. д.

Главной составной частью праздничной церемонии был торжественный выход василевса с сановниками в храм св. Софии. О том, как чинно происходили эти выходы и как тщательно к ним готовились, можно судить хотя бы по следующим деталям. Накануне того дня, когда должна была происходить праздничная церемония, церемониарий, в соответствии с требованиями придворного этикета, торжественно напоминал препозиту, что наступает большой праздник и что нужно испросить распоряжение василевса относительно праздничного выхода. Препозит, выслушав доклад, входил во время ежедневного приема в зал, называемый хрисотриклином, и, доложив василевсу о предстоящем празднике, спрашивал у него, угодно ли ему на следующий день совершить торжественный выход или не угодно. Василевс благосклонно и важно давал свое согласие. Далее все разворачивалось в том же чинном порядке.

По случаю торжественной церемонии улицы посыпались опилками, дома украшались плющом, лавром, розмарином, зелеными ветвями, а также дорогими тка-

нями и коврами. Для простой публики, которая участвовала в церемонии лишь в качестве зрителей, ставили деревянные помосты.

Во время церемонии придворные группировались в зависимости от цвета и рисунка одежды (Конст. Багр., с. 576—577)²³¹, василевс и сановники по несколько раз переодевались в специально отведенных для этого помещениях (Там же, с. 187—191). Церемонии сопровождалась торжественными песнопениями. Процессия неоднократно останавливалась в заранее определенных местах, и в эти моменты хор голубых и зеленых произносил переходящие в песнопения аккламации в честь василевса, августы, троицы, Христа, богородицы и т. д.

В ходе церемоний, которые продолжались весьма длительное время, василевс мог заниматься государственными делами, выслушивать доклады чиновников и подписывать указы. Иногда, как это видно из рассказа Лиутпранда, во время выходов василевс мог принимать чужеземных послов (Лиутпр., с. 2—8 и др.). Во время больших праздничных, а также воскресных выходов совершалось производство в чины и звания (Конст. Багр., с. 23, 26, 43 и др.).

Церемонии происходили не только по праздникам и воскресеньям, они стали неотъемлемой частью повседневной жизни двора. Приемы василевсом сановников происходили дважды в день: утром и вечером. Они состояли из церемониальных встреч и приветствий, строго соответствующих сану и рангу должностей (Там же, с. 518, 522, 440 и др.). На утренний прием сановники собирались задолго до того, как отпирались ворота дворца. Не явиться на прием можно было лишь по болезни.

Разумеется, сводить жизнь двора исключительно к церемониям было бы ошибкой. Этикет не мешал императорам жить каждому на свой лад. У Никифора II Фоки, Василия II, Алексея I Комнина на первом плане были государственные дела и войны с врагами, а Константин IX Мономах использовал свое положение исключительно для исполнения своих прихотей и фантастических желаний. При Алексее I Комнине, когда делами управляла Анна Далассина, порядок при дворе был суровым и строгим, а при ее внуке, Мануиле Комнине, любившем роскошь и удовольствия, постоянно прово-

дились помпезные приемы, празднества и турниры, постоянно звучала музыка и пение, а интриги и любовь занимали первое место в жизни двора.

И все же, при всем различии придворных нравов в то или иное правление, приверженность к сложному этикету и утонченность церемониала всегда присутствовала при императорском дворе. Придворный этикет, выражавший коллективный опыт и разум правящего класса, не позволял императору освободить себя от обязанности исполнять положенные обряды и нарушить традиционные формы жизни.

Характерно, что крестоносцев, появившихся на Босфоре, удивила не столько роскошь столицы Византии (хотя их восторгам по этому поводу отведено немало места в их сочинениях), сколько именно пышность церемониала, окружавшего особу императора, и почести, воздаваемые ему таким театральным образом.

В этом коренилось существенное различие между Востоком и Западом: в церемониях, как и в других сферах жизни византийцев, восточное лицо Византии проявилось достаточно четко.

Глава IV

ПОЗДНЯЯ ВИЗАНТИЯ: традиции и новшества

Византия позднего периода претерпела множество бед и потрясений. Открывающий эту эпоху 1204 год нанес серьезную брешь империи, напоминавшей Никифору Григоре большой корабль, который больше не в состоянии бороться с порывами ветра и морскими волнами (I.2.—I, 18.10—11). Крестоносцы после захвата столицы империи поспешили отправить на Запад захваченную добычу — «золото, серебро, посуду, драгоценные камни, шелковые одежды и материи, меха, соболей» (Виллард., 55.250, с. 115). Во время грабежа Константинополя гибли в пожарах храмы, дворцы, торговые помещения (Там же, 44.204, с. 100—101). Множество прекрасных зданий было использовано вместо топлива (Григ., IV.1.—I, 81.9—11). Влахернский дворец, покрытый копотью и пылью, был заброшен (Там же, IV, 2.—I, 87.22—23).

Государство, объединенное спустя почти шесть десятилетий Михаилом VIII Палеологом из «обломков и частей» (Там же, I.2.—I, 18.12), долго не могло оправиться после состояния опустошения, в которое его повергли латиняне. Междоусобия последующих десятилетий не способствовали расцвету столицы. Во время столкновений двух Андроников обычным явлением были грабежи, в результате которых великолепнейшие дома дочиста опустошались и превращались в развалины (Там же, IX, 6.—I.425.11—15). Несмотря на попытки первых Палеологов придать Константинополю соответствующий вид столицы восстановленной империи, и при Андронике III все еще там и здесь встречались разрушенные здания, бывшие ранее дворцами, а теперь используемые любым прохожим для срочных нужд (Там же, XI, 11.—I, 568.8—10).

Усугубляли общий упадок и разрушения эпидемии

и природные бедствия. Византия стала одной из первых европейских стран, переживших «черную смерть» — чуму, прокатившуюся в 40-х годах XIV века по всей Европе и унесшей множество человеческих жизней. Константинополь дважды пережил эпидемию — в 1348 и в 1361—1363 годы. Во время майского землетрясения 1346 года была разрушена восточная апсида храма св. Софии, в связи с чем многие службы и обряды, традиционно проводившиеся здесь, были временно перенесены в другие церкви¹.

Многим из путешественников, посетивших Константинополь в XIV—XV веках, город показался пустынным и напоминал вереницу деревень². Сады, огороды и виноградники встречались в городе повсюду, даже в центральных кварталах. Подобной же была картина и второго по величине византийского города — Фессалоники. Здесь тоже многие огороды и виноградники представляли собой подсобные хозяйства горожан или монастырей. Так, в одном из актов XIV века упоминается сад в Фессалонике (вблизи Золотых ворот, где обычно проходила ярмарка), при обработке которого можно было получить 1800 кочанов капусты, 5400 головок чеснока, 5400 луковиц, 1800 огурцов, 900 тыкв, 900 дынь, 18 поклаж салата; кроме того, здесь на 36 грядках рос зеленый лук, на 18 грядках — морковь (Сокров., № 102, с. 266—269).

Снабжение города продуктами питания находилось в руках государства (Пахим., III, 9.—I, 187) и иноземцев. Частые сбои в снабжении приводили к спекуляции. Порой, в период обострения отношений с генуэзцами, ими захватывался транспорт с хлебом, предназначавшийся жителям Константинополя (Григ., XV.7.—II, 766—767). В период голода 1306—1307 годов в столице можно было увидеть на улицах людей, крайне истощенных и валяющихся прямо на земле³. Государственная казна была скудна, что заставляло правителей прибегать к продаже украшений прежних императоров (Там же, VIII, 10.—I, 351. 12—14).

Введение войск соседних народов — турок, сербов, болгар и других, то под предлогом помощи боровшимся между собой внутренним группировкам, то с целью завоевания, наносило столице и другим городам империи новые раны. Так, во время войны с генуэзцами в 1348 году было сожжено «ожерелье Константинополя» —

здания вокруг гавани (Макр. Логос., 147. 5—15).

Грандиозные разрушения связаны с последними атаками турок. После захвата Константинополя турки подвергли его новым грабежам. Корабли, до такой степени загруженные добычей, что корма глубоко погружались в воду, отправлялись в различные порты (Дука, 42). Серебряные и золотые вещи, жемчуг, драгоценные камни, великолепные церковные сосуды, серебряные переплеты книг были «распылены по всему свету» (Абраам Анк., 456, 200—212). Многие здания были разрушены или перестраивались. Так, при Мехмеде III знаменитый Манганский монастырь был разрушен и послужил материалом для строительства гарема⁴.

Население Константинополя в поздневизантийское время значительно сократилось. Если в период расцвета в нем проживало 500—600 тысяч жителей, то в XV веке население насчитывало лишь 40—50 тысяч⁵. В Фессалонике в первой четверти XV столетия жило 40 тысяч жителей⁶.

Однако, несмотря на явно обнаруживающиеся в поздневизантийское время признаки общего упадка, Константинополь в XIV—первой половине XV века сохранял свой апломб и все еще считался одним из наиболее красивых городов ойкумены, центром православного мира, крупным торговым портом. Иоганн Шильтбергер в конце XIV или начале XV столетия писал: «Константинополь — большой и прекрасно отстроенный город, имеющий в окружности 15 итальянских миль» (Шильт., 57). Фессалоника производила на современников впечатление своими дворцами и колоннами⁷. Прекрасны были дома и дворцы Мистры⁸.

Византийские города были окружены городскими стенами (Григ., VIII, 11.—I, 357; XIV. 1.—II.693; Акроп., 33.—52.2; 43.—74.22—23). По замечанию Иоганна Шильтбергера, константинопольские стены имели полторы тысячи башен (57). Акрополь считался твердыней города. В город обычно можно было попасть через несколько ворот, некоторые из них были главными. В Константинополе и Фессалонике это были Золотые ворота. Ворота Навплии и Железные ворота вели в Мистру. Обнесенные стенами города застраивались очень тесно. Наиболее широкой улицей Константинополя была торговая улица, называвшаяся с древних времен Месой. Меса

Мистры достигала в ширину трех метров и кое-где была перекрыта сводами⁹. В Серрах центральная улица представляла «царскую дорогу», заканчивающуюся площадью¹⁰. Боковые улицы едва достигали двух метров.

Невозможно представить себе жизнь поздневизантийских городов, как крупных, так и провинциальных, без ярмарок, без больших торговых дней¹¹. Наряду с традиционными большими ярмарками, проходившими один раз в году в определенное время¹², имелись и постоянные маленькие рынки, на которых продавались продукты сельского хозяйства. Рынки иногда были крытыми. Никифор Григора называл их среди городских построек (VI, 10.—I, 205.18). Мелкие торговые лавки обычно располагались в тени сводов колоннад (Армен., 2, 4), которые в отдельных местах перекрывали центральные улицы крупных городов. Часто торги организовывались прямо на городской площади. Многие из рынков, находившихся в городе или близ городских стен, принадлежали монастырям.

В Константинополе, Фессалонике и ряде других приморских городов наиболее шумным и людным местом был порт. В Константинополь постоянно прибывали иностранные суда, поскольку город был одним из крупных центров международной торговли. Итальянские купцы привозили в столицу империи гаэтское мыло, различного рода сукна — падуанские, мантуанские и пользовавшееся большим спросом сукно бастарди скарлатини. Константинопольские торговцы закупали у итальянцев также атлас, бархат, бумазею, вуали, мишуру, золотую пряжу. Многие из товаров далее следовали на восток. Восточные купцы привозили знаменитые сирийские ткани и пряности. В столице закупались итальянцами овечьи шкуры, шелк-сырец, перец, воск, красители¹³.

Через константинопольский порт в столицу (а оттуда в другие страны Европы и Азии) поступали и продукты питания. Оливковое масло и вино ввозились из Италии, Сицилии и Крита. Так, из Мессины было привезено в 1437 г. 169 бочек вина: 60 % белого и 40 % красного. Критский поставщик вина Марко Филомати присылал вино небольшими партиями. Цены на вино постоянно колебались, но в целом оно было примерно в пять раз дешевле оливкового масла. Масло имело разную цену в зависимости от того, было ли оно жирным (*grosi*) или

это были «подонки» (*de sentina*), но в среднем бочка масла в 30-е годы XV века стоила 57 иперпиров.

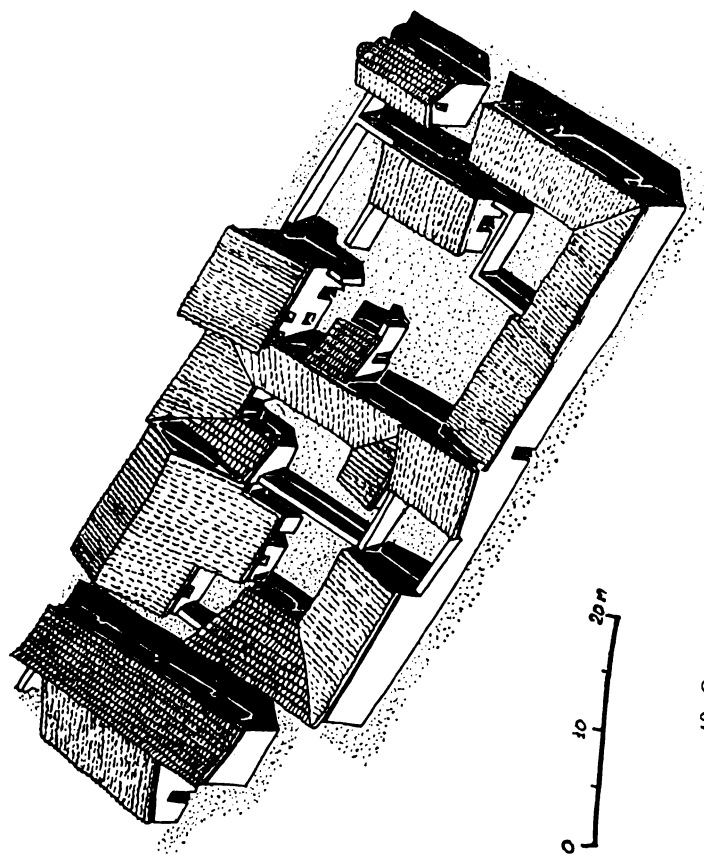
Для продажи вина и масла в розницу поставщики снимали в Константинополе лавки. Солонина и топленое свиное сало, поставляемое в Константинополь венецианцами, продавалось перекупщиками-греками и мелкими посредниками самых разных народностей. Если солонину не удавалось продать сразу, то через 4—5 месяцев ее, несколько попортившуюся, обмывали, освежали новой солью и продавали в 1,5—2 раза дешевле (Шитиков, 1972).

Осетров и икру привозили из Таны. Икра стоила в 30-е годы XV века примерно $5\frac{1}{3}$ иперпира за «кантаро» (45 кг), цена одного осетра была $\frac{2}{3}$ иперпира. В Константинополе итальянцы закупали скумбрию по цене $1\frac{3}{4}$ иперпира за тысячу штук. Рыба, отправленная в Самсун, Трапезунд, Модон, часто портилась, что приносило константинопольским купцам убытки.

Сахар, привозимый из Александрии, с Кипра, был еще редкостью и считался лекарством; стоил он в 30 с лишним раз дороже, чем изюм (65 иперпиров за «кантаро»).

В последний век своего существования Константинополь оставался крупным международным рынком пряностей, привозимых с Востока. Поставляли их в Константинополь итальянские, еврейские и турецкие купцы. Цены на перец, имбирь были неустойчивыми, завися от времени года, качества и даже политической обстановки. Из Константинополя пряности следовали в западные страны. В Фессалонику, «всеобщий рынок земли» (Патр. гр., т. 109, колон. 641. С — Д), привлекала иностранных купцов широко известная октябрьская ярмарка, посвященная покровителю города св. Дмитрию. Морской порт Фессалоники принимал товары из Франции, Фландрии, Италии¹⁴.

Население столицы империи было пестрым в этническом отношении. Помимо греков, македонцев, армян, евреев, в городе находились колонии западного купечества — венецианцев, генуэзцев, пизанцев, флорентийцев, каталонцев¹⁵. В начале XIII века в Константинополе жило, по свидетельству Жоффруа де Виллардуэна, 15 тысяч латинян (Виллард., 44.205, с. 101). Во многих городах были кварталы, населенные какой-либо одной

40. Один из жилых кварталов позднеантичного Херсона. Реконструкция Ю. Г. Лосицкого

национальностью. Так, в Константинополе и во многих провинциальных городах были еврейские кварталы¹⁶. В Негропонте еврейские поселения находились вначале вне города, но в XV веке евреи приобретали дома и в христианских кварталах¹⁷.

Византийская аристократия издавна жила в городах. Постепенно города разрастались, а старые аристократические кварталы неизменно оставались в центре.

Кварталы города порой делились и по профессиональному признаку. В одном из актов XIII века упомянута константинопольская улица ремесленников-поясников; в XIV столетии в столице существовал квартал сапожников, изготавливавших обувь для военных¹⁸.

В поздневизантийское время грандиозные городские здания строились редко. Наиболее сохранившимся архитектурным памятником является многократно описанный в научной литературе дворец деспота Мистры¹⁹. В нижних комнатах правого крыла дворца проходили приемы и обеды. Спальные комнаты членов семьи деспотов находились в одном из четырех зданий правого крыла. Здесь же была расположена и молельня. Во втором этаже левого крыла, построенного Палеологами в XV веке, находился огромный зал, освещенный двумя рядами окон. Он представлял собой тронный зал, где проходили особо торжественные церемонии. Одной из грандиозных построек XIII века был дворец в Нимфее²⁰.

Дома знати и богатых горожан были преимущественно двух- или трехэтажными с плоской или двускатной крышей (Сокров., № 112, с. 306). На стыке черепиц крепилась свинцовая прокладка²¹. Плоские крыши обычно использовались как солярии. В «Диалоге богатых и бедных» середины XIV века можно прочесть о такого рода постройках: «У вас приятные жилища — вы наслаждаетесь в хорошую погоду нежнейшим ветерком (с крыш) ваших трехэтажных домов» (Макр. Диал., 209.19—20). Многие византийские дома XIV века, построенные в основном из белого камня, имели выступающие балконы и полукруглые окна, над которыми поперечно выкладывался красный кирпич²². Двери и ставни часто были железными, украшенными гвоздями с большими головками.

Фасад одного из домов Херсонеса был украшен аркой, обрамлявшей вход в помещение; на замковом камне арки был изображен крест в круге. На фасаде другого

41. Сбор урожая. По миниатюре XIV века, Париж

херсонесского дома имелся карниз в форме полочки и выкружки; окна были оформлены аркой, на некоторых клиньях которой имелась роспись и дуговые бороздки (Романчук, Лосицкий, 1985). Дома в большинстве случаев имели узкий фасад, выходящий на улицу, и двор с колодцем и подсобными помещениями, виноградным прессом (Зогр., № 25, с. 54—55). Нижний этаж дома обычно использовался для хозяйственных нужд²³. Иногда там была кухня, жилье для прислуги; порой же нижние помещения в связи с нехваткой места в городе использовались как складские. Под домом выкапывалась яма для хранения продуктов. Около дома нередко находился небольшой сад из фиговых или иных деревьев (Сокров., № 112, с. 306). Наличие внутренних открытых дворики при домах расширяло площадь жилья²⁴. В Пергаме комнаты дома обычно располагались вокруг квадратного двора. Иногда же они были расположены линейно вдоль узкого дворика²⁵. Соседи старались изолироваться друг от друга. Двери одного дома не должны были находиться против входа в другой (Армен., 2. 4.25).

Дома в провинциальных городах часто имели множество хаотических пристроек, сделанных в разные годы без всякого плана. Не случайно Феодор Ласкарис противопоставлял средневековые дома Пергама красивым и гармоничным античным постройкам²⁶. Комнаты домов Коринфа, Афин, Эфеса часто были узкими, неправильной формы²⁷, что определялось отсутствием свободных площадей для новых построек.

Плотность населения одного из херсонесских кварталов, имевшего в XIII—XIV вв. ориентировочно 45 кв. м в ширину и 100 кв. м в длину, составляла примерно 152—183 человека на 1 га. Площадь отдельных усадеб, расположенных в этом квартале, была в среднем 100—120 кв. м. Жилые комплексы имели преимущественно Г- или П-образную форму и вместе с хозяйственными постройками образовывали замкнутый двор (Романчук, Лосицкий, 1985).

Византийские сельские поселения были различны по размерам и характеру. Наряду с большими деревнями встречались незначительные по размерам занимаемой земли и количеству жителей поселения. Так, в балканской деревне Мамициона, принадлежащей Хиландарскому монастырю, как можно предполагать, жило 450—

500 человек. Название же расположенной в северной части Балканского полуострова деревни — Моноспития (Однодомовка) — говорит само за себя²⁸.

Размеры деревни определялись часто ландшафтными особенностями, наличием пригодных для пашни земель, близостью удобных дорог. В первой четверти XIV века балканские деревни имели от трех до ста и более семей. Так, в деревне Агия Евфимия было 68 домохозяев, в Лоронте — 60, в Дримосите — 55, в Гомате — 50, в Генне — 19 (Лайу-Томадакис, 1977, с. 40). В деревне Радоливо в 1316 году насчитывалось 222 домохозяства крестьян-париков. Плотность населения в фессалоникийском регионе была 83,8 человека на 1 кв. км площади (Там же, с. 43).

Деревни делились на стаси — крестьянские владения одной семьи. Центром стаси являлся окруженный забором или кирпичной стеной одноэтажный дом, крытый черепицей, тростником или соломой. К дому примыкали обычно виноградники, сад с фиговыми деревьями, орешником, маслинами. Владения стаси могли включать небольшой водоем и мельницу. Пашня иногда примыкала к дому, а чаще была расположена в отдалении и могла перемещаться землями других крестьян. Крестьянские владения порой были совсем ничтожными — до одного модия (примерно 0,084 га). Крестьянские меры измерения земли не случайно, наверное, назывались пинакион (дощечка), лорис (пояс). На межах земельных участков клали камни, ставили столб или окружали пашню рвом.

Большие деревни были окружены неподеленными землями, лесом — здесь жители могли косить траву, собирать каштаны и ягоды, рубить лес.

Крестьяне использовали при обработке земли легкий плуг с дышлом, без колес; при обработке каменистых почв — железный сошник. Для проведения пахотных работ впрягали в упряжку волов и буйволов. Молотили зерно чаще не цепом, а путем вытапывания зерна прямо на току (Каждан, 1952, гл. 1).

Иногда при доме зажиточного селянина имелась кузница. Так, в усадьбе Феодора Скараны имелся очаг, жаровня, набор кувалд и молотков, небольшой запас необработанного железа и разнообразного, уже готового к использованию сельскохозяйственного инвентаря (Вин, 1987, с. 86).

Диапазон богатства и бедности в деревне был очень значителен. Зажиточным, к примеру, считалось хозяйство некоего Геронтия, имевшего, судя по описи, 5 рабочих быков, 3 коровы, несколько телят, 62 овцы. Геронтий располагал запасом зерна в 130 модиев, бобовых — в 39 модиев, а также различными инструментами: тремя заступами, пятью мотыгами, двумя топорами, восемью серпами (Там же. Модий равен 40 литрам).

Мельницы — водяные, ветряные, а также приводимые в действие силой животного либо находились в коллективном пользовании села (иногда нескольких крестьянских семей), либо принадлежали монастырю или феодалу.

Расположенные вблизи села естественные водоемы в поздневизантийское время находились в руках крупных феодальных собственников. При монастырях и зажиточных крестьянских хозяйствах устраивались садки для ловли рыбы.

В целом крестьянское хозяйство, используемые селянами орудия труда и предметы быта являлись традиционными, какими они были при жизни отцов, дедов и их предков. Деревенское время текло куда медленнее, чем городское; в связи с незаметными, медленными переменами в быте и крестьянском труде ощущение жизни в ее непрерывно повторяющейся повседневности в деревне было более стабильным, чем у горожан.

Владения семьи Кантакузинов охватывали территорию примерно в 100 кв. км с населением около двух тысяч работников. Помимо земли, им принадлежали большие стада, насчитывавшие более тысячи голов рабочего скота, полторы тысячи лошадей, 200 верблюдов, 300 мулов, 400 ослов, 5 тысяч свиней, 7 тысяч овец (Кант., II, 185).

Крупные земельные комплексы составляли владения императорской семьи, представителей знати, монастырей, церковных корпораций. Собственники земли большей частью жили в городе, а хозяйство вели управляющие. Иногда владения феодалов-динатов были расположены изолированно от крестьянских, порой же крестьянская деревня входила в состав большого сеньориального комплекса.

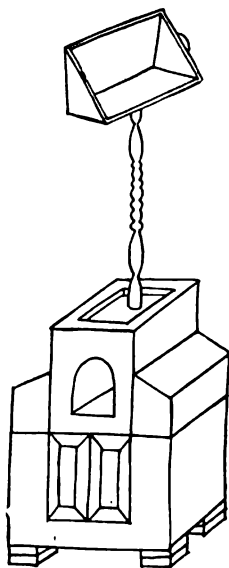
Проблема воды была одной из серьезных в поздневизантийское время. Новые акведуки и цистерны почти

не строились, сохранялись с античных времен, как, например, в Фессалонике. Счастье для города, если вопрос о воде решался наличием естественных источников; зачастую же колодезную и дождевую воду накапливали в цистернах²⁹.

Византийские общественные бани напоминали римские, но были значительно меньших размеров³⁰. Некоторые константинопольские бани принадлежали монастырям (Тип. Мам., 306.27). При строительстве частных бань строго регламентировалось их расположение. Как в городе, так и в пригороде следовало отодвинуть баню на 20—30 шагов от соседних строений (Армен., 2.4.13).

Дома знати имели богатый интерьер. Деревянные двери, отделяющие внутренние помещения, могли иметь резьбу или инкрустацию, потолки в доме иногда покрывались позолотой (Патр. гр., т. 154, колон. 1185). Пол обычно был вымощен плитами белого мрамора. Внутренние лестницы были каменными или деревянными, часто с несколькими площадками. В парадном зале дворца Мистры во всю длину стен была расположена единая каменная скамья, по византийской традиции невысокая. На частных приемах по старому обычаю беседовали полулежа. Ложе являлось непременным атрибутом богатого интерьера (Акроп., 45—81. 14—16). Царские ложа — клпнарна — изготавливались из слоновой кости (Четв., с. 239, 915). В богатых домах спинки кресел, подушки и подстилки для ложа иногда делали из кожи пантеры. Это было дорогое, но надежное средство от блох (Там же, с. 239. 880—882). Декор комнат дополнялся коврами и драпированными тканями. Занавеси из тканей иногда заменяли двери. Особенно характерным было использование тканей в интерьере спален.

О внутреннем убранстве домов простолюдинов мы

42. Пюпитр. По миниатюре последней четверти XIII века, Париж

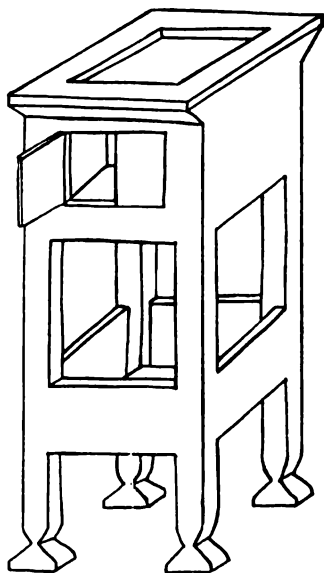
знаем меньше. Верхний этаж, если он был, поддерживался обычными деревянными столбами (ММ, III, № 11, 53). Общеупотребительным видом мебели были низкие круглые скамеечки без спинки, а также квадратные скамейки или полукруглые стулья³¹. Стулья без спинки с перекладинами между ножек назывались скамниа (отсюда — наша «скамья»), так как их вначале делали из тутового дерева (сикаминеа). Низкая подножная скамеечка покрывалась тканью или кожей. На нее можно было подложить подушку или ковер. Иногда под скамейку, имевшую отверстие, ставилась маленькая жаровня с углями для того, чтобы обогреть ноги³². Пол застилался плетеными циновками³³. Трапезы проходили за длинным, покрытым скатертью, столом, вокруг которого стояли низкие скамеечки на трех ножках³⁴.

Много внимания византийцы уделяли пище. Трапезой отмечалось любое событие — от рождения ребенка в семье до избрания нового патриарха. Пища в семьях знати была довольно разнообразной. К столу подавалась молодая баранина, мясо козлят, оленей, медведей, говядина, зайчатина, разнообразное птичье мясо. Один из персонажей поздневизантийской басни «Рассказ о четвероногих» так говорит о свинине: это мясо едят «и с хорошей зеленью, и с тыквой, // и вареное, и отдельно, без всякого другого; // еще и прекрасное благоухающее жаркое — // то свежее, то соленое, как изготовят. // Солят же и хранят меня в течение всего года, // и кладут в кувшины и бочки, // и приготавливают студень и другие подобные вещи: // челюсть, язык, окорока, // колбасу, спинные части, бока с толстым салом, // и жирную (мучную еду) и фаршированные изделия» (Четв., с. 229, 370—380). Баранье мясо, согласно этой же басне, «тучно, и приятно, и полезно для желудка» (Там же, с. 231. 474—477). Свежая рыба была прекрасным дополнением к мясным блюдам на праздничном столе. В каждодневном рационе византийцы отдавали предпочтение кефали и морскому окуню. Употреблялись в пищу также омары, раки, устрицы, каракатицы. Животное масло использовалось как в свежем, так и в топленом виде. Растительное масло изготавливалось прежде всего из оливок, а также из миндаля и мирта (последние — преимущественно для целебных целей). Ценились мягкие сорта сыра. Византийцы употребляли в пищу разнообразные овощи —

морковь, бобы, горох, чечевицу, а также салат и спаржу. Приняты были такие приправы к блюдам, как хрен, петрушка, сельдерей, тмин, майоран, чеснок. Был популярен в византийской кухне лук — как репчатый, так и лук-порей. Мед и сахар использовались при приготовлении сиропов из айвы, роз, слив, яблок, гранатов (Мед. тр., с. 259—263). Из мучных изделий были широко употребительны крендели, блины (их ели с медом). Хлеб из крупчатки считался лучшим. Черный хлеб — кибарон или ячменный — крифинон — это пища средних и низших слоев (Четв., с. 229, 366—367).

Из напитков византийцы любили молоко, простоквашу, пахту. Зачастую к столу подавалась свежая прохладная вода — ее называли «новой водой» (в новогреческом языке слово «вода» — не-ро — образовано из прилагательного «новый»). Употреблялась также кипяченая горячая вода (фермон), иногда с добавлением тмина, а порой еще с перцем и анисом («тминная» — киминефермон). Вода умеренной температуры использовалась для разведения вина³⁵.

Обед часто проходил в полдень (Акроп., 89—189. 7—8; Пахим., V, 24.— 405. 7—9) и начинался с фруктов. Затем ели свежую рыбу и молочное мясо, после чего уже можно было переходить к жирной пище, жаренной на огне. Это обычно была говядина, утиное, гусиное, журавлиное или павлинье мясо (Мед. тр., с. 258). На десерт полагался сыр: его «знатные люди после обеда // немного (съедают), небольшой кусочек для (лучшего) пищеварения» (Четв., с. 233. 603—604). Жирный сыр ели в ходе трапезы с капустой или со свеклой (Там же, с. 233. 599—602). На ночь была принята более легкая пища, обычно фрукты — айва, яблоки,

43. Пюпитр. По миниатюре последней четверти XIII века, Париж

приготовленные с гвоздикой и корицей (Мед. тр., с. 258). Разумеется, речь идет о знати и богатых горожанах, у которых «постоянно роскошный стол» (Макр. Диал., 209. 12—13).

Один из героев «Путешествия Мазариса в подземное царство» говорит о сытной, но менее разнообразной пище — свинине, масле, муке, диком салате, цикории, мятых маслинах и на праздник — панафинейской похлебке (Маз., 2, с. 75—76; 6, с. 84).

В одной из поздневизантийских басен противопоставляются довольно разнообразный стол (финики, сыр, хлеб, плоды, мед) мыши-горожанки, зависимой от хозяев, и простота трапезы мыши — сельской жительницы, питавшейся зерном в сарае: «Гораздо лучше жить скромно, но спокойно, чем наслаждаться роскошью, полной страха» (Пам. 2, с. 414). «Бедные» Алексея Макремволита говорят как о пище бедняков о грубом хлебе и соленой рыбе (Диал., 209.3). Простолюдины ели ячменный хлеб пополам с мякиной (Акроп., 60.—123, 7—9).

Воинам в походное время выдавали солонину из свиного и овечьего мяса, которое заготавливалось впрок в виде окороков (Пахим., IV, 6.—I, 265. 21—22).

В монастырях был строгий рацион и зависел от характера религиозных праздников. В обычные дни, когда не надо было поститься, все же стол был более скромным, чем у мирян. Нельзя было есть мясо животных. Птичье мясо разрешалось для тех, кому нужна была диета в связи с болезнью, поэтому при монастырях держали кур³⁶. Монахи могли обедать рыбой, раками, устрицами. Димитрий Кидонис в письме к Мануилу Ласкарису Калоферу писал об обычной монашеской еде — бобах и родниковой воде (Эп., 72, 14—15). Андронику II как-то в одном монастыре подали на ужин раковины и свежую воду из источника, хотя ему хотелось выпить крепкого неразбавленного вина (Григ., IX, 14.—I, 461. 23—462.7). Однако принятые правила довольно часто нарушались. Митрополит Навпакта Иоанн Апокавк считал хороший стол одним из тех жизненных благ, которые необходимы человеку. Когда келларий одного из епископов послал ему слишком мало масла для стола, митрополит потребовал жестокого наказания виновного³⁷.

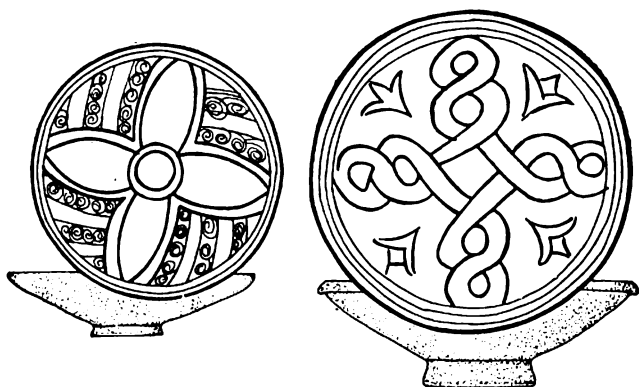
По типуку Меникийского монастыря, количество и

состав пищи, выдаваемой монахам, зависели от календаря религиозных праздников и от дня недели, но в целом в монашеский рацион входили рыба, сыр, бобы, овощная зелень с уксусом. Иногда разрешалось запивать пищу не водой, а разбавленным вином, особенно больным, страдающим астенией монахам.

У византийцев, как и у всех южных народов, возвращающих виноградники, вино входило в каждодневный рацион, независимо от достатка семьи. Менялось только качество вина. В знатных семьях к столу подавались тонкие ароматные вина, бедняки же пили прокисшее старое вино (Макр. Диал., 208.32—209—1). Вино использовали как местных сортов, так и привозное (например, болгарское). Вино иногда настаивали, как и прежде, на лепестках роз, на фенхеле, полыни, руте³⁸. Вино, разбавленное водой, пили все, даже беременные женщины (Мед. тр., с. 259). Зимой пили неразбавленное, чтобы согреться. Однако постоянное употребление неразбавленного вина считалось проявлением развращенности (Маз., 14, с. 99). По рекомендации византийских медиков, вино нужно было употреблять в процессе еды для лучшего пищеварения: «Вино... следует пить в середине еды, а лучше всего выпить вино после еды — столько, сколько необходимо для увлажнения пищи в желудке и для прекращения жажды, чтобы не случилось горения и засыхания пищи в желудке. После окончательного приема пищи пусть выпьет вина, сколько необходимо» (Там же, с. 258). Судя по многочисленным поздневизантийским источникам, в вине ценился прежде всего аромат. Щедрым подарком императора считалась бочка пахучего вина (Пахим., V.4.—I.347.14—15).

Поздневизантийское время сохранило малое количество посуды. Письменные источники свидетельствуют, что на столах знати можно было увидеть золотые кубки для вина (Макр. Диал., 208.32), золотую и серебряную посуду³⁹. Изящен по форме кубок Мануила Палеолога, сохранившийся в Ватопедском монастыре: выточенный из яшмы, он оправлен позолоченным серебром⁴⁰. Бронзовый сосуд Гуго IV Лузиньяна был богато инкрустирован серебром⁴¹. Но в целом века роскоши были позади. К середине XIV века все дворцовые драгоценности были заложены в связи с тяжелым внешнеполитическим положением страны (по замечанию Никифора Гри-

горы, в императорской сокровищнице нет ничего, кроме «воздуха, пыли и эпикуровых атомов». — Григ., XII.12—II, с. 790. 5—6). Надо думать, что византийский двор не мог, как несколько веков назад, позволить себе оше-

44. Красноглиняная глазурованная посуда поздневизантийского времени из Херсонеса

ломляющую роскошь при подаче десерта, когда «после пира приносили плоды в трех золотых вазах, которые из-за их непомерной тяжести доставлялись не людьми, но подвозились на тележках, покрытых пурпуром». На стол эти вазы подавались следующим образом: «через отверстия в потолке спускались три каната, обтянутых позолоченной кожей, с прикрепленными к ним золотыми кольцами, которые продевались в петли на краях сосудов, и тогда посредством лебедки, находящейся над потолком, и с помощью четырех или более человек, стоящих внизу, вазы ставились на стол...» (Лиутпр. Антапод., гл. 8). Эта помпезность осталась в прошлом, и на пиру в честь коронации Иоанна VI Кантакузина в 1347 году стол был сервирован оловянной и глиняной посудой.

Бедняки пили вино из глиняных кружек (Макр. Диал., 209. 1). Своей стеклянной посудой у византийцев не было уже с XIII века: предпочиталось венецианское стекло

или стеклянная посуда из Дамаска⁴². Использовалась в быту и бронзовая посуда восточного происхождения. Белоглиняные сосуды XIII века византийского изготовления были обычно орнаментированы фигурами птиц и животных синего, красного и зеленого тона⁴³. Широко была распространена красноглиняная посуда с гравировкой и росписью. В кухонном обиходе использовались глиняные горшки с двумя ушками⁴⁴. Вино и съестные продукты хранились в погребах в пифосах, имевших высоту до 1 метра.

Произведения византийской живописи позволяют внести некоторые штрихи в описание сервировки стола. На изображающей застолье миниатюре работы Мануила Цикандила⁴⁵ в центре стола, покрытого скатертью, находится большое овальное блюдо на низкой ножке: на нем лежит жареный поросенок, которого разрезает ножом один из сидящих за столом. Другие участники трапезы держат в руках стаканы с вином. На столе стоят вазы — высокая и низкая, стаканы, лежат ножи. Прямо на скатерти — несколько морковей с ботвой. Слуги выносят блюдо с едой и на длинном вертеле дичь или курицу. Тут же стоит на задних лапах просящая лакомства собака.

На относящейся к XIV веку иконе «Троица» музея Бенаки в Афинах на белой, тонкой, почти прозрачной скатерти стоят золотая, украшенная киноварными линиями чаша, богато украшенный кувшин с прогнутыми ручками, стеклянный графин, лежат ножи⁴⁶.

В «Троице» собрания Эрмитажа на столе стоят красно-коричневая чаша для причастия (в центре), меньшая по размеру зеленоватая чаша, графины, стакан. Посуда керамическая, подобная той, что использовалась в домах бедняков⁴⁷. На скатерти, как и в других изображениях XIV века, лежат салфетки (одна из них смята) с красными полосками и морковь с зеленью.

В Византии, в отличие от стран Западной Европы, сохранился с античных времен такой предмет сервировки стола, как вилка (фурка). Ручки ножей — больших и маленьких — изготавливались из кости, в качестве предметов роскоши — из слоновой кости с украшениями (Четв., 240. 923—924).

Одежде была отведена значительная роль в ритуале поздневизантийской жизни: она соответствовала соци-

альному положению, сану, родственным связям, влиятельности.

Определялась одежда и степень торжественности случая, в связи с которым она была надета.

Первым признаком царской одежды была, как и в прошлые века, красная обувь — сапожки или сандалии (Григ., III, 4.—I, 69.4—6; Акроп., 40.—67, 16—18; Пахим., II, 24.—I, 24, с. 132.2). Парадным одеянием императору⁴⁸ служил златотканый саккос, перепоясанный широким поясом — лоросом⁴⁹. Непременным атрибутом парадной одежды был императорский венец — стемма (Пс.-Код., IV, р. 200.2—48), представлявшая собой широкий золотой обруч с крестом из драгоценных камней в очелье. В поздневизантийское время стемма имела тулью (аир), напоминающую персидскую тиару, с крестом сверху⁵⁰. Непарадному платью императора — рухону — соответствовал венец с лилиями или четверолистником по краю обруча⁵¹. В императорском гардеробе была и калиптра, высокая шапка, украшенная жемчугом, драгоценными камнями и покрытая сверху дорогой материей (Григ., VII, 8.—I, 258.10—12; XI, 11, 567; Акроп., 40.—67.17). Один из головных уборов императора назывался фиал и напоминал фонтан из перьев и драгоценных разноцветных камней. От такого венца, покрытого гнездами рубинов и сапфиров, тянулись вверх тонкие, вогнутые внутрь лучи из листового золота. К матерчатой подкладке обруча прикреплялось с двух сторон по шесть перьев, также вогнутых внутрь⁵².

Императорским цветом считался красный. Однако, в зависимости от случая, василевс мог носить одежды другого цвета. На фреске Беноццо Гоццолли Иоанн V Палеолог одет в зеленый ездовой кафтан с декором из шитых золотом флеронов⁵³. Мануил II как на приеме, оказанном ему французским королем, так и во время поездки в Англию был облачен в белое шелковое одеяние⁵⁴. В палеологовское время василевсы чаще одевались в белые одежды⁵⁵, хотя пурпур оставался по традиции императорским цветом.

Некоторые из атрибутов царской одежды перенимали деспоты. Трапезундские Комнины тоже носили красные сапожки и облекались в порфиру (Акроп., 21). В пурпур могли быть одеты севастократы (Пахим., II, 13.—I, 108. 11—12). Женщины из знатных семей часто носили крас-

ное платье с длинными узкими рукавами, называвшееся скарлата.

Признаком принадлежности к знатному роду являлись и златотканые одежды. Материи, тканые золотом и серебром, обычно имели мелкий рисунок или из переплетающихся листьев плюща и аканфа, или с традиционным изображением птиц, животных, а также довольно часто с изображением палеологовского герба — двуглавого орла⁵⁶.

Из ткани с «царскими орлами» носили одежды севастократы (Там же, II, 13.—I, 108.9—10). Золотые орлы были украшением не только одежд, но и обуви (Акроп., 82.—173.13—14; Сфранд., III, 9.—291.6—7).

Наиболее распространенным видом одежды для сановной знати и высокого чиновничества был скараник, вид ездового кафтана (Пс.-Код. II). Парадный скараник деспотов был украшен драгоценными камнями и унизан жемчугом (Там же, II, 145.23.—146.2). У всех чинов от великого доместика до стратопедарха скараники были красного цвета, тканые золотом (Там же, 152—154). Великий примикирий, как и ряд других чинов (протосеваст, куроपालат), имели скараник абрикосового цвета (Там же, 155). У логофета казны, протовестиария, доместика, эпарха были скараники белые с золотом (Там же, 156. 24—25.—157.10). Великий друнгарий и чины, стоявшие ниже его, носили шелковые скараники лимонного цвета с золотом (Там же, 158.89). Скараник переводчика имел сверху красную кисть.

Наряду со скараником, Псевдо-Кодин называет и кавадий, плотно прилегающий кафтан с длинными застегивающимися полами⁵⁷. Он, наряду со скараником, упоминается среди парадных одежд сановников. Деспоты носили пурпурный кавадий, усыпанный жемчугом (Там же, II, 146. 2—3). Кавадий великого доместика был двухцветный со златотканой каймой. С кавадием император надевал не стемму, а фиал.

Характер головного убора сановного лица или чиновника также зависел от его положения в обществе. Шапка-скиадей великого доместика была красной с золотом, с красным, натянутым на проволоку аиром и с красными подвесками. Скиадей же протоасикрита шился из пурпурной и белой парчовой ткани, с широкими полосами, расположенными вокруг по тулье, с трилист-

ником из материи наверху (Там же, II, 151. 11—15; 159. 17—160, 6). Некоторые должностные лица (мистик, логофет царской казны) носили не скиадей, а сферический клобук из шелка светлых тонов — факеолиду⁵⁸.

Регламентировался и цвет обуви — сапог или сандалий (иподимата). Деспот носил белую с пурпуром обувь, кесарь — голубую, протовестиарий — зеленую, паниперсеваст — желтую (Там же, II, 143.7—144.2, 149.5—6; 153. 5—6, 152.22—23).

В целом одежда придворной знати и высоких чинов в поздневизантийское время стала бедней, чем в предшествующие века. Различные чины были одеты в парадных случаях в одинаковую одежду, которая отличалась лишь ритуальными украшениями и жезлами. У великого domestika было выполненное насечкой портретное изображение стоящего императора в короне (Там же, II, 152.2—5). Элементами костюма великого дуки были два портретных изображения василевса: впереди — стоящего, на спине — сидящего (Там же, II, 153.14—17). Великий примикий носил на груди выполненное на стекле изображение стоящего императора, сзади — сидящего на троне (Там же, II, 155.8—13). Жезл (диканикий) великого domestika имел компы-шарики, у протовестиария был жезл с зеленой эмалью, у великого дуки — витой, украшенный серебром (Там же, II, 151.—15—17; 153.3—5; 154.2—7).

Для поздневизантийского двора, судя по сочинению Псевдо-Кодина, доминирующим был красный цвет одежды, который должен был компенсировать недостаток ее пышности и разнообразия. Широко использовались в одеждах и белые парчовые ткани, которые тоже способствовали созданию эффекта особой торжественности.

Ритуал одежды, несмотря на, казалось бы, строгую регламентацию, не всегда соблюдался. Элементы царской одежды стали доступны многим из представителей знати. Никифор Григора с сокрушением отмечал исчезновение традиций. Ранее императорский головной убор — калиптру — разрешалось носить только старейшим из придворной знати, причем покрытую более скромным материалом, чем царская (Пахим., V, 1.—I, 337.10—13), юношам же было положено по возрасту ходить с непокрытой головой. При Андронике III этот обычай был до того заброшен, «что стали носить калиптры все — и юноши,

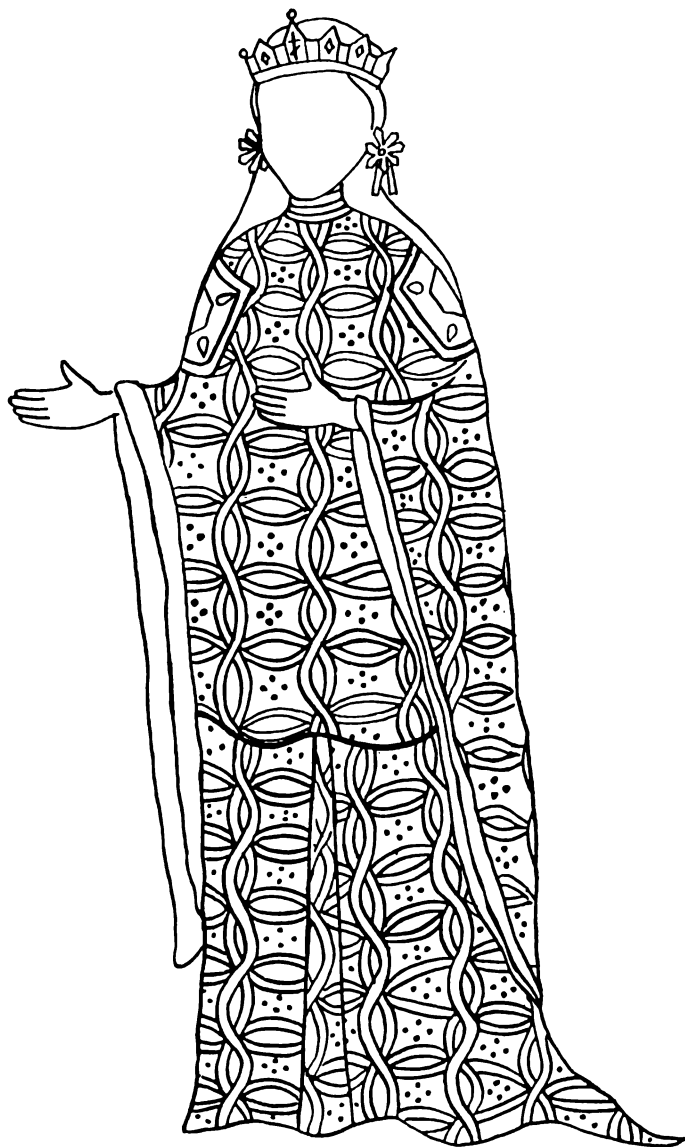
45. Придворный в сане великого логофета. По изображению на серебряном окладе иконы конца XIII — начала XIV века, Москва

и старики, как во дворце, так и под открытым небом, притом калиптры, покрытые разнородными иностранными материалами по собственному усмотрению каждого...» (Григ., XI, II.—I, 567.15—16). Приближенные к императору люди, по своему положению не имевшие права на одежду со знаками высокого достоинства, могли с согласия василевса носить ее. Так, фаворитка Иоанна Ватаца не только носила красную обувь, но даже попона и поводья ее коня были пурпурными, как у василисы (Там же, II.7—I, 45).

Согласно воле императора одежда знатного человека могла иметь особые отличия. Так, зять Феодора Метохита Иоанн, став паниперсевастом (Там же, VII, 11.—I.271.14—18), получил право носить одежду и сандалии желтого цвета, чтобы отличаться от окружавших императора сановников. Попона его лошади тоже должна была быть желтой.

Одежда могла дариться императором в знак его особого расположения к кому-либо из приближенных. Мазарис вспоминал «пышные одеяния из белого шелка, ...пожалованные... императором» (Маз., 3, с.77).

Памятники поздневизантийского искусства позволяют восстановить некоторые из парадных одежд представителей византийских правящих кругов и знати. На миниатюре к хрисовулу 1374 года Алексей III Комнин одет в черный саккос, имеющий бордюр золотого цвета с красным орнаментом. Лорос, которым подпоясан саккос, тоже златотканый. Золотая корона, украшенная свисающим жемчугом, увенчивается крестом из драгоценных камней. Супруга Алексея III Феодора одета в длинное красное платье из материи, по полю которого вытканы двуглавые золотые орлы. Ее голову увенчивает золотая корона трапецевидной формы с камнями, жемчугом по верхнему краю и жемчужными подвесками (Дион., № 4). Великий логофет Константин Акрополит на серебряном окладе иконы Богоматери из собрания Третьяковской галереи одет соответственно описанию Псевдо-Кодина. На нем длинный однобортный прилегающий кафтан-кавадий, застегнутый донизу на мелкие пуговицы и перетянутый узким поясом с пряжкой и со спускающимися концами; небольшой платок заткнут за пояс. На голове логофета — небольшого размера шапка с прикрепленной впереди металлической пластинкой,

46. Одежда дамы из высших кругов. По изображению на серебряном окладе иконы конца XIII — начала XIV века, Москва

имеющей изображение Христа. Голову супруги Константина Марии увенчивает корона с жемчужными подвесками и драгоценными камнями. Великий дука Апокавк на миниатюре парижской рукописи гр. № 2144 изображен в кавадии, украшенном позолоченными грифонами⁵⁹.

В почти одинаковых кавадиях изображены великий примикийрий Иоанн (деталь иконы «Христос-Пантократор» 1363 года, Эрмитаж), Алексей Апокавк (миниатюра Парижской национальной библиотеки, XIV век) и Константин Палеолог (миниатюра середины XIV века из Бодлейанской библиотеки, Оксфорд). Это неширокие, в пол, однобортные кафтаны с очень узкими обтягивающими рукавами, с глухим вырезом под горло, без воротника, перепоясанные, с заткнутыми за пояс платками. Различия только в отсутствии или наличии каймы на обшлагах, по подолу и вороту, а также в рисунке ткани: это либо пальметты в медальонах, либо грифоны.

Наряду с кафтанами сохранялась и старая мода на туники и плащи. На Феодоре Метохите (мозаика Кахриэ-Джами) — золотая туника, поверх которой надет широкий зеленый плащ с рукавами из ткани, украшенной мелкими красными цветами.

На миниатюре из рукописи «Хроники» Никиты Хониата (XIII век) Алексей V Дука Мурзуфл одет в тяжелые одежды в виде перепоясанного саккоса с однотонной отделкой по низу рукавов и по подолу. На ткани впереди — два больших круга с грифонами; по окружности вокруг грифонов вытканы бегущие, почти вытянутые в горизонтальную линию звери⁶⁰.

В одной манере выполнены платья Марии Комнины Торникисы Акрополитисы (оклад иконы «Богоматери Одигитрии», Третьяковская галерея) и Евфросиньи Дукени Палеологини (миниатюра конца XIV века, Оксфорд) — с цельнокроенным рукавом, спущенным плечом, со стоячим, плотно прилегающим воротом, широкими прорезями рукавов. Только подрезка на платье на уровне колен выполнена различно. Ткань платья Марии Акрополитисы украшена тканой плетенкой на фоне геометрического рисунка в виде овалов неправильной формы, вытянутых по горизонтали. На материале платья Евфросиньи выткан геометрический рисунок с пальметтами.

Дополнением к парадным одеждам императора, высоких сановников, военачальников, богатых горожан и жен-

47. Кавадий. По миниатюре середины XIV века, Оксфорд

щин соответствующих социальных групп были украшения — золотые, серебряные, из благородных камней и жемчуга. Это были кольца, ожерелья, браслеты, цепи, серьги, геммы, камней, а также украшения на одежде, диадемах, головных уборах. Некоторые из украшений имели значение талисманов⁶¹. На золотые перстни наносились иногда надписи и монограммы Палеологов. Однако в поздневизантийское время на праздничных приемах золото нередко заменялось позолоченной медью, камни — разноцветными стеклами; сияние жемчужин часто было обманчивым.

Гребни — ктении — знатных дам делались иногда из слоновой кости, укрепленной золотом и серебром, и украшались изумрудами. Слоновой костью обрамлялись иногда и ручные зеркала (Четв., с. 240.925—926).

Несмотря на строгий ритуал одежды, многие стремились внести что-либо индивидуальное в свой костюм, меняя его в соответствии с личным вкусом, достоинством, возрастом (Патр. гр., т. 154, колон. 1185. С—Д).

Парадные златотканые одежды надевались в праздничные дни, при свершении дворцовых церемоний или в случае приема иностранных послов. Ношение парчовой одежды в будни считалось предосудительным. Так, Михаил Палеолог сделал внушение своему сыну Иоанну, поехавшему на охоту в златотканом одеянии. Упрек Михаила основывался на убеждении, что парча является подобающей только тогда, когда она увеличивает престиж ромеев, в остальных же случаях это мотовство (Пахим., I, 14.—I, 38—39).

Одежда менялась в соответствии с временем года и погодой (Макр. Диал., 209.25—27). Зимой в качестве защиты от холода использовались меховые накидки. Мануил Фил, известный писатель первой половины XIV века, в привычном для придворных кругов духе прибеднения и попрошайничества жаловался правителю, что «ворс на львиной шкуре, тонко стриженный, // весь вылез от мороза и попортился» (Пам., с. 331). Богатые дамы носили большие пелерины из заячьего или иного меха (Четв., с. 227.304). Мехом подбивались зимние одежды патриарха (Там же, с. 231.505). Заячьи шапки, как говорит один из персонажей басни «Рассказ о четвероногих», носит и врач, и богатый торговец (Там же, с. 227.301—303). Также использовались в зимнее время

толстые суконные одежды на подкладе. Одеждой простых людей были плащи из грубой необработанной шерсти, войлочные шапки или капюшоны (Там же, 231.509—512).

48. Восточное влияние в одежде: халат и тюрбан-факеолида. По мозаике первой четверти XIV века, Стамбул

Обувь также различалась по времени года. Из овечьей, свиной и иной кожи изготавливались и башмаки-папуса, и сандалии-иподимата, и туфли-фелариа (Там же, 232.514—515).

В поздний период все еще славилась византийская сукна и тонкие шерстяные ткани. Ткани, шитые золотом и серебром, предназначались не только для изготовления одежд императоров и сановников, но и для передачи в качестве дара иноземным правителям, для облачений высокого духовенства и предметов культового назначения, прежде всего покровов-плащаниц. На известной «далматике Карла Великого» (XV век), хранящейся ныне в сокровищнице храма св. Петра в Риме, представлен соответствующий стилю палеологовской живописи (драматизм и динамика) сюжет Преображения. Ткань «большого саккоса патриарха Фотия» (XV век, Государственная Оружейная палата) вся заполнена изображением сцен и сюжетов, заключенных в прямоугольники или окружности. Нижняя часть саккоса украшена ткаными портретами Иоанна Палеолога, его супруги Анны Васильевны и ее родителей — московского князя Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны. Эти портреты на ткани сами могут быть источником для изучения одежды палеологовской эпохи⁶².

В поздневизантийское время оставались в моде иностранные златотканые сирийские и финикийские материи (Григ., XI, 11.—I, 568.2—4; Пахим., I, 14.—I, 39.3). Иоанн III Ватац запрещал пестрые шелковые и шерстяные вавилонские и ассирийские ткани, а также тонкие итальянские материи (Григ., II, 6.—I, 43.15—24), но это оказалось напрасным. В течение всего XIV века византийские авторы постоянно пишут о моде на иностранные ткани (Макр. Диал., 209.14—15; Патр. гр., т. 160, колон. 837.22).

Иностранное влияние в эпоху Палеологов распространилось не только на ткани, но и на пошив одежды и головных уборов. На улицах было трудно узнать по платью, кто ромей, а кто перс или латинянин (Григ., XXXVII. 47—48.—III, 555.13—17). Появилась мода на пестрые восточные тюрбаны. На голове Феодора Метохита в мозаичном изображении монастыря Хоры надет огромный полосатый тюрбан — факеолида. Наряду с этим появились и крылатые шляпы, напоминающие итальянские головные уборы.

Но в зарубежных официальных поездках ромеи надевали традиционные одежды. Так, Мануил II и его свита обращали на себя внимание жителей Парижа и Лондона.

49. Наряд дамы аристократического рода. По миниатюре середины XIV века, Оксфорд

Грекам же, наоборот, казались нелепыми платья англичан с длинными и широкими рукавами⁶³.

Иностранные путешественники и византийские авторы отмечали бедность будничной одежды византийцев. Димитрий Кидонис с риторическим пафосом замечал: «Богачи ходят подобно нищим» (Апол., I, 374. 66). Вероятно, доля истины в этом была: сказывалось общее обнищание империи.

Для представителей средних городских слоев характерен как элемент одежды плащ. Плащи шились из различных тканей, и торговцы «красовались своими плащами» (Григ., V, 2.—I, 127.23—24). Сельские жители ходили в овчинах и войлочных шапках (Маз., 8, с. 89). Косматые шубы и плащи использовались порой как одеяла (Маз., I, с. 73; Четв., с. 231). Критский поэт Стефан Сахликис заметил, что в городах многие бедняки ходили разутыми⁶⁴. Рубища нищих были «грязными и кишашими паразитами» (Макр. Диал., 209.26—27). Власяницы бедняков противопоставлялись Алексеем Макремволитом златотканым одеждам знати.

Наиболее традиционной оставалась одежда духовенства⁶⁵. Для богослужения архиереи облачались в длинный стихарь с широкими рукавами. Поверх него надевалась епитрахиль, представляющая собой две широкие ленты, надеваемые на шею и сшитые впереди. Епитрахиль, спускающаяся до пола, обычно была украшена крестами и бахромой на концах. На поясе с правой стороны находилась доходящая до колен подвеска из жесткого материала — эпигонаций. В зависимости от значимости службы священнослужителями надевался большой или малый омофор, представлявший собой прямую длинную полосу, драпировавшуюся вокруг плеч таким образом, чтобы один конец свешивался впереди, другой — сзади. Верхняя часть полосы вышивалась крестами и подбивалась гладким, без рисунка, шелком⁶⁶. Большой омофор надевался только во время литургии. Златотканый саккос, напоминающий далматiku западной церкви, был элементом одежды патриарха. Головным убором священников был клобук цилиндрической, немного расширенной кверху формы с черным или — для митрополитов и патриархов — белым покрывалом, спускающимся на плечи.

Обычной одеждой монахов была ряса, широкая, с длинными полами и рукавами. Ряса шилась из темной,

50. Одежда патриарха. По монастырской фреске IX века, Афон

без рисунка ткани. Монашенки, судя по книжным миниатюрам, носили черные или коричневые мантии, надеваемые на темное длинное платье. Мантия могла быть менее или более длинной, но обязательно широкой, создававшей многочисленные складки⁶⁷. Голову монахини покрывал спускающийся на плечи черный или коричневый платок. Монахини из верхних слоев общества могли носить красно-синюю одежду⁶⁸. Монашенки монастыря Лива получали два раза в год, в апреле и в октябре, одежду, выдаваемую на год или на два. Это были две туники, одна полотняная накидка, три пары чулок⁶⁹. В женском монастыре Богородицы также получали в год две белые туники, черную мантию, две пары обуви. Через каждые три года им давали сверх того мантию, две кофты, чепчик и накидку⁷⁰.

Многие из дорогих облачений священников, равно как церковная утварь, оклады икон оказались после падения Константинополя в руках турок. Дукой описана сцена поведения турок спустя три дня после захвата столицы империи. Один из них был одет в саккос первосвященника, другой перепоясался золотой епитрахилью и тянул на ней связанных друг с другом собак; иные из турок вместо плащей закутались в златотканые плащаницы; многие ели из дисков и пили несмешанное вино из церковных потиров (Дука, 42.—312, 3—14).

Византийские мужчины палеологовской эпохи по давней традиции носили бороды. Борода могла быть длинной или средней длины, пышной или разделенной надвое и завитой (Пахим., II, 9.—I, 104.15—17; Акроп., 18.—32.1; Дион., № 4). Делегация Мануила II обращала на себя внимание европейцев прежде всего бородами, непривычными для европейского мира⁷¹. Однако в XIV веке некоторые представители высших слоев по образцу латинян стали брить бороды. Сын Адроника II и Ирины Монферратской Феодор, выбрав себе в жены итальянку, остриг бороду и стал брить лицо (Григ., IX, 1.—I, 396, 16—17).

Баня в поздневизантийское время была по-прежнему и средством гигиены, и развлечением⁷². Наряду с общественными банями — димосиа лутра — строились бани в загородных владениях и при городских домах состоятельных людей. Каждый монастырь регламентировал свои сроки банных дней. Так, по уставу монастыря Лива,

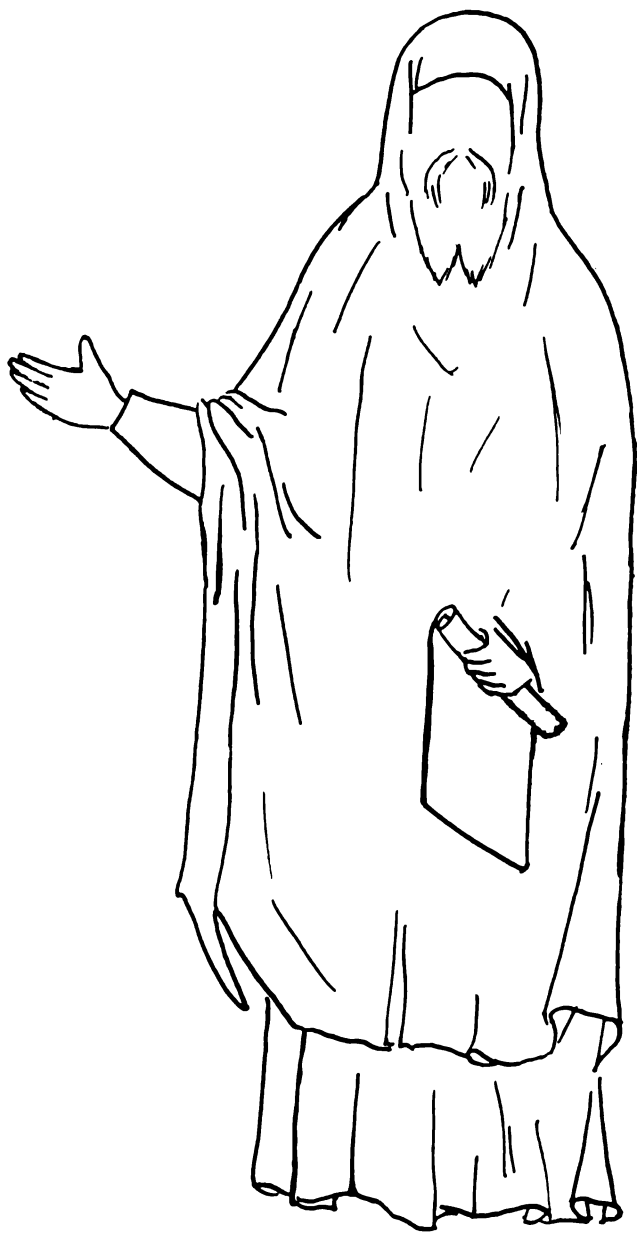

51. Большой омофор в одежде епископа. По рукописи IX века

монашенки мылись в бане четыре раза в год. Баня считалась очень полезной для организма человека. Существовали специальные рекомендации относительно использования бани как средства укрепления здоровья. Мыться полагалось натошак, но без ощущения чувства голода. Тучные люди после выступления пота должны были натереть все тело составом из люпина, сухой кожуры цитруса и измельченных листьев розмарина. Худые же натирали тело дынями, выжимками из тыквы и бобовой муки с добавлением сухих измельченных роз. При купании в бане использовались такие травы, как майоран, мята, ромашка, которые увеличивают потоотделение. Чтобы эффект был более ощутимым, перед мытьем следовало натереть все тело грубым полотном (Мед. тр., с. 258). Иногда в банях были помещения для занятий гимнастикой. Патриарх Афанасий, выступая против склонности к неге и развлечениям, требовал закрытия бань на воскресный день, когда верующие должны присутствовать на молитве в храме св. Софии⁷³.

Византийцы знали средства ухода за кожей лица, за волосами. Если на лице появлялись морщины, то следовало на одни сутки намазать его растворенными в уксусе сухими корками дыни с небольшим количеством камеди, после чего нужно было вымыть лицо с чечевичной мукой. Считались полезными для борьбы с морщинами растворенные в старом вине семена редьки с горьким миндалем. Кожу лица предохраняли от мороза маслом из лилий или нарциссов, а от жары — розовым маслом в сочетании с яичной мукой, выжимками из дыни и другими компонентами. Для того чтобы волосы были пышными, рекомендовалось мыть голову с мукой из люпина, смешанного с соком свеклы. При выпадении волос голову мазали специальной смесью, которую готовили посредством кипячения в течение длительного времени свежих листьев мирта, розового масла, ладана и других компонентов, соединенных с водой. При окраске волос в черный цвет пользовались соком анемона. Белокурой можно было стать, намазав голову на три дня осадком старого вина, смешанного со смолой сосновых шишек в размере половины осадка и с розовым маслом (Мед. тр., с. 257, 260, 261, 264). Иногда волосы и бороду для получения черного цвета красили вороньими яйцами (Маз., 14, с. 99).

Византийцы, будучи южанами, считали допустимыми,

52. Одевание монаха. По миниатюре XIV века, Париж

вопреки законоположениям, очень ранние браки. Это в значительной степени характерно и для правящей элиты. 23-летний Андроник II женился на Ирине Монферратской, когда ей было одиннадцать лет (Григ., VI, 2.—I, 168.12—15). Их дочь была выдана замуж за сербского крзя в пяти- или шестилетнем возрасте (Там же, VI, 9.—I, 203.16—17; Пахим., III.31—II, 275). Женщина при заключении брака иногда была немного старше своего будущего мужа. Так, девятнадцатилетняя дочь Андроника III была отдана замуж за четырнадцатилетнего короля Венгрии (Григ., XI, 7.—I, 546.17—21; Кант., II, 34.—II, 508). Но чаще невеста была намного моложе своего жениха. Вторая жена Иоанна Дуки Ватаца Анна была еще совсем молода, тогда как он находился уже в преклонном возрасте (Григ., II, 7.—I, 45.8; Пахим, III, 7.—II, 181).

Для правящих кругов заключение брака стало в поздневизантийское время одним из моментов политики. Несмотря на родственную близость, был заключен брак сына деспота Михаила и императорской дочери Анны. В определении собора в связи с заключением этого брака было отмечено, что поскольку связи царей способствуют миру между государствами, то правила в отношении них можно ослабить (Пахим., VI, 6.—I, 440.14—441.4). В 1355 году было вынесено следующее соборное определение по поводу обручения дочери Ивана Александра Кераца и сына Иоанна Палеолога Андроника: «Рассудив, какую пользу может принести этот союз христианам, грекам и болгарам и какой вред нечестивым, мы единогласно одобряем его и выражаем согласие, чтобы он совершился беспрепятственно» (ММ, I, 185, 432—433). Порой браком закреплялись политические акции. Так, Иоанн V Палеолог в период его разногласий с Иоанном Кантакузином вступил в договор с сербским кралем Стефаном Душаном, намереваясь в связи с этим отослать в Сербию свою жену Елену, дочь Иоанна Кантакузина, и жениться на свояченице Душана (Григ., XXVII. 26.—III, 148, 149). Лишь обстоятельства расстроили его план.

Недозволенные по возрасту браки встречались не только в аристократической среде. Среди документов Иоанна Апоаква находится акт о расторжении брака между тридцатилетним мужчиной и шестилетней девочкой. Мать и отчим последней были подвергнуты епи-

тимье⁷⁴. Апокавком описано также судебное дело по поводу расторжения брака двух молодых людей по той причине, что они были повенчаны еще детьми. Жена через несколько лет расцвела, а муж все еще оставался мальчиком. Повод для развода был сочтен основательным⁷⁵.

Памятники византийской литературы полны упоминаниями о повторных браках (Акроп., 2.—5.7; 5.—9.5—10; 18—31). В целом же многократные браки, также как и непозволительные связи, считались грехом (Патр. гр., т. 152, колон. 1321 А—В). Однако супружеская измена была обычным явлением. Михаил Палеолог, будучи женат на Феодоре, увлекся второй женой Иоанна Дуки Анной. Он был готов ради удовлетворения своего увлечения оставить свою жену, на что та отреагировала жалобой патриарху (Пахим., III, 7.—1, 184.2—4). Подобные ситуации возникали и в другой социальной среде. Так, солдат Стефан Мавроманик, женатый на Архонто, дочери Василия Клоста, подал жалобу коменданту Навпакта на неверность жены. Архонто же между тем снова убежала от Стефана и проводила время с неким Феодором. На этот раз Стефан обратился с жалобой к митрополиту Иоанну Апокавку. На суде выяснилось, что и муж порой вел себя непорядочно по отношению к жене и ее родителям. Брак был расторгнут в связи с невозможностью продолжать совместную жизнь в условиях вражды и подозрительности⁷⁶.

Причиной развода могло быть и невыполнение одним из супругов своих обязанностей по отношению к семье. Неская Евдокия, дочь Георгия Патрина, начала дело о разводе против своего мужа Феодора, который вел жизнь бродяги и не мог создать семье каких-либо условий для жизни. Его редкие визиты домой имели своим следствием лишь увеличение числа членов семьи. Материальное обеспечение жизни лежало целиком на Евдокии, подрабатывавшей прядением шерсти и льна. Когда Феодор окончательно исчез, она обратилась с жалобой к митрополиту, который счел возможным расторгнуть этот брак⁷⁷.

По-разному складывалась судьба внебрачных детей. В высших кругах чаще всего старались благополучно устроить их жизнь, особенно если они были царской крови. Побочный сын деспота Константина от его тайной связи со служанкой по достижении пятнадцатилетнего возраста был приближен его дедом Андроником II ко

двору с намерением женить его на какой-нибудь представительнице знатного рода из соседних стран (Григ., VIII, 3.—I, 294.20—295.3).

Брак порой использовался в придворных кругах для улучшения рода. Незнатные, но близкие императору люди по желанию правителя женились на девицах из родовитых семей. Георгий Музалон, друг Феодора Ласкариса еще по детским играм, стал мужем Феодоры из дома Кантакузинов (Пахим., I, 8.—I, 24). Не случайно Алексей Макремволит восклицал: «Почему мы не используем брак для того, чтобы обеспечить добродетельность и святость, а используем его для торговли и мошенничества?» (Диал., 208.3—4).

Православное духовенство имело право на брак. Наличие семьи не было серьезным препятствием для избрания на патриарший престол. Иоанн Калека, будучи женатым и имея двух детей, был избран патриархом. Правда, монашеская группировка пыталась встать в оппозицию по отношению к его кандидатуре именно по причине его семейного положения; но великий домestik оказал воздействие, и избрание состоялось (Кант., II, 34.—I, 432—433). С другой стороны, избрание на патриарший престол давало право новому архипастырю византийской церкви расторгнуть узы брака⁷⁸.

Византийская семья, как городская, так и деревенская, была небольшой по количеству членов. Большая семья, представленная тремя поколениями, встречалась нечасто и имела тенденцию к разделу. Этот процесс нашел отражение в описях крестьянских семей. К примеру, в семье некоего Димитрия, сына Василия Станилы, из деревни Селас в 1300 г. было 10 человек. Спустя двадцать с небольшим лет эта семья распалась на четыре семьи: сыновья и внук Димитрия отделились и стали вести самостоятельное хозяйство (Лайу-Томадакис, 1977, с. 8).

Наиболее типичной для деревни была так называемая нуклеарная семья, состоявшая из супружеской четы и не вступивших в брак детей. В феме Фессалоники среди крестьян-париков таких семей было в 1320 г.—71 %, в 1338—1341 гг.—64 %. Явное преобладание малых семей отражает опись населения деревни Радоливо от 1316 г. Здесь было по 54 семьи из 3 и 4 человек, 28 семей — по 2 человека, 22 семьи — по 5 человек, 19 — по 7, 11 — по 8, 9 домохозяйств было представлено одинокими

людьми. В семи семьях было по 9 человек, в двух — по 10 и в одной 11 человек (Там же).

Мир женщины из средних и низших слоев города и деревни ограничивался преимущественно рамками семейного домохозяйства. Воспитание детей, заботы о домашнем очаге, иногда домашний бюджет — вот обычный круг проблем как женщины-горожанки, так и сельянки.

В деревне женщина нередко являлась главой дома. В описях Иверского монастыря 1317 и 1321 гг. названы главами домохозяйств в деревне Иерисс Фотина, дочь Даметия, и Ксения, дочь Лонгиана; в деревне Меленциан — Калия, дочь портного, Ксения, дочь Цамандура, Евдокия, вдова Константина Цакона; в деревне Гомат — Ирина, попадья Колокинды; Анна, дочь Манаистра; Ирина, дочь Вухала, и другие. Преимущественно это были вдовы, взявшие на себя ведение всех дел после смерти мужа. У некоторых из них было довольно крепкое хозяйство. Например, у Фотины, вдовы Цукала, было четыре коровы, 60 овец и коз (Ивер. практ., 1317, 1321).

Женщины средних слоев нередко были грамотными, о чем свидетельствуют их подписи на сохранившихся актах дарений и продаж. Однако немало в документах поздневизантийского времени и крестов, поставленных женской рукой вместо подписи.

Занятия женщин в монастырях поздней Византии, помимо тех, которые были связаны с монашеским образом жизни, в целом были достаточно разнообразными и часто были зависимы от их социального положения. Нередко это был физический труд, уход за больными в монастырских больницах. Образованные монахини из высших кругов переписывали книги, создавали скриптории, библиотеки, писали стихи, меценатствовали (Талбот, 1984).

Женщины в придворной жизни по-прежнему играют заметную роль⁷⁹. Правда, эта роль прежде всего связана с продолжением рода. Когда речь шла об императорской семье, вопрос о наследниках престола был немаловажным и во многом зависел и от матери. В знатных женщинах поздневизантийского времени ценилось хорошее воспитание, умение вести себя достойно, образованность (Акроп., 39.—62.19—23). Императрица Ирина, дочь Феодора I Ласкариса и супруга Иоанна Ватаца, была хвалима Никифором Григорой именно за эти качества.

Импонировало Григоре и то, что Ирина «любила движение» и часто бывала в конных прогулках (Григ., II, 7.—11, 441.9—10). Последнее, кстати, не было уж столь редким явлением в кругах знати. Один из путешественников описывает следующую увиденную им сцену. Императрице Марии, третьей жене Иоанна VIII Палеолога, одетой в плащ и остроконечную шляпу с тремя перьями, при выходе ее из храма св. Софии была подана скамеечка, позволившая ей по-мужски сесть на красивого, с роскошным седлом коня⁸⁰.

Поздневизантийская история сохранила несколько имен женщин, блиставших своими познаниями в сфере литературы и наук. Феодора Раулена Кантакузина Палеологиня, племянница Михаила VIII Палеолога, была известна как знаток филологии. Ее партнерами по интеллектуальному общению были такие известные в ученом мире того времени люди, как патриарх Георгий Киприот, Максим Плануд, Мануил Оловол.

Дочь Феодора Метохита заслужила похвалы своего учителя Никифора Григоры тем, что «была и даровита, и любознательна» (Там же, VIII, 5.—I, 309.15—19). Супруга деспота Константина Палеолога Евдокия «не была лишена светского образования; при случае она свободно разговаривала обо всем... ученые называли ее пифагорейанкой Феано и второй Ипатией» (Там же, VIII, 3.—I, 293—294).

Феодора Кантакузина сыграла большую роль в политической карьере своего сына, будучи верным и решительным советчиком сыну в самых критических ситуациях. Через ее посредничество были предприняты меры к освобождению острова Хиос в 1329 году от генуэзцев. Феодора предприняла значительные усилия в борьбе с коалицией Анны Савойской в период ее регентства при сыне, юном Иоанне V Палеологе (Киррис, 1982, с. 467—469).

Но прежде всего византийцы ценили в женщине кротость, грациозность, мягкость характера — то, что во все времена именуется женственностью. Та же Евдокия, наряду с очарованием красноречия, мягкой манерой общения, приятным звучанием голоса, обладала необычайной грацией и миловидностью (Там же, 293.17—19). Телесная красота женщины ценилась не менее духовной. Красивыми считались женщины среднего роста, мягких

форм, с тонкой талией, достойной осанкой, нежной кожей лица, окрашенной легким румянцем, с большими выразительными глазами и жемчужного блеска улыбкой. Внешности женщины придавалось большое значение. Вторая жена Иоанна VIII Палеолога, итальянка София, недурно сложенная, с золотистыми волосами, струящимися по спине, но слишком высокая, с уродливым лицом, напоминала, по мнению Дуки, пословицу: «Сзади пасха, спереди — великий пост» (Дука, 20.—100.8—17). Этот брак оказался недолговременным, хотя в его заключении сыграли роль и политические мотивы.

Византийцы признавали способность женщины к политическим делам как возможное, но редкое качество. Ирина, дочь Феодора I Ласкариса, отличалась мудростью, с которой она помогала царствующему супругу (Григ., II.—7.—I, 44). Феодора Кантакузина, мать Иоанна Кантакузина, характеризуется современниками как женщина острого ума и наблюдательности. Тонко чувствуя изменения политической ситуации, она помогла раскрыть заговор против Андроника III, бывшего в то время верным другом ее сына (Там же, XI, 2.—I, 530.5—17).

Немало написано византийскими писателями о дурных качествах женщин. Одной из наиболее одиозных фигур в поздневизантийской историографии является вторая жена Андроника II Ирина. Ею было положено немало сил на то, чтобы возвести на престол своих сыновей, рожденных от второго брака и в силу этого не имевших прав престолонаследия. Стремясь возвеличить дочь, Ирина дарила своему зятю, сербскому кралю, царские калиптры, более богатые, чем у ее супруга Андроника II. Поскольку последний не поддерживал непреклонное стремление Ирины непременно прославить своих детей, она пошла на скандальное осложнение отношений, предавая гласности детали их интимной жизни (Там же, VII, 5, I, p. 233—237).

Многие из Палеологов женились на иностранках. Василиссами были и славянки, и латинянки. Сын Мануила II Иоанн, будущий император Иоанн VIII, был женат первым браком на княжне Анне, дочери великого князя Московского Василия Дмитриевича. Наиболее часты были в силу экономической и политической ситуации браки на итальянках⁸¹. Андроник II был женат на

Иоланте (Ирине) Монферратской, Андроник III — на Анне Савойской. Итальянками были жены Иоанна VIII Палеолога, многих деспотов и севастов. Это не могло не способствовать распространению итальянских обычаев при дворе. У молодого Андроника III постоянно можно было встретить несколько человек из Савойи (Кант., 1.42.—1.205.17—18). Позднее, после его смерти, центр власти перешел в женскую часть дворца, гинекею. Анна Савойская во всем стремилась сохранять традиции итальянского двора.

Но в целом византийцы, одеваясь в итальянские ткани, женись на итальянках, перенимая некоторые западные обычаи и развлечения, презрительно относились к латинянам. Они считали их не более как кабатчиками или торговцами (Кид. Апол., I, 364.39—40). Византийцы по традиции свысока смотрели на все соседние народы, считали ненужным изучение иностранных языков. Но в палеологовский период, когда престиж империи стал падать, сама жизнь вынуждала к общению с иностранцами, к изучению языков. Однако умение вести разговор с иностранцами на их языке было доступно лишь единицам. Ватац, полководец Иоанна Кантакузина, изучал турецкий язык в общении с ними (Кант., III, 90.—II, 552). Дмитрий Кидонис, первый министр при дворе Иоанна Кантакузина, начав изучать латинский язык и в связи с этим общаясь с итальянцами Галаты, вызвал этим недовольство со стороны высоких сановников (Кид. Апол., I, 369. 91—97). Мануил II Палеолог ощущал неудобства при налаживании политических контактов из-за языкового барьера⁸².

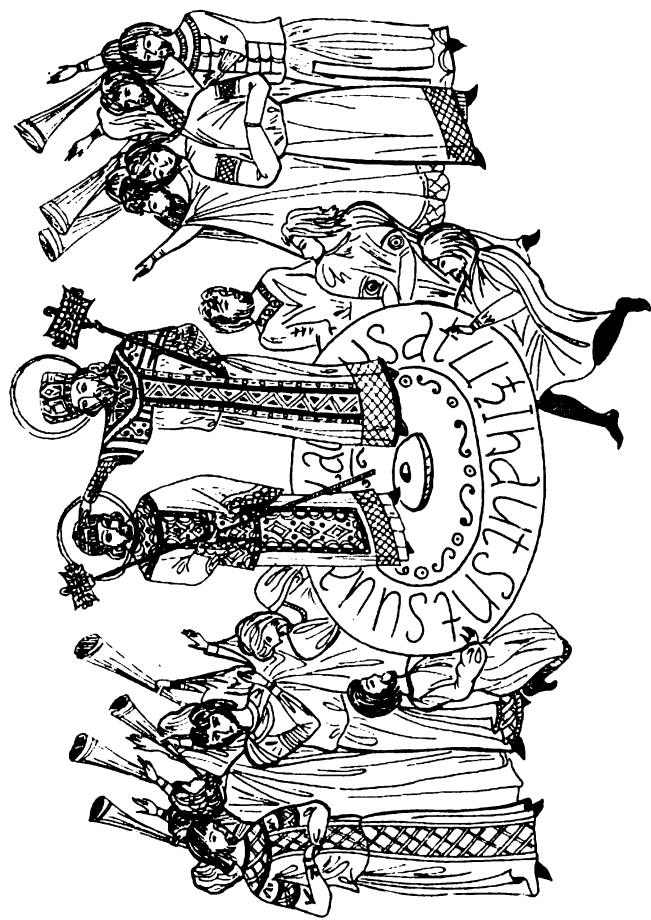
Обрядность, следование ритуалу характерны для поздневизантийской эпохи. Сохраняемые из поколения в поколение обряды коронации императора и возведения в сан патриарха были большими событиями в жизни столицы, не только порождая у византийцев и их соседей уверенность в прежней крепости государства, но являя собой пышное зрелище.

Коронация императора (Пс.-Код., VII, с. 252—273) совершалась в главном храме столицы. Этот акт к XIV веку приобрел более религиозный характер, нежели в предшествующие века⁸³. Вначале коронуемый передавал патриарху текст символа веры с торжественными обещаниями императора быть верным сыном церкви

(Там же, VII, с. 253.—4—254.25). Далее следовала центральная по своей пышности и адресованная прежде всего к зрителям церемония поднятия на щите, до XIII века в течение нескольких столетий не проводившаяся (Там же, VII, с. 255.20—266.14). Императора поднимали на щите (Григ., IV, 1.—I.78.1—3; Пахим, II, 4.—, 97.2—6), чтобы он был хорошо виден стоящим кругом олпам (Кант., I, 41.—I, 197.1). Щит с императором держали спереди патриарх и первый сановник государства, а по бокам и сзади — другие высокие сановники. В случае коронации соправителя — сына императора его тоже поднимали на щите, который держали отец — патриарх, а по бокам и сзади — сановники высокого ранга. Обычный для Византии ритуал коронации опроверждался актом миропомазания⁸⁴. Вслед за выходом из алтаря патриарха в полнейшей тишине по его знаку поднимался на амвон император для совершения миропомазания, после чего звучало «Свят!», провозглашаемое патриархом и трижды повторенное архиереями, затем народом (Пс.-Код., VIII, 257.26—258.29). Вынесенная из алтаря стемма возлагалась патриархом на голову императора при возгласении «Достоин», трижды повторенное вслед за патриархом духовниками и народом. При коронации сына — соправителя стемма возлагалась императором и патриархом (Там же, VIII, 259.9—22). Коронуемый император принимал непосредственное участие в совершаемой литургии. В определенный момент он входил в сопровождении дьяков в алтарь, брал кадило, кадил на престол, а затем на патриарха, который, приняв у него кадило, кадил на императора (Там же, VIII, с. 267.20—268.38).

Описание деталей коронации Андроника III (Кант., I, 41.—I, 196.8—204.3), Иоанна Кантакузина (Там же, II, 92.—II, 564; IV, 4.—III, 29), Мануила II⁸⁵ позволяет представить зрелищность этой торжественной церемонии. На ней следовали пиршества, продолжавшиеся несколько дней. Народу щедро разбрасывались золотые и серебряные монеты⁸⁶.

Церемония избрания нового патриарха, состоявшая из нескольких этапов, начиналась с его возведения (Пс.-Код., X, с. 277—281). Оно происходило в Большом императорском дворце, где в одном из триклиний устанавливалось деревянное возвышение, которое покрывалось

53. Поднятие императора на ште во время коронации. По мотивам миниатюры XIII века, Мадрид

материей пурпурного цвета. На этом помосте ставился императорский золотой трон, к которому вело несколько ступеней. Трон был скрыт за этими златоткаными занавесями. Во второй части триклиния, также отделенной занавесями, находились архонты в парадных одеждах. В пространстве от стены до царского места стоял трон голубого цвета, покрытый златотканой материей. Император и избираемый патриарх, скрытые занавесями, проходили к своим тронам и садились. Затем занавеси, делившие триклиний на три части, поднимались; император и патриарх одновременно вставали. Архонты провозглашали здравицу в их честь. Один из наиболее уважаемых архонтов брал патриарха за руку и вел к возвышению, на котором стоял императорский трон. После приветственных слов василевса присутствующие провозглашали многолетие. Патриарх, поднявшись по ступеням, ведущим к императорскому трону, брал жезл из рук императора, благословлял его и направлялся к своему трону. Золотой патриарший жезл был украшен драгоценными камнями и жемчугом (Сфранд., III, 11, 305.4—6). Затем занавеси закрывались. Император удалялся в свои покои. Патриарх верхом на коне, покрытом белоснежной или белой с золотыми украшениями попоной, отправлялся в храм св. Софии⁸⁷. Войдя в алтарь, патриарх надевал епитрахиль и омофор, брал кадильницу и кадил вокруг престола и горнего места. Праздничной была процедура хиротонии и интронизации патриарха (Пс.-Код., X, с. 281—283). Торжество заканчивалось трапезой, которую новоизбранный патриарх устраивал в своих палатах для архиепископов.

Одной из сохранившихся в Византии XV века публичных церемоний являлся праздник вхождения императора-победителя в Константинополь. При никейском дворе триумф проводился обычно в вербное воскресенье. Путь победителя до церкви, где проходил торжественный молебен, был усыпан миртами и лаврами. Из толпы, наблюдавшей шествие, слышались возгласы никитрии — клича в знак одержанной победы⁸⁸.

Михаил VIII Палеолог после победы над латинянами был встречен митрополитом у Золотых ворот с иконой Богородицы. Автократор снял калиптру и встал на колени перед изображением покровительницы столицы. Те, кто вошел с императором в город, также пали ниц. После

окончания первой молитвы все встали и возгласили сто раз «Господи, помилуй!». Затем была произнесена другая молитва, за которой последовало то же возгласение. После окончания всех молитв император вошел в Золотые ворота. Перед ним несли икону Богоматери Одигитрии, которая была для него путеводительницей (Пахим., II, 31.—I, 160; Акроп., 88. 186—187). Благодарение Одигитрии входило в ритуал победителя. Иоанн Кантакузин, войдя в Константинополь в 1347 году после пяти лет внутренних войн, прежде всего принес благодарность Богоматери (Кант., III, 99.—III, 607).

Вхождение в столицу императора-победителя было праздником для населения. Стены домов украшались ветвями лавра и розмарина, крестами и венками из цветов, выставлялись ковры, роскошные ткани, вывешивались серебряные светильники⁸⁹.

Торжества в Константинополе по случаю одержанной победы иногда сопровождались демонстрацией народу поверженных и взятых в плен врагов. Так, после победы Михаила Палеолога над латинянами закованных в цепи пленных в изорванной одежде возили по улицам столицы. Император, видимый всем, стоял на возвышении у Влахернского дворца. Пленники сидели на лошадях поженски — боком, что подчеркивало униженность их положения. В руках у каждого как знак поражения было бумажное копьё. Толпа стояла с обеих сторон процессии, слышны были выкрики, смех, насмешливое посвистывание (Пахим., VI, 33.—I, 515—519).

Толпы народа собирали такие события, как посещение императором или его наследником какого-либо города. Феодору Ласкарису была устроена торжественная встреча в Филадельфии, чуть было не испорченная тем, что мул, на котором выехал встречать наследника престола проскафимен города, испугавшись шума, криков ликующей толпы, вдруг стремительно понесся, заставив седока кричать от страха, что позабавило наследника престола⁹⁰.

Торжественным был по традиции прием императором иностранных послов. Обычно император был до начала процедуры приема скрыт за занавесями. Будучи раздвинутыми, они открывали прибывшим в страну иноземным послам торжественное зрелище — восседающего на троне василевса, высказывающего по ходу приема свои решения (Пахим., II, 25.—I, 136).

Один из праздников столицы был связан с приездом императорской невесты, которая должна была прежде всего посетить монастырь Пиги (Пс.-Код., XII, с. 286). Вслед за этим следовал прием невесты женихом и его отцом⁹¹.

Предсвадебные торжества особ императорской семьи являли собой пышное зрелище⁹². Так, представление дочери Иоанна Кантакузина Феодоры народу перед ее браком с турецким правителем было очень эффектным. На равнине перед Селимврией, где находился султан, был сооружен деревянный помост, закрытый со всех сторон длинными шелковыми, ткаными золотом, занавесями. Рано утром, до начала торжества, невеста вышла из императорского шатра и поднялась на помост, скрытая от глаз собирающихся людей. Император, восседая на коне, находился рядом с помостом. С ним были пешие воины. По данному знаку занавеси раздвинулись, и невеста стала видна всем. Одновременно перед помостом вспыхнули факелы в руках коленапоклоненных евнухов, не видимых для стоявшей сзади толпы. Горение факелов в утреннем свете создавало ощущение сияния. Зазвучала музыка — играли флейты, трубы. Хор певцов исполнял песнь в честь невесты. После этого для войска, а также для присутствовавших на празднике византийцев и турок последовало угощение, длившееся несколько дней. Затем невеста с пышным сопровождением направилась в резиденцию жениха, где ей был устроен праздничный прием (Кант., III, 95.—II, 587—588).

Песни для хора, певшего на свадебных торжествах высоких особ, писались обычно известными риторами, иногда бывшими и влиятельными сановниками. В качестве примера свадебной песни можно привести строки из стихов, написанных хартофилаксом царского двора Николаем Ириником (XIII век) по случаю бракосочетания Иоанна III Дуки Ватаца и дочери Фридриха II Гогенштауфена Анны. Первый хор вел тему зеленого плюща, обвивающегося вокруг пальмы: «Сегодня только начал плющ вокруг пальмы стройной виться, // увидит завтра стар и млад, какой любовью любит // невесту милую жених, как пылко обнимает, // целует локоны ее вокруг шеи лебединой». В основе песни второго хора, стоящего с противоположной стороны, лежал образ железа и магнита: «В бою непобедим,— сражен тростинкой

тонкой, слабой. // Кольчуга, меч, походный плащ отброшены далеко... Железу любится магнит, жених своей невесте — // отважный вождь прелестнейшей из девушек прелестных» (Пам., с. 333—334). Песни исполнялись хорами в церкви во время венчания и при выходе свадебной процессии из церкви. В стихах Николая Ириника слышны отзвуки народных свадебных песен.

После венчания начинались празднества. Пиршества по случаю заключения брака сына болгарского царя Александра Михаила и дочери Андроника III проходили в течение восьми дней на лугах вдоль реки Тунджа, в предместье Андрианополя (Кант., II, 34.— I, 508—509). Для упомянутого Георгием Акрополитом брачного пира заранее отбирали овец, свиней и волов (Акроп., II.—18. 10—15). Венчание Иоанна VIII Палеолога с Софией Монферратской представляло для современников «праздник из праздников и торжество из торжеств» (Сфранд., I, 36, 111.1—5).

Траур тоже был торжественным, представляя собой впечатляющее зрелище, особенно если речь шла о смерти императора, членов его семьи или высоких сановников. Иоанн Кантакузин описал церковную службу по поводу похорон Андроника III. Печальное событие собралось в столицу множество людей. Количество иереев было столь велико, что св. София, самый большой византийский храм, не вмещал всех (Кант., III, 1, с. 15—16). пышность и роскошь обстановки, обилие освещения, множество собравшегося народа, торжественность мелодий дали основание свидетелю похорон Иоанну Кантакузину назвать их красивым, изумительным зрелищем (Там же, 16.— 6—7).

Объявлявшийся по умершему императору траур (Григ., VI, 1.— I, 159.17—20) обещал населению разнообразные впечатления. По случаю траура были предусмотрены специальные парадные одежды. Траурным для императора был белый цвет, для сановников и всего народа — черный (Пс.-Код., XI). Позднее, соблюдая траур, император мог надеть одежды лимонного цвета, сначала без каймы, потом с каймой, а затем — снова вернуться к белому одеянию (Там же, XI, с. 284).

На девятый день после смерти совершалась торжественная панихида с целью поминовения усопшего с исполнением траурных гимнов (Пахим., I, 19.— I, 55.11—13;

Григ., III, 3.—I, 65.9; IX, 14.—I, 463.19—20). До девятого дня сановники в черной одежде должны прийти поклониться императору, после чего они могли надевать зеленое платье (Пс.-Код., XI).

Пышными и зрелищными были и похороны знатных людей или просто богатых горожан. В представлениях современников они были связаны с псалмами и песнопениями, хвалебными речами ораторов, множеством свечей, собранием сановников при выносе тела, криками и слезами родственников, погребальными причитаниями плакальщиц (Макр. Диал., 214.30—215.1). Бурные и громкие проявления горестных чувств были естественными для этого времени. После речи Никифора Григоры у гроба Андроника II «поднялся величайший вопль...» (Григ., X, 1.—I, 472.6—8). Некая кесарисса, оплакивая недавнюю потерю — смерть мужа, «царапала себе щеки и ногтями извлекала из них струи крови» (Там же, VIII, 14.—I, 381.13—14).

Стефан Сахликис, сравнивая похороны богача и бедняка, отмечал, что, когда хоронят первого, «громко бьют в колокола, собираются священники, возносят к небу псалмы», на похоронах же бедняка «очень тихо поют, в колокола не бьют, хоронят, возвращаются и больше ни слова»⁹³.

Большим событием в жизни византийцев были религиозные праздники — рождество Христа и богородицы, пасха, троица, многочисленные дни святых. Церковная служба по случаю праздника была пышной и собирала много верующих, особенно если ее вел патриарх или архиепископ. Ощущение праздника начиналось со звона колоколов. Славословие, благодарственные гимны, звонко звучавшие голоса хора мальчиков, парадные одежды священников, обилие света, яркие блики на золоте икон и мозаик храма создавали атмосферу особой торжественности⁹⁴.

Богослужебные песнопения — псалмы, гимны — исполнялись в соответствии со сложившейся традицией: акафисты исполнялись стоя при участии всех присутствующих на богослужении, антифоны же пелись попеременно находившимися на обоих клиросах. При исполнении заключительной части канона (катавасии) певчие сходили с клироса на середину церкви. В канон входили богослужебные песни, близкие по содержанию — их мог-

ло быть две, три и т. д. до девяти. Первый стих каждой песни канона — ирмос — пелся, а следующие за ирмосом стихи — тропари — и читались, и пелись.

Православному богослужению не был чужд драматический элемент. Он присущ многим чинам — освящения церкви, омовения ног, новолетия, коронации, поставления в сан.

Чин омовения ног в четверг на страстной неделе представлял собой драматическое действие, кульминацией которого был известный диалог. Петр: «Тебе ли умывать мои ноги?» — Святитель: «Что я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». Петр: «Не умоешь ног моих вовек». — Святитель: «Если не умою тебя, не имеешь части со мной». После этого епископ, изображавший Петра, встав и показывая правой рукой к ногам, говорил тихим голосом: «Господи, не только ноги». Протягивая руки, он продолжал: «Но и руки». Подняв их, Петр показывал на слегка склоненную голову: «И голову». На это следовал ответ Святителя: «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все»⁹⁵.

Наиболее впечатляющим был чин пещного действа. Русский путешественник конца XIV века Игнатий Смолянин в неделю перед Рождеством видел этот чин в константинопольском храме св. Софии⁹⁶. В основу его был положен знакомый всем библейский сюжет. Иудейские юноши Анания, Мисаил и Азария, попав в плен к вавилонянам, служили при дворе царя Навуходоносора. Последний, сделавши золотого истукана, потребовал от своих подданных поклонения ему. В противном случае полагалось сожжение в печи. Юноши, согласно вере которых идолопоклонство было запрещено, отказались от поклонения золотому идолу, за что Навуходоносор повелел сжечь их в печи. Но спустившийся ангел вывел огонь из печи наружу, что помогло юношам спастись⁹⁷.

Приготовления к действию начинались с предшествовавшей Рождеству недели. В среду разбиралось большое паникадило, находящееся в центральной части собора над амвоном. В субботу амвон сдвигался за левый клирос и на его месте воздвигалась деревянная решетчатая печь (немного похожая на убранный амвон), а вокруг нее — железные шандалы с витыми свечами. На крюк, где висело ранее паникадило, вешалось изображение сде-

ланного из пергамена ангела. Его можно было при помощи веревки поднимать и опускать⁹⁸.

Действующие лица чина имели особую одежду. Отроки были одеты в стихари из тонкого полотна с бархатными оплечьями; их шапки были сделаны из кожи, подкрашенной белым и золотым цветом, с меховой опушкой и с медным крестом в верхней части. Халдеи, мучители отроков, были одеты обычно в красные суконные платья. На их головах были шапки, похожие на шапки отроков, но из худшего материала и без креста. Роли отроков исполняли певчие, а халдеев, по всей вероятности, служащие церкви⁹⁹.

Пешное действо происходило либо в неделю святых праотец (если Рождество приходилось на понедельник или вторник) или в неделю святых отец, т. е. примерно за неделю до рождества. Чин входил в состав утренней службы. Он соответствовал исполнению седьмой и восьмой песен канона, тексты которых были составлены на основании Книги пророка Даниила. Песни канона исполнялись антифонно после соответствующих возглашений домашнего хорами правого и левого клиросов.

Когда клирики начинали петь седьмой стих, наставник шел к иконе, делал перед ней три поклона, кланялся до земли архиерею и обращался к нему: «Благослови, владыко, отроков на назначенное место представить», на что тот отвечал согласием. Поклонившись, «учитель отроческий» шел быстро в алтарь через северные ворота и выводил связанных за шеи длинным полотенцем отроков. Халдеи брали концы полотенца и вели связанных отроков (один из халдеев шел впереди отроков, держащих друг друга за руки, другой сзади). Отроки останавливались посредине храма, а халдеи показывали им пальмами (пальмовыми ветвями, ствол которых украшен красным бархатом) на пещь. После этого следовал такой разговор¹⁰⁰. Первый халдей обращался к отрокам: «Это дети царицы?» Второй халдей «подваивал»: «Царицы». Первый халдей: «Видите эту пещь, огнем горящую и пылающую?» Второй халдей: «Эта пещь уготовлена вам на мучение». Далее следовали реплики отроков. Анания: «Видим мы пещь сию, но не ужасаемся, ибо есть бог наш на небеси. Ему мы служим — и может он взять нас из пещи сей». Азария: «И от рук ваших избавит нас». Мисаил: «А сия пещь будет не нам на мучение, но вам на

обличение». Затем связанные отроки шли к святительскому месту, кланялись и пели соответствующий стих. В это время на алтаре зажигали свечи отроков, наставник развязывал отроков. Они по одному подходили к архиерею, получали его благословение и зажженную свечу. Поклонившись архиерею, отроки возвращались на прежнее место. После этого халдеи брали отроков под правую и левую руки и тихо вводили их в пещь — сначала Аналию, потом Азарию и вслед за ним Мисаила. После этого закрывали двери пещи, приносили горн с горячими угольями и ставили под пещь. Протодиакон, поклонившись в пояс трижды иконе и до земли — святителю, проходил на предназначенное ему место и громко пел, обратившись лицом к святителю: «Благословен, господи». Находящиеся в пещи отроки пели этот же стих. Далее следовало обращение к богу: каждая строка стиха сначала произносилась протодиаконом, а затем пелась попеременно то отроками, то диаконами. Когда протодиакон произносил стих «Ангел господен, снизойди», халдеи падали ниц. При последних словах этого стиха «сотвори среди пещи, словно воздух прохладный шумит» ангел с громом спускался сверху в пещь. В венце ангела отроки зажигали три свечи. Следовали возгласения протодиакона, голоса диаконов правого и левого клиросов и отроков, заканчивавших седьмую песнь канона. Отроки обходили пещь.

В начале восьмой песни канона, представляющем благословение и превознесение господя, отроки еще дважды обходили пещь и, поклонившись ангелу, пели тропарь, под звуки которого ангел медленно подымался вверх. Халдеи, открыв двери пещи, вели отроков по одному к святительскому месту, где они поклонялись епископу. Затем многократно звучало многолетие и начиналось пение девятой песни канона под звон колокола¹⁰¹.

Для византийской церкви в целом характерна передача сюжета Священного писания не столько через действие, сколько голосом, т. е. очень условно. Не случайно писатель XIV века Симеон Солунский, критикуя католическую церковь за допущение в храм мистерий, воспроизводящих малейшие детали в жизни Иисуса Христа, писал: «Если же они будут укорять нас за пещь отроков, то нисколько не поразят нас, потому что мы не зажигаем пещи, но употребляем восковые свечи с огнем

и возносим по обычаю фимиам богу, и изображаем ангела, но не посылаем (в пещь) человека. Мы только допускаем, чтобы поющие чистые отроки, как те три отрока, воспевали их песнь, как предано» (Патр. гр., т. 155, колон. 113)¹⁰².

Театральность была присуща всем службам, особенно праздничным. Николай Кавасила так описывает акт внесения честных даров в алтарь: «Священник, совершив громогласно славословие богу, идет к дарам и, благоговейно подняв их на главу, выходит. Неся их таким образом, он входит в алтарь и нарочито идет по храму спокойно и торжественно. Сами же (верные) поют и со всяким смирением и благоговением наклоняются пред ним, прося, чтобы он при возношении даров помянул их. А он идет в предшестве свечей и фимиама и в таком чине вступает в алтарь» (Бож. лит., 24). Несомненно, эффект воздействия на верующих был велик. Кроме того, они чувствовали себя участниками происходящего.

Многие праздники имели давний ритуал. Так, в день Введения во храм приносились для благословения чаши со зрелой пшеницей и спелыми плодами (Пахим., VI, 12.—I, 453).

Несмотря на несомненную театральность, византийская литургия не проделала эволюции западноевропейского театра, вышедшего сначала на паперть, затем в пределы церковной ограды и вылившегося на городскую площадь. Одну из причин этого следует искать в том, что на Западе инициативу организации площадной мистерии взяли на себя цехи, бывшие самостоятельными, энергичными организациями, родившимися в борьбе за их свободу от сеньора. Особенности развития византийского города, отчетливо проявившиеся в поздний период, определили то явление, что в империи не было условий для появления массовой городской культуры, в том числе и театра.

Религиозные праздники отличались не только церковными службами. На Рождество в императорском дворце выступали музыканты — флейтисты, трубачи, цимбалисты, свирельщики (Пс.-Код., IV, с. 197. 14—19).

На пиксиде из слоновой кости, относящейся к поздне-византийскому времени, наряду с торжественными фигурами императоров изображены музыканты и танцоры в

различных поворотах, отражающих быстрое движение¹⁰³. Часто торжественное было соединено с, казалось бы, несовместимым — фарсами, шутовским. Возвращение на престол патриарха Исайи сопровождалось уличной процессией, состоявшей из веселой скоморошьеи группы, в которой «шли с веселыми песнями флейтисты и флейтистки, танцоры и танцовщицы. Одна из флейтисток, выделявшаяся среди всех красивой наружностью, сев на коня в мужской одежде... бесстыдными и пошлыми шутками легко возбуждала нескромный смех...» (Григ., IX, 6.—I, 424.22—425.11).

Праздники сопровождались обильными трапезами. Никифор Григора вспоминает об одной из сырных недель, в продолжение которой люди предавались роскошным пирам и попойкам (Григ., VIII, 5.—I, 303.6—8).

Патриарх получал по праздникам от императора большое количество серебряных и медных денег, которые завязывались в обрывки платка — эпикомпия — и разбрасывались на всем пути церковного хода (Пахим., IV, 18.—I, 293.16—294.3).

Устройство торжественных процессий и зрелищ в дни больших праздников входило в круг обязанностей императора перед своими подданными. Григора с сожалением пишет, что Андроник III часто пренебрегал этим (Григ., XI, 11.—I, 565.19—566.3).

Несмотря на сокращение в целом церемониала праздников, торжественные выходы императора, являвшиеся пышными зрелищами, были по-прежнему заметными событиями в жизни столицы. Наиболее значительными были выход василевса к порфировой колонне на форуме первого сентября, в монастырь Лива на праздник Рождества Богородицы, в день Иоанна Златоуста — в храм св. Софии, в день Введения во храм — в монастырь Богоматери Перивлепты, в дни Василия Великого, св. Георгия, св. Апостолов, в Лазарево воскресенье — в монастырь этих святых (Пс.-Код., V, с. 242—247).

Эмоционально впечатляющими были праздничные дни, организуемые монастырями. Константинопольский монастырь Богородицы Одигитрии, по свидетельству путешественников XIV и XV века, традиционно по вторникам устраивал церемонии выноса иконы. Вокруг монастыря собирались многочисленные толпы народа — как столичных жителей, так и приехавших из других городов.

Мужчины стояли впереди, женщины сзади. Изображение Богоматери, написанное на камне, поднимал один из двадцати человек, специально для этой церемонии одетых в длинные одежды из красного льна, покрывавшие головы. Икону выносили на большую площадь, которую несущий должен был обойти пятьдесят раз. Затем его сменяли другие — и так в течение всего дня под звуки исполняемого певчими «Господи, помилуй!». Площадь перед монастырем Одигитрии становилась центром праздничной оживленности. В этот день здесь же в связи с большим скоплением народа организовывался рынок, где продавались самые разнообразные продукты ¹⁰⁴.

В константинопольском женском монастыре св. Феодосии праздничными днями были каждая среда и пятница ¹⁰⁵. Здесь хранились мощи святой в серебряной открытой раке. Мощи считались чудодейственными и собирали на поклонение больных людей, жаждущих исцеления, а также любопытствующую публику. Больные, пораженные различными болезнями, лежали и стояли у входа в монастырь. Собравшиеся ставили свечи, раздавали милостыню. Певчие пели с утра до двух часов дня. Привлекал больных и монастырь Пиги, в воду которого верили как в целебную ¹⁰⁶.

Монастырь Лива славился своими службами, которые проводились четыре раза в неделю, помимо праздников и воскресных дней. После каждой службы раздавалось восемь хлебов. Торжественным днем монастыря было восьмое сентября, когда в монастырь являлись члены императорского двора. Служба проходила в особенно торжественной обстановке, при обилии освещения ¹⁰⁷. Монастырь бл. Надежды в день праздника покровительницы Богоматери украшался гирляндами из роз. Это было настолько впечатляющим, что турки, захват которыми Константинополя совпал с праздником монастыря, называли его мечетью роз ¹⁰⁸. Некоторые монастырские праздники, бывшие очень торжественными, проходили только в присутствии своей братии. Народу после службы раздавали хлеб и вино ¹⁰⁹.

Многие монастыри имели свои реликвии, собиравшие желающих увидеть их. В константинопольском монастыре Космы и Дамиана хранилось изображение голов святых в золотой оправе ¹¹⁰. Монастырь Богоматери славился двумя реликвиями — отпечатками ног апостола

Павла и головой св. Василия¹¹¹. Монастырские святыни привлекали как паломников, так и столичных жителей.

На улицах городов и деревень можно было встретить юродивых и странствующих отшельников. Патриарх Филофей, описывая жизнь св. Саввы, рассказывает о том, как он, стараясь лишиться свое обнаженное тело привлекательности, умышленно сел в небольшой городской водоем (дело происходило на Кипре), полный тины, червей, грязи, гниения и зловония (Житие Саввы, с. 45). Этот его поступок собрал зрителей, некоторые плакали от умиления и сострадания. Но не всегда реакция зрителей на поведение странствующего «святого» человека была однозначной. На того же Савву как-то обрушилась уличная толпа, в которой не было «ни мужчины, ни женщины, ни дитяти, ни юноши, кто бы не отнесся к нему с большим или меньшим бесстыдством и бранью, бросая в него камни, и пылью и навозом посыпая..., а также понося его» дурными словами (Там же, с. 50).

В народе живы были традиции старых обычаев, среди которых прежде всего следует назвать празднества русалий и брумалий¹¹². Русалии проводились в субботу накануне троицы. Они сопровождались играми, танцами, выступлениями мимов. Зрители обычно вознаграждали выступавших какими-либо дарами. В ходе праздника в одной из македонских деревень возник конфликт, когда разгуливающая молодежь стала требовать сыра от пастуха. Отказавшийся выдать требуемый дар пастух был убит. Разбравший этот казус архиепископ Димитрий Хоматиан назвал народные обычаи русалий и брумалий «бесовскими играми»¹¹³. Несомненно, можно найти черты сходства византийских русалий с «майскими играми» средневековых народов¹¹⁴. Народные гуляния поздневизантийского времени обычно сопровождались хороводами, песнями. В трактирах, на рыночной площади, на перекрестках дорог, в притонах пели под кифару и плясали, кривляясь, шуты и пьяные (Маз., 16, с. 103; 17, с. 104). На рынке забавлял народ цыган с медведем (Четв., с. 238. 846).

Народными гуляниями зачастую сопровождались и религиозные праздники, что не могло не вызывать возмущений у служителей церкви. Иосиф Вриенний заметил, что его современники ведут себя постыдно в дни священных празднеств, увлекаясь «хороводами и вся-

кими сатанинскими песнями» (Кукулес, т. V, с. 216).

Нередко дома знати посещали бродячие скоморохи. По описанию Феодора Ласкариса, зашедшие однажды в его дом скоморохи изображали сцены из народной

54. Скоморохи. По миниатюре второй половины XIII века, Мадрид

жизни, создавали свалку с тумаками и пощечинами, что особенно нравилось зрителям. Двое из пришедших скоморохов составляли противоположность друг другу: один был высокий, другой — маленький; первый был крикуном, второй говорил тихо; один был глуп, другой хитер¹¹⁵.

Жители столицы, как и в прежние времена, были не

прочь развлечься каким-нибудь редким зрелищем. Так, в период правления Михаила VIII Палеолога был привезен из Эфиопии камелопард (жирафа) — животное, как описывает современник, с небольшим, как у осла, телом, горбатой спиной, длинной шеей, маленькой головкой, светлой с красно-коричневыми пятнами окраской, тонкими ногами с раздвоенными копытцами. Камелопарда, «будто какое-то чудо, ...каждый день водили по площадям для зрелища и удовольствия видевших» (Пахим., III, 4.—I, 177—178).

В поздней Византии сохранялся, как и в других странах эпохи средневековья, интерес к публичным жестоким зрелищам. Вероятно, Анна Савойская, мать Иоанна V Палеолога, не являла собой какого-то исключения, имея склонность бывать на казнях и получая от этого необычайную радость и наслаждение¹¹⁶.

Меры наказания были по-прежнему жестокими. Виновных или неугодных ослепляли (Там же, I, 8.—I, 24. 6—7; III, 10.—I, 191, 13—14; VI, 25.I, 493.7—8), им отрезали язык, отрывали ноздри (Там же, VI, 24.—I, 487, II.14; 489.4—5), секли, держали на весу (IV, 28.—I, 316.5—6). Герой «Превосходного повествования про осла, волка и лиса», обвиненный в краже одного листка салата, приговаривается как вор к следующему наказанию: «Мы по статье седьмой вполне законно поступаем: // тебе выкалываем глаз и руку отрубам. // А по двенадцатой статье ты должен быть повешен...» (Пам., с. 409).

Георгисм Пахимером описана следующая экзекуция. Обвиненному остригли на голове волосы, но не под корень, а так, «чтобы оставить пищу огню». Потом голову обложили просмоленным материалом и подожгли, чтобы она обгорела. Наконец, виновному отрезали ножом нос и полуживого отпустили на свободу (Пахим., VI, 24.—I, 492.17—493.2).

Вероятно, существовали ритуалы казней. Так, Георгий Акрополит отмечал, что «осужденному на казнь глаза завязывали красным льняным покрывалом» (Там же, 50.—95, 16—20).

Порой подобного рода зрелища одновременно были и средством информации населения. Когда Алексея Апокавка убили при посещении им тюрьмы, его окровавленный труп, повешенный на зубцах дворцовой стены, извещал жителей столицы о случившемся (Григ., XIV,

10.—II, 734.4—8). Анна Савойская, чтобы отомстить за убийство своего сподвижника, приказала умертвить лиц, причастных к преступлению, и пронести по улицам Константинополя их головы и руки (Там же, 739.7—11).

Велик был интерес византийцев ко всякого рода зрелищам, связанным с риском и опасностью. Большое впечатление на них производили выступления заезжих актеров. Так, трюки странствующих акробатов из Египта (Там же, VIII, 10.—I, 348—351), побывавших до этого в Аравии, Персии, Мидии, Ассирии, Иверии, Колхиде, Армении и других землях, собрали много зрителей в Константинополе. Подробное описание представления, названного современником «необыкновенным и чудесным», свидетельствует о зрительских вкусах жителей столицы. Один из трюков заключался в том, что акробат забирался на корабельную мачту, воткнутую в землю и соединенную сверху нетолстым канатом с другой мачтой и, упершись головой в ее вершину, поднимал обе ноги вверх. Затем он начинал вертеться колесом, уцепившись за протянутый между мачтами канат попеременно то руками, то ногами. Акробат стрелял из лука, стоя на середине протянутого каната; с мальчиком на плечах проходил весь канат. Другой из актеров, «поднявшись на лошадь, погоняя ее, на всем скаку стоял прямо то на спине, то на гриве, постоянно и смело перебирая ногами и принимая вид летящей птицы. Иногда он вдруг соскакивал с бегущей лошади, хватался за ее хвост и неожиданно появлялся опять в седле..., он опускался с одной стороны седла и, обогнув брюхо лошади, легко поднимался на нее уже с другой стороны и снова ехал. Занимаясь такими фокусами, он не забывал в то же время подгонять коня бичом». Жонглеры носили на голове палку длиною в локоть с полным сосудом воды на ее верхнем конце или длинное копье, снизу доверху обвитое веревкой, по которой взбирался мальчик. Другой фокусник, бросая вверх стеклянный шар, ловил его или мизинцем, или локтями. Во время представления один из актеров сорвался с мачты и тут же умер. Успех выступления был огромным: со зрителей были собраны «большие деньги».

Среди излюбленных развлечений знати следует называть охоту (Акроп., 61.—125.1—11). Охота требовала содержания огромных псарен. Собак для этой цели при-

возили порой из других стран. В начале XV века один из представителей знати, близкий к императорскому двору, выписал себе охотничьих собак из Арагона¹¹⁷.

Участие в императорской охоте, помимо того, что это было увлекательным развлечением для придворных кругов, позволяло подданным завязывать более короткие отношения с вышестоящими сановниками, а иногда даже с василевсом. Главный ловчий в ястребиной или соколиной охоте (протиеракарис) был весьма почитаемой фигурой при дворе, ибо он имел близкие контакты с императором. При Феодоре Ласкарисе протиеракарисом был один из братьев Музалонов, не принадлежавший к знатному роду, но связанный с императором годами детской дружбы (Пахим., I.8.—I, 24.4—5).

Много забот отдавалось знатными людьми содержанию псарен. Собака, персонаж поздневизантийской басни, говорит: «Я воспитываюсь среди людей, // в царских домах, при королевских дворах, // и в (домах) знатных рыцарей, больших охотников; // поят меня и кормят свежим, тушеным и жареным мясом, // держат (при себе), и гладят, и нежат, // надевают на меня ошейник с бубенцами-колокольчиками // и я охочусь на оленей, зайчиков, свинков, // диких коз и других подобных им, // а также и на сильных, больших зверей...» (Четв., с. 226. 249—259). Охота была дорогим развлечением. Никифор Григора упрекал в расточительстве Андроника III, державшего «великое множество охотничьих собак и птиц», поскольку это наносило урон государственной казне (Григ., XI, 11.—I, 566.3—13).

Охота являлась развлечением и для тех, кто не принимал в ней участия. Часто члены императорской семьи — женщины, дети — выезжали вместе с двором. Так, Ирина, супруга Иоанна III Дуки Ватаца, верхом на лошади сопровождала императора, чтобы посмотреть на охоту (Там же, II, 7.—I, 44.9—10).

Были склонны знатные мужчины также к спортивным и военным играм. Михаил Палеолог со своими друзьями любил конные скачки, развлекался «бросанием копья и гоньбою шара» (Пахим., II, 9.—I, 105.1—2). Игра с маленьким, величиной с яблоко, кожаным шаром — циканий — была одной из излюбленных в среде аристократической молодежи XIII века¹¹⁸. Две группы конников, держа в правой руке палку с натянутой струнами петель

на конце (типа ракетки), пытались захватить мяч и гнать его к заранее определенному месту. Эта игра проводилась в помещении типа манежа, но иногда молодежь была не прочь погонять мяч и прямо на площади перед дворцом.

Во времена правления Андроника III Палеолога, когда влияние латинян стало более заметным, распространилась мода на спортивную игру, заимствованную из Италии. Никифор Григора заметил, что одной из таких игр, проводимых в Дидимотихе Андроником III после траура по Андронику II, был придан «особый блеск». Игра состояла из двух частей. Первая представляла собой поединок, который у итальянцев назывался джострой¹¹⁹. Участники игры делились на филы, димы и фратрии. Затем от каждой части состязающихся выходил желающий померяться мастерством и ловкостью. Сражающиеся один на один бойцы были закованы с ног до головы в латы и вооружены копьем с тремя остроконечиями. Тот, кому удавалось сбить своего противника с лошади, провозглашался победителем. Вторая игра по итальянскому образцу называлась турниром. Две вооруженные палками стороны выбирали по жребию своих предводителей. Начиналось сражение, в котором, по условиям игры, могли быть раненые и даже убитые. Когда бой заканчивался, обе стороны, возглавленные своими предводителями, шли попарно в торжественном строю, возвращаясь на прежнее место. Император подносил вино участникам состязания (Григ., X, 3.—I, 482—483).

На константинопольском ипподроме в XIV веке по-прежнему происходили привлекавшие зрителей конные соревнования, однако он уже не был центром всей общественной жизни столицы, как в прошлые столетия¹²⁰.

Одной из игр, которым любили посвящать свой досуг дети, была ампра. Играющие делились на две группы, каждая из которых имела своего вождя, склад и место, окруженное ровом. В этом защищенном складе (ампре) держали пленных. Одна группа играющих детей преследовала другую. Прикосновением руки противник превращался в пленника. Проигрывала та группа, все игроки которой попадали в плен. О том, что игра была известна в XIV веке, свидетельствует «Морейская хроника» (5394—5395), где военачальник Фракии, глядя на мужчин, на-

ступающих и отступающих во время битвы, вспомнил детскую ампру¹²¹.

Другой детской игрой, имитирующей военные столкновения, был петрополемос. Игра проходила обычно за городскими стенами, и после окончания сражения победители триумфально входили в город. Две группы играющих разделялись рвом и метали друг в друга — либо руками, либо пращей — камни. Игра была очень опасной, кончаясь нередко травмами или даже смертью. Дука Крита в 1369 году запретил эту игру и ввел в случае непослушания следующие кары. Мальчики, достигшие тринадцатилетнего возраста, наказывались розгами и штрафом в пять иперпиров. Дети более младшего возраста подвергались лишь порке. Штраф для зачинщиков игры возрастал до десяти иперпиров¹²².

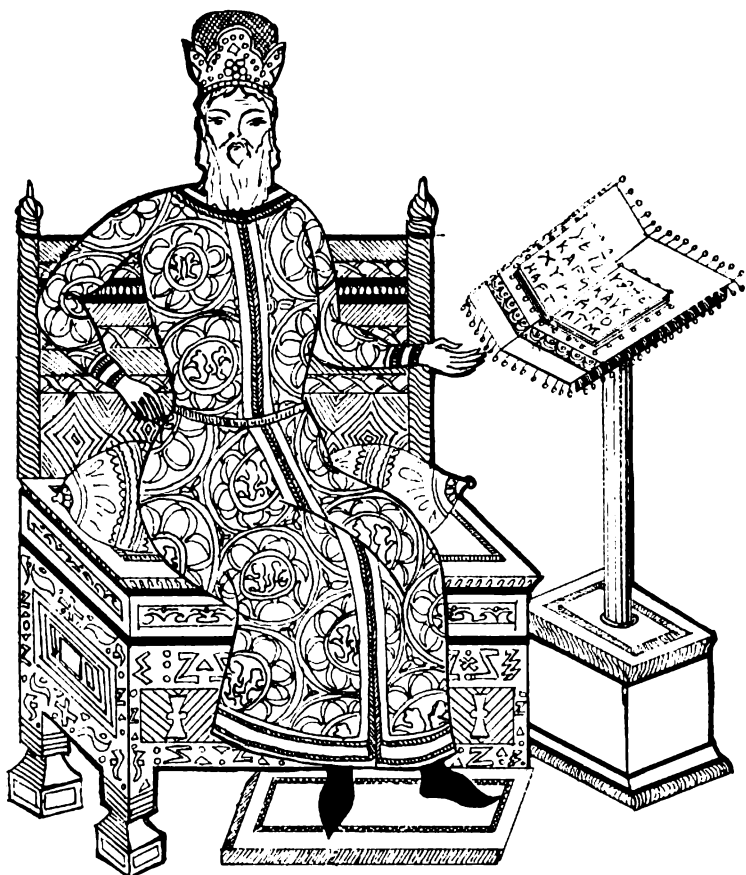
Наряду с «военными» играми, мальчишки любили и более мирные развлечения (например, искать птичьи гнезда в углублениях городских стен (Григ., IV, 7.—I, 192.2—3).

Взрослые мужчины не пренебрегали теми развлечениями, которые более характерны для детского возраста. В «бабки» играли как дети, так и взрослые¹²³.

Однако не только военные и спортивные игры привлекали мужчин. Некоторые из них были склонны к более тихим занятиям. Среди увлечений знати можно найти в поздневизантийских источниках упоминания о склонности к садоводству. Патриарх Нифон «искусно умел разводить деревья, ухаживать за виноградниками, производить постройки» (Там же, VII, 9.—I, 260, 3—5).

При императорском дворе были поощряемы занятия науками и литературой. В кругах знати считалось признаком хорошего тона иметь свой интеллектуальный кружок, где читались вслух и обсуждались сочинения писателей древности или опусы авторов, близких к этому кругу. Многие из образованных людей предоставляли свой дом для подобных сборищ, именуемых современниками «театрами» (Кид. Эп., 169.51, 210.8, 400.8). Чтение риторических сочинений иногда сопровождалось музыкой и пением (Там же, 262.82—83), эмоциональной жестикуляцией¹²⁴. «Театры» часто становились местом, где разгорались бурные дискуссии по философии, риторике, астрономии. Страсти порой накалялись до такой степени, что зрители чуть ли не камни кидали в неудоб-

ных ораторов (Там же, 78.20; 326. 17—19; 376. 29—32). Напротив, удачные выступления вызвали бурные рукоплескания и другие проявления шумного восторга ¹²⁵. Персонаж сатирического диалога, обращаясь к автору

55. Придворный. По мотивам миниатюры XIV века, Париж

ряда сочинений, рассказывает: «В театре перед риторами и философами я рецитирую твои речи и, слушая меня, одни вскакивают со своих мест от восхищения, другие сардонически смеются, иные кричат и умоляют Клото ¹²⁶ до срока оборвать на веретене нить твоей судьбы, чтобы

ты скорее сошел в подземный мир» (Маз., 18, с. 106).

Интеллектуальная элита создавала свой мир рафинированной образованности с ее аттическим греческим языком (в отличие от разговорного языка — койнэ). Речи, письма людей науки и литературы были полны иносказаний, тонко завуалированных намеков, понятных лишь сведущим людям. Так называемая «ученая дружба» была одной из форм общения в этом несколько искусственном микромире. Человек, избравший своей стезей научные штудии, обычно даже не вступал в брак, имея намерение отдать душу лишь высотам познания. Однако идеал человека науки не был совсем уж аскетичен: ученая деятельность в соответствии с античными образцами обычно сочеталась с активной государственной деятельностью¹²⁷.

В поздней Византии очень ценилась книга. Многие из императоров (Кид., Апол. с. 364.49—51) и знати скупали ценные манускрипты, собирая большие библиотеки.

При дворе Андроника II, склонного к занятиям астрономией, проявлялся повальный интерес к этой науке. Публично произносились доклады на астрономические темы. Так, в присутствии Андроника было заслушано поистине научное сообщение ученого Никифора Григоры об отставании принятого в Византии календаря, когда весеннее равноденствие уже не приходилось на 21 марта. Все, кто хотел быть замеченным, стремились приобщиться к астрономическим занятиям. И позднее занятия астрономией были популярны при дворе, часто не только в научных целях, но и из стремления заранее узнать судьбу. Автор сатирического диалога «Мазарис» заметил, что один из тех, кто вращался при дворе, «и в нужник-то не ходил без исследования неба астролябией» (Маз., 12, с. 95).

Однако и склонность к празднествам, связанным с обильным застольем, веселым разгулом, ночными похождениями, азартными играми, была в высшей степени характерна для кругов поздневизантийской знати и зажиточных горожан. Димитрий Кидонис противопоставлял спорящих о Сократе тем, для которых привычным делом были игра в кости и выпивка (Эп., 380. 40—42). Поведение пьяницы описано в произведении народной литературы XIV века «Плодослове». Напившись вина, мужчины «захмелеют, и не будут ведать, что они делают;

и будут они болтать несвязные словеса, всяческую несусразицу... и будут они шататься, опираясь о стены, от одного хлева до другого; и валяться будут они, как осел валяется по траве, и, падая, заголят себе зады. На улицах будут они дрыхнуть, в грязи гваздаться, свиньи будут их обнюхивать и кошки облизывать. И бороды у них вылезут, и куры будут их клевать, они же и не почуют...» (Пам., с. 410).

Поздневизантийские авторы пишут о публичных домах с флейстками и танцовщицами (Григ., IX, 11.—I.447.8—10); о любителях женских спален и мальчиков (Пахим., VI, 7.—I, 15—16; VI, 24.—I, 487.13—14). Часто в вечернее время можно было видеть молодых людей, разгоряченных вином, разъезжающих «на рьяных конях и наполняющих топотом от непристойных скачек коней улицы, площади, театры» (Григ., VI, 5.—I, 183.15—17). Желание огласить улицы неприличной громкой песней было привычно константинопольской молодежи, порой и из состоятельных семей. Сын одного придворного музыканта, персонажа поздневизантийской сатиры «Мазарис», обученный отцом искусству пения, вместо того чтобы исполнить что-нибудь при дворе или в церкви, «предпочел распевать дурацкие песни», «горланит в обществе развращенных и нечестивых юношей, пляшет и дурачится, беснуясь, как сумасшедший... на углах... и перекрестках, в трактирах и вертепах продажных женщин бряцает на кифаре, распушенно пляшет и совершает другие непристойности...» (Маз., 17, с. 104—105).

Внук императора Андроника II, будущий Андроник III, вступив в юношеский возраст, стал искать удовольствий и развлечений, столь обычных для столичной молодежи, но непристойных, с точки зрения Никифора Григоры, для царского отпрыска (Григ., VIII. 1.—I, 284—286). Сначала это были прогулки, псовая охота, а затем и ночные похождения. Однажды, испытывая пылкие чувства к одной знатной даме («гетере правом») и ревнуя к любовнику, он расставил вокруг ее дома засаду, что привело к нелепой случайности — убийству случайно проходившего здесь, закутавшись в плащ, брата Андроника деспота Мануила. Дед-император еще до ссоры, вызванной этим убийством, отказался пополнять кошелек Андроника. В таком случае молодым людям из знатных семей приходилось либо делать долги, либо вступать на

путь азартных игр. Алексей Макремволит писал, что из среды знати выходят «азартные игроки и сибариты» (Диал., 210.11—12). Стефан Сахликис не случайно советовал оставить азартные игры, не участвовать в ночных экскурсиях, а также предостерегал от козней гетер¹²⁸. Он предупреждал, что азартный игрок похож на рыбу, попавшую на крючок.

Дух подобных развлечений не был чужд и церковной среде. По замечанию Георгия Пахимера, глава адрианопольской церкви больше думал о нарядах и лошадях, чем о делах духовных (Пахим., IV, 21—22.—I. 302.6—9). Игумены напоминали Стефану Сахликису гетер¹²⁹. Сатирический диалог XV века рассказывает о молодом монахе, который со своей великовозрастной подружкой бегают повсюду — «на рыночную площадь, на сборища, на перекрестки и празднества, как поросенок за свиньей...» (Маз., 16, с. 103). Автор «Диалога» вспоминает и об одной монахине, побывавшей «уже в тысяче рук» (Там же, 6, с. 83).

В поздней Византии была очень распространена игра в кости. Она имела много вариантов¹³⁰. Никифор Хуми писал, что на масленицу все играют в кости и в шашки¹³¹. Популярна была игра в табли, затрикий (род шахмат)¹³². Один из персонажей «Рассказов о четвероногих» говорит, что из слоновой кости «знатные люди и купцы // имеют... предметы для игры: выточенные... // табли, шахматы (затрикий) и тому подобные вещи» (Четв., с. 239.920—240.921). Играли византийцы и в игру, называвшуюся у венецианцев ока. Она представляла собой род настольной игры¹³³. Спиралевидный эллипс был разделен на 63 квадрата, отмеченных либо цифрами, либо рисунками (гусь, мост, гостиница, источник, лабиринт, тюрьма, смерть). Подбрасывался кубик, и гусь (ока) ставился на соответствующий квадрат. Фигурка могла двигаться вперед или назад, соответственно смыслу изображенного на рисунке. Попавший в число 58, обозначающее смерть, начинал игру сначала. Тот, кто первым достигал числа 63, получал определенную сумму, размер которой оговаривался заранее.

Игра в кости принимала порой столь азартные формы, что дука Крита в 1350 году запретил ее. Монах Феодул (XV век) считал, что игра в кости может развлечь лишь дурных юношей.

Такая азартная игра, как карты, появилась в Византии лишь к самому концу ее истории. На картах были изображены герои мифологии и истории — Афина, Гера, Гектор, Александр Македонский, Карл Великий¹³⁴.

Характеризуя образ жизни и нравы поздневизантийской знати, писатели этого времени прежде всего называют стремление к роскоши и комфорту. Угодничество и лезть нижестоящих по отношению к тем, кто достиг социальных вершин, выделяются как черты, определяющие характер морали придворных кругов. Один из авторов этого времени писал, что дома богачей полны слуг, на улице же они появляются в окружении свиты льстецов. По Георгию Пахимеру, льстецы «могут слышать гармонию даже в кашле больного царственного дитяти» (Пахим., II.1.—I, 91. 5—6). Очень выразительно отражен образ жизни и нравы тех, кто принадлежал к знатым или состоятельным кругам, Алексеем Макремволитом: «Вы восседаете всегда на конях в окружении прихлебателей и льстецов; что ни день — вы в ослепительных одеждах; вы устраиваете празднества и увеселения; у вас постоянно роскошный стол; вы имеете богатые спальни, привлекающие глаз; в них заморские ткани, шитые золотом и серебром, иноземные цветные ковры. Вас окружают толпы друзей, восхваляющих вас, и свита слуг. Вы имеете дорогие купальни; о вашей жизни заботятся лучшие врачи, для вас — лучшие лекарства, благовонные мази и душистые корни из Египта... У вас — первые места в собраниях, изобилие вещей и связанные с ними наслаждения, всеобщее благоговение и почитание, немедленное исполнение ваших желаний и множество всякого добра со всех концов земли и моря» (Диал., 209, 10—24).

При характеристике нравов придворных и деловых кругов современники выделяли прежде всего мздоимство, клеветничество, наущничество (Сфранд., I, 10, 13—18). Императорский двор представлялся современникам «образцом болтливости и угодничества» (Кид. Эп., 114, 6—10). Сочинение «Плодослов» высмеивает подобиострастие, проявляемое по отношению к государю (в басне — к Айве) по поводу каждого высказанного им решения: «Многая лета, владыко государь Айва, многая лета! Яко тебе подобает царствие, единому из всех благородному воистину!» (Пам., 2, с. 410). Душной была атмосфера

двора и чиновничьего аппарата: выжидание санов, должностей и подачек, стремление выдвинуться, быть замеченным; «архитит завидует архититу..., архонт архонту, наварх наварху, судья судье, секретарь секретарю, писец писцу, ритор ритору, врач врачу...» (Маз., 18, с. 107).

Взяточничество считалось нормой деловых отношений (Пахим., III, 28.—I, 246.18—20; VI, 29.—I, 503.4—8). Стефан Сахликис, в начале своей адвокатской деятельности взяткок, навлек на себя неудовольствие со стороны коллег, поскольку мздоимство в суде было нормой¹³⁵. Набор тех моральных проявлений, который по традиции принято называть «византизмом», сохранялся до последних дней существования империи.

В поздней Византии процветали суеверия. Общественные неурядицы порождали мысли о приближении конца света. Даже в среде образованных людей были распространены гадания, предсказания, а иногда и магия.

Византийские авторы не раз обращались к сюжету о пророчествах Сивиллы, якобы правильно определившей число византийских императоров и патриархов и тем самым будто бы предсказавшей время гибели империи (Халкохонд., VIII.—405.21—22). Были специальные гадательные книги (библиа хрисмалогика), предсказывавшие будущее (Григ., VIII, 5.—I, 305.17; Пахим., I, II—I, 28.21).

В любом трудно объяснимом явлении или факте усматривали предсказания чего-либо недоброго. Так, якобы ржание лошади, изображенной на одной из стен дворца против молитвенного дома, вызвало большую тревогу при дворе Андроника II (Григ., VIII, 5.—I, 303—304). Великий логофет Феодор Метохит был обеспокоен изменением отношения к нему со стороны императора, поскольку он не находил объяснения этому событию.

Большое значение византийцы придавали сновидениям. Особенно прислушивались к толкованиям снов духовных лиц. Патриарх Иоанн Векк, увидев во сне несколько правителей, после долгого путешествия по ровному полю начавших переправляться через большую реку, предсказал их смерть в той последовательности, в какой они входили в реку (Пахим., II, 19.—I, 121). Афонский монах Савва на основании увиденного сна предска-

зал благоприятный для сторонников Паламы исход собора 1347 года ¹³⁶.

Видения тех, кто был причислен к лику святых, записывались. Энкомий патриарха Филофея в честь Григория Паламы содержит изложение многих видений последнего. Так, однажды Григорию представилось, что он держит в руках сосуд с молоком, внезапно закипевшим и начавшим выливаться, а затем превратившимся в ароматное вино, оросившее его руки и одежду (Патр. гр., т. 151, колон. 580 А—В). Видение святого рассматривали как знамение и стремились найти ему истолкование.

В связи с распространением эсхатологических настроений наблюдения за небесными светилами (Пахим., III, 23.—I, 223.13—224.3) приобрели особый смысл. Затмение луны или солнца рассматривалось как признак грядущей беды (Григ., IV, 8.—I, 108; VIII, 15.—I, 385—386; IX, 12.—I, 454). Например, если по наблюдениям луна была закрыта с южной части на 10 пальцев, то ждали угрожающей беды с южной стороны империи (Там же). Затмение луны, происшедшее в ночь на первое сентября 1328 года, было понято теми, кто его изучал, как указание на тайные угрозы дворцу (Там же, VIII, 5.—I, 385). Затмение солнца, затмение луны и землетрясения связывались современниками со смертью Андроника II (Там же, IX, 13.—I, 455).

Часто плохое самочувствие или неудачное течение дел объяснялось воздействием колдовских сил. Император Феодор II Ласкарис считал свою эпилепсию результатом колдовства (Пахим., I, 12.—I, 32, 12—13). Людей, применявших различные формы чародейства, побаивались, не желая испытать на себе силу их воздействия. Порой колдунов преследовали с тем, чтобы узнать цель их тайных действий против какой-либо персоны. Однажды заподозренную в чародействе старуху с тем, чтобы выведать цель ее колдовских действий, обнаженной посадили в мешок вместе с кошками. Кошек через ткань кололи шиповником, чтобы они вонзались когтями в тело старухи (Там же, I, 34.21—35.2).

Часты были случаи применения магии в кругах духовенства ¹³⁷. Так, один монах, стремившийся к достижению высокого сана, по совету некоего мага-каппадокийца использовал в качестве колдовского приема написанную в обратном порядке молитву с указанием лиц, от

которых зависела карьера. Этот листок с начертанными на нем особыми знаками должен был быть освещен светом ночных звезд (Патр. гр., т. 152, колон. 1338—1340). При патриархе Филофее в причастности к колдовству были обвинены монахи Фудул, Гаврилопул, протонотарий церкви св. Софии Димитрий Хлор, врач Сиропул (Там же, колон. 1433—1436). К содействию монахов прибегали и в любовных делах. Богатая Ексотрохина, стремясь выйти замуж, прибегла к помощи некоего Иакова, заплатив ему пять иперпиров. Когда последний не смог выполнить в течение долгого времени своих обещаний о воздействии любовных чар, Ексотрохина начала жаловаться. Собор в связи с этим лишил Иакова иерейства (Там же, колон. 1438—1439).

Гадания не были поощряемы церковью. Священник Димитрий Хлорос, обвиненный в магии, был заточен в монастырь Перивлепты (ММ, I, 282, 544—546). В январе 1365 года монах Гиларион из монастыря Продрома, заметив исчезновение нескольких золотых монет из своей кельи, обвинил в воровстве братьев Исайю и Меркурия. Чтобы доказать или опровергнуть их виновность, была приведена гадалка, но она, несмотря на свои обещания, не смогла найти вора. Синод отлучил трех монахов за использование магических средств (Там же, I, 228, 488—489). Отказ от занятий магией в случае чистосердечного раскаяния поощрялся церковью. Имя некоей Амарантины, оставившей колдовство, было упомянуто как положительный пример в послании патриарха Филофея к народу. Ей было выплачено сто иперпиров (Патр. гр., т. 152, колон. 1321, А—В).

У византийцев было принято и гадание по руке. Поперечная линия в верхней части ладони правой руки означала знак судьбы, продольная линия в центре ладони — линию жизни. На астрологическом рисунке XV века указательный палец имел знак Юпитера, средний — Сатурна, безымянный — Солнца, маленький — Меркурия, большой — Венеры. Соотношением линий на ладони определялась судьба человека ¹³⁸.

Некоторые рецепты лечения болезней свидетельствовали, что в Византии, наряду со знанием астрономии, фармакологии, умением оперировать с применением наркоза, уживались самые наивные суеверия относительно путей избавления от болезней. Вот одна из подобных

рекомендаций: «При зубной боли: нужно поймать речного краба и, вынув его правый глаз, приложи (к зубу?), самого же (краба) отпусти живым» (Мед. тр., с. 289).

Суеверия сохранялись еще и в сфере правосудия, хотя не были частым явлением. Кое-где в селах еще применялся «божий суд». При рассмотрении тяжбы по поводу земли применялась ставродиабасия — обход свидетелями границ земельного участка с крестом в руках и принесение присяги¹³⁹. Иногда обвиняемый в тяжелом преступлении испытывался огнем, ступая босиком на раскаленные угли или беря в руки раскаленное железо (Пахим., I, 12.—I, 33.6—10). Даже спорные вопросы теологии порой решались подобным же образом. Так, богословы пытались решить догматические споры двух церковных направлений, предав огню два манускрипта, содержащих религиозное кредо этих направлений (Григ., VI, 2.—I, 166.13—14). Порой в суде для определения правой стороны прибегали к поединку между обвинителем и обвиняемым (Пахим., II, 1.—I, 92.14—15).

Религиозная настроенность была в высшей степени характерна для поздневизантийского общества. Споры паламитов¹⁴⁰ и антипаламитов обрели широкую аудиторию. Обращенные к народу проповеди аскезы и анахоретства не могли не оставить следа. Стремлением к уединенности, к молитве была отмечена жизнь многих людей, как выходцев из знати, так и представителей низов. Слова Георгия Акрополита могли характеризовать не одного лишь деспота Иоанна: «Проводил целые ночи в молитве... было у него попечение о том, чтобы больше проводить времени в уединении и наслаждаться вытекающим отовсюду спокойствием, или, по крайней мере, находиться в близком общении с лицами, ведущими такую жизнь (Акроп., 42.—70.22, 71.4). Уход из политической жизни в монастырь был, как и прежде, обычным явлением. Пример Максима Ласкариса Калофера, который ушел в один из афонских монастырей, предпочтя суеи и излишествам придворной жизни состояние умиротворенности (Кид. Эп., 72), далеко не единичен. Стремление уйти от общественных дел объяснялось прежде всего тем, что современники не видели выхода из тех неблагоприятных коллизий внутреннего и международного плана, которые свидетельствовали о падении авторитета империи и приближении ее к катастрофе.

В целом в поздневизантийском бытѣ сохранялось стремление к соблюдению традиций предшествующих веков, особенно в сфере церемониала и празднеств. Это было обусловлено во многом причинами политического порядка, стремлением сохранить в окружающем мире свое прежнее реноме могущественного и богатого государства. Наряду с этим многие проявления быта и нравов испытывали более значительное, чем в предшествующую эпоху, воздействие христианизации. Особенностью, также присущей быту поздневизантийского времени, несомненно, являлось значительное присутствие иностранного влияния, преимущественно итальянского. И, наконец, быт византийцев, как аристократов, так и принадлежавших к демократическим кругам, нес отпечаток общего обнищания империи.

Послесловие

Византийский быт и нравы, имея в различные века существования империи много сходного, повторяющегося, в целом были определены конкретной ситуацией в ту или иную эпоху, реальными общественными отношениями.

Несмотря на кажущуюся близость, однозначность проявлений быта и нравов в различные периоды византийской истории, можно проследить их очевидную динамику, подверженность трансформации.

В ранней Византии в сфере быта и нравов, как и в других сферах общественной жизни, проявлялось столкновение двух тенденций — античной, позднеримской, языческой, с одной стороны, и средневековой, христианской, с другой. В это время началась постепенная христианизация быта и нравов. Особенно показательной становится тенденция к уходу в частную жизнь в отличие от присущей античной эпохе публичности.

На этапе VII—XII веков византийское общество стало средневековым. Основные проявления византийской цивилизации постепенно достигли общесредневековых канонов¹. Общественное мнение все более становилось зависимым от догматов христианской идеологии.

Поздневизантийский период характеризуется тем, что религиозные — мистические, эсхатологические — настроения в условиях тяжелого внешнеполитического положения империи становятся определяющими. Быт империи на всех социальных уровнях заметно беднеет. В сферу нравов и материальной культуры проникают иностранные, преимущественно итальянские влияния.

Перед авторами книги стояла сложная задача — реконструировать быт и нравы византийцев за очень продолжительный срок — тысячу лет. Разуместся, в этой ре-

конструкции невозможно было достигнуть полной адекватности всем проявлениям столь далеко отодвинутой от нас во времени эпохи. Кроме того, в книге представлены лишь наиболее характерные черты византийского быта, в силу чего она не может претендовать на то, чтобы быть справочником по рассматриваемому вопросу.

Не все периоды византийской истории представлены равноценно в описании быта и нравов византийцев. Как это ни парадоксально, более всего обеспечен свидетельствами эпохи более ранний период IV—VI веков. Довольно полнокровно отражено в источниках время X—XII столетий. Поздневизантийская же эпоха бедна как письменными свидетельствами о быте и нравах людей, живших в этот период истории, так и сохранившимися до нашего времени памятниками материальной культуры. Более всего это связано с теми политическими катаклизмами, которые приходится на поздневизантийское время. Многие книги, памятники искусства и быта, которые могли бы дать исследователям дополнительные сведения о характере эпохи, погибли в огне пожаров, были расхищены или уничтожены. В силу этого приведенный в книге материал источников не совсем равномерно «раскладывается» по периодам византийской истории.

В книге более всего отражены быт и нравы верхов общества. О повседневной жизни средних и низших слоев населения приводится лишь фрагментарная, не всегда выразительная информация. Это объясняется прежде всего происхождением большинства письменных источников из среды знати, придворных кругов. Лишь отдельные штрихи можно внести в характеристику быта и нравов низших слоев на основании юридических и документальных источников. Однако это не означает, что пути для дальнейшего исследования поставленных в книге вопросов применительно к группам низов населения империи закрыты. Нужно искать новые аспекты в подходе к старым, давно известным источникам. Кроме того, историки никогда не теряют надежд на обнаружение ранее неизвестных науке свидетельств той или иной эпохи.

Неравноценно освещен в книге быт города и деревни. В большинстве случаев деревенская жизнь не находила детального освещения в сочинениях византийских писателей. Памятники права, акты наследования, купли-про-

дажи, описи владений носят обычно трафаретный характер, не касаются часто конкретного казуса и дают скорее материалы для социологических наблюдений. Пожалуй, в исследовании быта и нравов византийской деревни нужно идти путем более тщательного изучения агиографии (многие святые были родом из деревни) и памятников народной литературы. В целом для византийской деревни были характерны нормы общинных отношений — взаимопомощь, крепкие родственные узы, добрососедство, круговая порука, передача традиций нравственности от поколения к поколению².

Поскольку Константинополь был мегалополисом во все времена, здесь были сосредоточены наиболее выразительные памятники архитектуры и живописи, здесь преимущественно жила византийская творческая интеллигенция, греясь в лучах императорской милости. Поэтому в книге и отражена преимущественно жизнь Константинополя. Будущие исследователи проблемы пойдут, вероятно, по пути самого тщательного изучения провинциальных источников.

Авторами освещены в основном быт и нравы греков. Сведения о других народностях Византии менее богаты. Предстоит большая исследовательская работа по аккумуляции материалов, характеризующих быт и нравы всех народов, населявших империю.

Много новых сведений может дать изучение быта и нравов в тех странах, которые находились в зоне влияния византийской культуры. Так, в нашей книге детали чина пещного действа (глава IV) описаны по исследованиям русской культуры.

Особенно богатый материал может дать исследование проблемы на русских, грузинских, армянских, болгарских источниках.

Памятники Древней Руси, несомненно, сохранили много свидетельств о византийской старине. К примеру, если бы у нас не было сочинений Константина Багрянородного или Лиутпранда, об устройстве византийского трона мы могли бы судить по описанию русского «царского места», повторившего (в уменьшенном виде) многие византийские детали, вплоть до рычащих львов³.

Конечно, византийские нормы быта и нравов распространялись преимущественно на сферу жизни русского двора, знати и церкви. Но и в народной жизни можно

найти многое, что характерно для региона Юго-Восточной Европы в эпоху феодализма⁴.

Источники по истории Греции XVI—XVII веков также многое могут дать для восстановления отдельных деталей быта, тех мелочей жизни, изучение которых, может быть, и не принесет исследователю особой славы, но без знания которых наши представления о прошлом будут бледнее. Многое в этом плане сделано Ф. Кукулесом (в книге приняты во внимание его наблюдения). Продолжение исследовательского пути в этом направлении может дать новые материалы.

В последнее десятилетие усилиями историков, филологов, этнографов сделано многое для изучения быта и нравов средневекового общества (Русь, Западная Европа, Япония)⁵. Эта работа проводилась и ранее⁶, но сейчас особенно активизировался интерес к названным сюжетам. Это объясняется тем, что ученые, осознавая наличие диспропорции между изучением общего и частного, идут не только по пути изучения объективных процессов, но и истории человека в его повседневной жизни.

Примечания

Предисловие

- ¹ Забелин, 1895, с. IX.
- ² Забелин, 1895; Сергеенко, 1964; Кнабе, 1986.
- ³ Забелин, 1895, с. IX—XXI. См. также: Кнабе, 1988.
- ⁴ Ястребицкая, 1978; Бродель, 1986.
- ⁵ Полевой, 1865; Грубер, 1941; Дживелегов, Бояджиев, 1941; Мокульский, 1956; Киреева, 1976; и др.
- ⁶ История техники костюма, 1947; Тиль, 1960; Кес, 1981; и др.
- ⁷ Краузе, 1869; Рудаков, 1917; Безобразов, 1919; Брейе, 1947—1950; Талбот Райс, 1967; Каждан, 1968; Хауссиг, 1977; Гийу, 1974; Литаврин, 1974; и др.
- ⁸ Кукулес, 1948—1955.
- ⁹ Культура Византии, 1984, т. 1.

Глава I

- ¹ Иорга, 1935.
- ² Сюзюмов, 1965, с. 9.
- ³ Фенстер, 1968.
- ⁴ Курбатов, Лебедева, 1984, с. 25—26.
- ⁵ Курбатов, 1984, с. 26—29.
- ⁶ Курбатов, Лебедева, 1984, с. 28.
- ⁷ Там же, с. 30—31.
- ⁸ Сюзюмов, 1972, с. 10.
- ⁹ Сюзюмов, 1961, с. 37.
- ¹⁰ Курбатов, Лебедева, 1984, с. 30—35.
- ¹¹ Чекалова, 1986, с. 35—48.
- ¹² Сюзюмов, 1965, с. 9—10.
- ¹³ Сюзюмов, 1956, с. 39.
- ¹⁴ Сюзюмов, 1975, с. 49.
- ¹⁵ Курбатов, Лебедева, 1984, с. 36.
- ¹⁶ Сюзюмов, 1960, с. 5—12.
- ¹⁷ Сюзюмов, 1967, с. 50—52.
- ¹⁸ Литаврин, 1977, с. 40.
- ¹⁹ Курбатов, Лебедева, 1984, с. 39.
- ²⁰ Удальцова, Осипова, 1985, с. 404—406.
- ²¹ Хвостова, 1986, с. 210—232.
- ²² Поляковская, 1969, с. 239.
- ²³ Удальцова, Осипова, 1974; Удальцова, 1975, 1977.
- ²⁴ Курбатов, 1984, с. 198.
- ²⁵ Хвостова, 1968, с. 54.
- ²⁶ Каждан, 1968, гл. 3.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Сюзюмов, 1973, с. 12.
- ²⁹ Хунгер, 1965.
- ³⁰ Сюзюмов, 1973, с. 11.
- ³¹ Каждан, 1968, с. 151—152.

-
- ³² Там же, с. 153—154; Гуревич, 1977, с. 3—27;
³³ Лазарев, 1986, с. 17.
³⁴ Там же, с. 17—18.
³⁵ Сюзюмов, 1968, 1973; Удальцова, 1977.
³⁶ Ронин, 1986, с. 86.
³⁷ Сюзюмов, 1973, с. 14.
³⁸ Ронин, 1986, с. 93.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Сюзюмов, 1968, с. 33.
⁴¹ Сюзюмов, 1973, с. 15.
⁴² Фрейберг, Попова, 1978, с. 259—260.
⁴³ Полякова, 1965, 1979.
⁴⁴ Полякова, 1976, с. 122.
⁴⁵ Удальцова, 1959.
⁴⁶ Лазарев, 1986, с. 44—48; 151—154.
⁴⁷ Там же, с. 155.
⁴⁸ Литаврин, 1981, с. 42—44.
⁴⁹ Литаврин, 1982, с. 72—77.
⁵⁰ Левченко, 1956 а, с. 348.
⁵¹ Каштанов, 1972, с. 209—215; Литаврин, 1974 а, с. 4—5.
⁵² Пашуто, 1972, с. 194—196.
⁵³ Тихомиров, 1961, с. 32—33.
⁵⁴ Там же, с. 37.
⁵⁵ Там же, ВО, с. 3—32.
⁵⁶ Литаврин, Каждан, Удальцова, 1966, с. 4—5.
⁵⁷ Тихомиров, 1961, с. 28.
⁵⁸ Русско-византийские торговые отношения отражены в большом количестве исследований. См.: Шапова, 1961; Банк, 1966, 1973; Гуревич, Макарова, 1967; Джанполандян, Малевская, 1968; Фехнер, 1971; Даркевич, 1975; Гуревич, 1986.
⁵⁹ Тихомиров, 1961, с. 26.
⁶⁰ Там же, с. 27.
⁶¹ Левченко, 1956 а, с. 378.
⁶² Литаврин, Каждан, Удальцова, 1966, с. 15—17.
⁶³ Литаврин, 1974а, с. 6—7.
⁶⁴ Оболенский, 1970, с. 13.
⁶⁵ Гранстрем, 1950, с. 218—229.
⁶⁶ Пушкин, 1981, т. VI, с. 18.
⁶⁷ Там же, т. X, с. 19.
⁶⁸ Лазарев, 1978, с. 214.
⁶⁹ Кондаков, 1880, с. 287.
⁷⁰ Лазарев, 1986, с. 182—183.
⁷¹ Шапова, 1961, с. 66—71; Свириц, 1972.
⁷² Левченко, 1956 а, с. 465.
⁷³ Там же, с. 461.
⁷⁴ Сюзюмов, 1937, с. 86.
⁷⁵ Литаврин, 1974 а, с. 3.
⁷⁶ Пушкин, 1981, т. VI, с. 18.
⁷⁷ Археологическая экспедиция Уральского университета работает в Крыму уже более тридцати лет.
⁷⁸ Арвейлер, 1971.
⁷⁹ Адонц, 1971.
⁸⁰ Юзбашян, 1988.
⁸¹ Ормания, 1913; Арутюнова-Фидания, 1980.

- ⁸² Каждан, 1975, с. 167.
⁸³ Ачарян, 1949, с. 311.
⁸⁴ Чалоян, 1968, с. 137.
⁸⁵ Адонц, 1915.
⁸⁶ Азарян, 1964; Измайлова, 1979; Лазарев, 1986, с. 105.
⁸⁷ Измайлова, 1979, гл. 5.
⁸⁸ Лордкипанидзе, 1982, с. 161—162.
⁸⁹ Там же, с. 165.
⁹⁰ Там же, с. 163, 165.
⁹¹ Хинтибидзе, 1969; см.: Гордезиани, 1971, с. 256.
⁹² Там же.
⁹³ Лордкипанидзе, 1982, с. 169.
⁹⁴ Хинтибидзе, 1969; Гордезиани, 1971, с. 256; Лордкипанидзе, с. 169.
⁹⁵ Амиранашвили, 1966, с. 12—17; Лазарев, 1986, с. 84.
⁹⁶ Амиранашвили, 1963, с. 157—160; Лазарев, 1986, с. 4—85.
⁹⁷ Амиранашвили, 1963, с. 165—168.
⁹⁸ Там же, с. 278.
⁹⁹ Там же, с. 277—279.
¹⁰⁰ Амиранашвили, 1963, с. 229; Амиранашвили, 1966, с. 19—27.
¹⁰¹ Амиранашвили, 1963, с. 259—260.
¹⁰² Хускивадзе, 1977, с. 123—140.
¹⁰³ Хускивадзе, 1983, с. 186—189.
¹⁰⁴ Банк, 1984, с. 277.
¹⁰⁵ Лордкипанидзе, 1982, с. 181—182.
¹⁰⁶ Банк, 1985, с. 285; Сериков, 1984, с. 231; Сериков, 1987, с. 183.
¹⁰⁷ Сериков, 1984, с. 230.
¹⁰⁸ Сериков, 1983, с. 247.
¹⁰⁹ Конрад, 1966, с. 348—364; Аверинцев, 1987, с. 7—8 др.
¹¹⁰ Пигулевская, 1976, с. 170.
¹¹¹ Пигулевская, 1979, с. 150.
¹¹² Чекалова, 1981, с. 71—77.
¹¹³ Пигулевская, 1976, с. 152—161.
¹¹⁴ Сериков, 1984, с. 230—241.
¹¹⁵ Пигулевская, 1976, с. 184.
¹¹⁶ Полякова, 1976, с. 122.

Глава II

- ¹ Клауде, 1969, с. 56. О возрождении роли акрополя в городах см.: Ханфманн, 1975, с. 85. Ср.: Курбатов, 1971, с. 61.
² Ханфманн, 1975, с. 84.
³ Курбатов, 1971, с. 61—62.
⁴ Там же, с. 84.
⁵ Клауде, 1969, с. 69—74, 85—89.
⁶ Фосс, 1976, с. 48—49.
⁷ Либешютц, 1972, с. 135—136.
⁸ Там же.
⁹ Рудаков, 1917, с. 62.
¹⁰ Клауде, 1969, с. 76.
¹¹ Фосс, 1976, с. 41.
¹² Клауде, 1969, с. 74—75.

-
- ¹³ Там же, с. 77—78.
¹⁴ Лассю, 1934, с. 131; 1938, с. 145.
¹⁵ Клауде, 1969, с. 60 сл.
¹⁶ Фосс, 1976, с. 42—43.
¹⁷ Клауде, 1969, с. 62—68.
¹⁸ Фосс, 1976, с. 42—43.
¹⁹ Патлажан, 1977, с. 136.
²⁰ Ханфманн, 1975, с. 74.
²¹ Манго, 1963, с. 53—75.
²² Крузе, 1934, с. 34 сл., 49.
²³ Кулаковский, 1913, с. 394.
²⁴ Курбатов, 1962, с. 94.
²⁵ Стилвел, 1961, с. 45—58.
²⁶ Фосс, 1976, с. 47—48.
²⁷ Лишев, 1956, с. 89.
²⁸ Дагрон, 1974, с. 527—528.
²⁹ Леви, 1947, т. 1—2.
³⁰ Там же, т. 1, с. 317—319.
³¹ Дауни, 1961, с. 34.
³² Банк, 1966, с. 13, ил. 18, 19.
³³ Там же, ил. 19—21.
³⁴ Банк, 1966 а, с. 5, ил. 9.
³⁵ Банк, 1966, с. 14, ил. 62—66, 77, 88, 89, 94—98.
³⁶ Грабар, 1963, с. 70—71.
³⁷ Дагрон, 1974, с. 528.
³⁸ Фосс, 1976, с. 42—43.
³⁹ Фихман, 1976, с. 28.
⁴⁰ Патлажан, 1977, с. 58.
⁴¹ Там же.
⁴² Чаленко, 1953, с. 403.
⁴³ Левченко, 1945, с. 31—37.
⁴⁴ Там же, с. 34.
⁴⁵ Там же, с. 31.
⁴⁶ Там же, с. 32.
⁴⁷ Токарский, 1961, с. 11.
⁴⁸ Чаленко, 1953, с. 9—11, 401.
⁴⁹ Там же, с. 401.
⁵⁰ Там же, с. 317, 341, 402.
⁵¹ Там же, с. 402, прим. 4.
⁵² Там же, с. 402.
⁵³ Там же, с. 353.
⁵⁴ Кукулес, т. IV, с. 12—19; Магулес, 1976, с. 29—32.
⁵⁵ Магулес, 1976, с. 31—32.
⁵⁶ Там же, с. 34.
⁵⁷ Там же, с. 33.
⁵⁸ Кукулес, т. V, с. 44.
⁵⁹ Магулес, 1976, с. 30.
⁶⁰ Там же, с. 29.
⁶¹ Там же, с. 32—33.
⁶² Патлажан, 1977, с. 41.
⁶³ Магулес, 1976, с. 33—34.
⁶⁴ Магулес, 1976, с. 34.
⁶⁵ Там же, с. 34—35.

-
- ⁶⁶ Там же, с. 31.
⁶⁷ Там же, с. 35.
⁶⁸ Там же, с. 32.
⁶⁹ Там же.
⁷⁰ Гуревич, 1955, с. 130.
⁷¹ Курбатов, 1962, с. 115.
⁷² Магулес, 1976, с. 29.
⁷³ См., напр.: Сергеев, 1962, с. 132.
⁷⁴ Патлажан, 1977, с. 41, 45—46.
⁷⁵ Там же, с. 46—47.
⁷⁶ Там же, с. 101—112.
⁷⁷ Там же, с. 97, 94.
⁷⁸ Фосс, 1976, с. 18.
⁷⁹ Там же, с. 18—19; Фихман, 1965, с. 25.
⁸⁰ Бальсдон, 1962, с. 256—258.
⁸¹ Талбот Райс, 1964, с. 486.
⁸² Полякова, 1972, с. 18.
⁸³ Пигулевская, 1936, с. 36—38.
⁸⁴ Курбатов, 1962, с. 87.
⁸⁵ Тиль, 1960, с. 26.
⁸⁶ Там же, с. 34.
⁸⁷ Барб, 1963, с. 100—125.
⁸⁸ Левченко, 1956, с. 43.
⁸⁹ Фосс, 1976, с. 42—43.
⁹⁰ Дьяконов, 1908, с. 50, 60.
⁹¹ Сукиасян, 1963, с. 464.
⁹² Липшиц, 1976, с. 49.
⁹³ Кулаковский, 1913, с. 185.
⁹⁴ Там же, с. 394.
⁹⁵ Патлажан, 1977, с. 114.
⁹⁶ Сукиасян, 1963, с. 465.
⁹⁷ Патлажан, 1977, с. 67.
⁹⁸ Либешютц, 1972, с. 228—230.
⁹⁹ Сукиасян, 1963, с. 463.
¹⁰⁰ Бикерман, 1975, с. 46.
¹⁰¹ Либешютц, 1972, с. 233.
¹⁰² Там же, с. 233.
¹⁰³ Там же, с. 233.
¹⁰⁴ Там же.
¹⁰⁵ Прекрасные описания природы содержатся в произведениях Василия Великого, Григория Назианзина и др. Как прелестен, например, гимн весне Григория Назианзина (Речь 44).
¹⁰⁶ Бальсдон, 1969, с. 274.
¹⁰⁷ Райх, 1903, с. 569.
¹⁰⁸ Там же, с. 567—569.
¹⁰⁹ Там же, с. 497.
¹¹⁰ Бальсдон, 1969, с. 277.
¹¹¹ Райх, 1903, с. 563—564.
¹¹² Фогт, 1931, с. 639—640.
¹¹³ Там же, с. 639.
¹¹⁴ Дагрон, 1974, с. 328.
¹¹⁵ Возможно, копия. Ханфманн, 1975, с. 91, прим. 71.
¹¹⁶ Камерон, 1973, с. 186—187 и прим. 3.

- ¹¹⁷ Дагрон, 1974, с. 328.
¹¹⁸ Гилян, 1966, с. 289.
¹¹⁹ Штейн, 1949, с. 69.
¹²⁰ Камерон, 1973, с. 36.
¹²¹ Там же, с. 37, 42.
¹²² Там же, с. 209—210.
¹²³ Такое количество заездов (46 или 50) было, конечно, редкостью. К тому же, один и тот же возничий не выступал во всех заездах. Вероятно, это было нечто вроде сольного выступления, устроенного специально для того, чтобы продемонстрировать индивидуальное мастерство Константина.
¹²⁴ Камерон, 1973, с. 214.
¹²⁵ Там же, с. 217 сл.

Глава III

- ¹ Липшиц, 1961, с. 31.
² Бон, 1951, с. 59.
³ Там же, с. 59 сл.
⁴ Липшиц, 1961, с. 31, прим. 38.
⁵ Там же.
⁶ Дагрон, 1976, с. 186—198.
⁷ Там же, с. 182.
⁸ Каэн, 1946—1948, с. 5—67.
⁹ Вальтер, 1966, с. 153.
¹⁰ Там же, с. 155.
¹¹ Там же, с. 153.
¹² Липшиц, 1961, с. 34—35.
¹³ Литаврин, 1974, с. 5.
¹⁴ Липшиц, 1961, с. 65.
¹⁵ Липшиц, 1960, с. 27.
¹⁶ Бон, 1951, с. 63.
¹⁷ Фосс, 1976, с. 76.
¹⁸ Дагрон, 1977, № 31, с. 11.
¹⁹ Скрантон, с. 16.
²⁰ Дагрон, 1977, с. 11.
²¹ Крелинг, с. 157; Скрантон, с. 17; Фосс, 1976, с. 76.
²² Фосс, 1976, с. 70—76.
²³ Дагрон, 1977, с. 6.
²⁴ Там же, с. 11.
²⁵ Там же, с. 10.
²⁶ Там же, с. 6.
²⁷ Фосс, 1976, с. 70—76.
²⁸ Бергер, 1982, с. 156; Магдалино, 1985, с. 198.
²⁹ Фестюжьер, 1970, т. I, с. 109; т. II, с. 113.
³⁰ Бергер, 1982, с. 156—157.
³¹ Магдалино, 1985, с. 198—199.
³² Рудаков, 1917, с. 134.
³³ Там же, с. 115.
³⁴ Записки, 1898, с. 17.
³⁵ Дагрон, 1977, с. 15—17.
³⁶ Там же, с. 17.
³⁷ Скрантон, с. 29—30.

- 38 Франц, 1961; Томпсон, Уайчерли, 1972.
39 Фосс, 1976, с. 47—48, 70, 73—75.
40 Дагрон, 1977, с. 18.
41 Там же, с. 18.
42 Там же, с. 18—19.
43 Там же, с. 18.
44 Там же, с. 19.
45 Рудаков, 1917, с. 115.
46 Кес, 1979, с. 60.
47 Там же, с. 60.
48 Там же.
49 Там же.
50 Там же, с. 60—62.
51 Банк, 1978, с. 27.
52 Жанполадян, 1967, 18, с. 248—257.
53 Литаврин, 1974, с. 16.
54 Карпозелос, 1984, с. 23—25.
55 Там же, с. 25.
56 Рудаков, 1917, с. 124.
57 Вальтер, 1966, с. 181.
58 Там же.
59 Карпозелос, 1984, с. 23—24.
60 Бибилов, 1980, с. 67.
61 Карпозелос, 1984, с. 24.
62 Там же, с. 25.
63 Там же.
64 Там же, с. 25, 30.
65 Там же, с. 26.
66 Сюсюмов, 1962, с. 216—217.
67 Карпозелос, 1984, с. 26.
68 Там же.
69 Гарсна, 1963, с. 233.
70 Даррузес, 1963, с. 65.
71 Карпозелос, 1984, с. 26.
72 Там же.
73 Кукулес, 1954, т. V, с. 114.
74 Карпозелос, 1984, с. 27.
75 Кукулес, т. V, с. 209.
76 Кукулес, т. V, с. 106, 288; Карпозелос, 1984, с. 22.
77 Карпозелос, 1984, с. 22.
78 Там же, с. 21—22.
79 Вальтер, 1966, с. 181.
80 Литаврин, 1974, с. 7.
81 Даррузес, 1960, с. 157—160.
82 Браунинг, 1962, 1, с. 285.
83 Карпозелос, 1984, с. 30—31.
84 Вальтер, 1966, с. 180.
85 Там же.
86 Там же, с. 180—181.
87 Там же, с. 181.
88 Там же.
89 Карпозелос, 1984, с. 26.
90 Сюсюмов, 1962, с. 216.
91 Рудаков, 1917, с. 124.

-
- ⁹² Тиль, 1959, 13, с. 98—100.
⁹³ Вальтер, 1966, с. 180.
⁹⁴ Дембинска, 1985, 55, с. 431—432.
⁹⁵ Там же, с. 446.
⁹⁶ Там же, с. 446—447.
⁹⁷ Там же, с. 446.
⁹⁸ Там же, с. 447.
⁹⁹ Там же, с. 452.
¹⁰⁰ Там же, с. 452—453.
¹⁰¹ Там же.
¹⁰² Аштор, 1968, 23, № 5.
¹⁰³ Талбот Райс, 1967, с. 103.
¹⁰⁴ Беляев, 1913, с. 56.
¹⁰⁵ Беляев, 1913, с. 50—57.
¹⁰⁶ Там же, с. 199.
¹⁰⁷ Там же, с. 212—215.
¹⁰⁸ Там же, с. 218.
¹⁰⁹ Там же, с. 218—219.
¹¹⁰ Кондаков, 1924, I, с. 12—13.
¹¹¹ Там же, с. 12, 15, 34.
¹¹² Там же, с. 12.
¹¹³ Там же, с. 34.
¹¹⁴ Там же, с. 40.
¹¹⁵ Беляев, 1913, с. 26.
¹¹⁶ Там же, с. 26.
¹¹⁷ Острогорский, 1932, 32, с. 326.
¹¹⁸ Сюзюмов, 1962, с. 151.
¹¹⁹ Там же, с. 191.
¹²⁰ Кондаков, 1924, с. 15.
¹²¹ Вальтер, 1966, с. 181.
¹²² Там же, с. 183.
¹²³ Литаврин, 1974, с. 15.
¹²⁴ Сюзюмов, 1962, с. 149.
¹²⁵ Там же, с. 151.
¹²⁶ Грабар, 1971, с. 31; Беквис, 1971, с. 36—44.
¹²⁷ Грабар, 1971, с. 31.
¹²⁸ Сюзюмов, 1962, с. 184.
¹²⁹ Там же, с. 191.
¹³⁰ Банк, 1978, с. 27—28.
¹³¹ Талбот Райс, 1967, с. 149—150.
¹³² Банк, 1978, с. 164—165.
¹³³ Сюзюмов, 1962, с. 203.
¹³⁴ Карпозелос, 1984, с. 30.
¹³⁵ Сюзюмов, 1962, с. 202.
¹³⁶ Там же.
¹³⁷ Карпозелос, 1984, с. 29.
¹³⁸ Там же, с. 30.
¹³⁹ Литаврин, 1974, с. 89.
¹⁴⁰ Талбот, 1984, 77, с. 268—269.
¹⁴¹ Там же, с. 269.
¹⁴³ Там же.
¹⁴⁴ Там же.
¹⁴⁵ Там же.

- 146 Иов 12, Талбот, 1984, с. 271.
147 Талбот, 1984, с. 271.
148 Любарский, 1978, с. 242.
149 Любарский, 1965, с. 478, прим. 305.
150 Литаврин, 1974, с. 141—142.
151 Литаврин, 1972, с. 103.
152 Там же, с. 11.
153 Там же, с. 69.
154 Любарский, 1978, с. 119—121.
155 Там же, с. 120.
156 Там же.
157 Там же, с. 121.
158 Там же.
159 Там же, с. 118.
160 Литаврин, 1972, с. 101.
161 Там же, с. 99—100.
162 Литаврин, 1974, с. 122.
163 Литаврин, 1972, с. 99—100.
164 Там же, с. 99.
165 Литаврин, 1972, с. 99.
166 Литаврин, 1974, с. 122.
167 Там же, с. 127.
168 Записки, 1898, с. 4—5.
169 Липшиц, 1961, с. 313.
170 Литаврин, 1974, с. 133.
171 Талбот Райс, 1967, с. 159.
172 Там же.
173 Там же, с. 159—160.
174 Там же, с. 160.
175 Там же.
176 Там же.
177 Карпозелос, 1984, с. 20.
178 Малет, 1981, с. 87; Карпозелос, 1984, с. 20.
179 Вестеринк, 1951, с. 55.
180 Карпозелос, 1984, с. 20—37.
181 Там же, с. 21.
182 Там же.
183 Острогорский, 1973, с. 35—36.
184 Банк, 1978, с. 28, 164.
185 Вальтер, 1966, с. 210—211.
186 Банк, 1978, с. 94.
187 Вальтер, 1966, с. 210.
188 Там же, с. 219.
189 Грюмель, 1931.
190 Вальтер, 1966, с. 218.
191 Любарский, 1965, с. 521, прим. 654.
192 Вальтер, 1966, с. 222.
193 Там же, с. 223.
194 Пингри, 1973, 27, с. 217—231.
195 Там же, с. 230.
196 Думб., 1964, с. 138, сл.
197 Вальтер, 1966, с. 224.
198 Там же, с. 224—225.

- 199 Карпозелос, 1984, с. 28.
- 200 Разделял Михаил Пселл и другие предрассудки своего времени. См.: Безобразов, 1890, с. 193—194.
- 201 Моравчик, 1961, с. 59—126.
- 202 Липшиц, 1960, с. 17.
- 203 Там же, с. 18.
- 204 Исследователи толкуют это слово как имя одного из архангелов — Рафаила (Липшиц, 1960, с. 318, прим. к гл. 19, § 1).
- 205 Липшиц, 1961, с. 412; Манго, 1981, 31, 1, с. 349.
- 206 Коттас, 1931, с. 46.
- 207 Гийан, 1966, 27, с. 293.
- 208 Коттас, 1931, с. 52—53.
- 209 Там же, с. 53.
- 210 Там же, с. 53—54.
- 211 Там же, с. 54.
- 212 Там же, с. 90.
- 213 Там же.
- 214 Дмитриевский, 1894, с. 553—600.
- 215 Фогт, 1931, с. 50; Коттас, 1931, с. 97.
- 216 Коттас, 1931, с. 119—120.
- 217 Там же, с. 24.
- 218 Вальтер, 1966, с. 263.
- 219 Краус, 1895, с. 224—257.
- 220 Коттас, 1931, с. 68.
- 221 Там же, с. 6, 7.
- 222 По мнению К. Манго, праздник имел место в начале февраля (Манго, 1981, с. 347).
- 223 Коттас, 1931, с. 7.
- 224 Вальтер, 1966, с. 261—262.
- 225 Там же, с. 262.
- 226 Коттас, 1931, с. 11.
- 227 Манго, 1981, с. 347.
- 228 Гийан, 1966, с. 295.
- 229 Там же, с. 296.
- 230 Там же, с. 299, прим. 71.
- 231 Кондаков, 1924, с. 35.

Глава IV

- ¹ Курусис, 1969—1970, с. 229.
- ² Жанен, 1953, с. 2.
- ³ Лайу, 1967, с. 105.
- ⁴ Жанен, 1953, с. 78.
- ⁵ Шнайдер, 1949, с. 236—237.
- ⁶ Тафрали, 1913, с. 16.
- ⁷ Там же, с. 119.
- ⁸ Орландос, 1971, с. 73—82.
- ⁹ Орландос, 1973, с. 8.
- ¹⁰ Бурас, 1981, с. 631.
- ¹¹ Кукулес, 1949, т. III, с. 270—283.
- ¹² Тафрали, 1913. Топогр., с. 147—148.
- ¹³ Шитиков, 1969, с. 50—57.
- ¹⁴ Тафрали, 1913. Топогр., с. 147.

-
- ¹⁵ Хейд, 1879, с. 235—245; Жанен, 1950, с. 235—245.
¹⁶ Бурас, 1981, с. 650.
¹⁷ Кодер, 1973, с. 88.
¹⁸ Сюзюмов, 1961, с. 59, прим. 47.
¹⁹ Рансимен, 1980.
²⁰ Эйс, 1960, с. 150—153.
²¹ Кукулес, 1956, т. IV, с. 270.
²² Орландос, 1971, ил. 2—6, 8, 14, 19, 21.
²³ Бурас, 1983, с. 17.
²⁴ Бурас, 1981, с. 636.
²⁵ Радт, 1978, с. 216—217, рис. 4—10.
²⁶ Бурас, 1981, с. 636.
²⁷ Там же, с. 639.
²⁸ Каждан, 1952, с. 56.
²⁹ Бурас, 1981, с. 643.
³⁰ Ксингопулос, 1940, с. 83—97; Бурас, 1981, с. 643—644.
³¹ Лихачева, 1967, с. 232.
³² Лихачева, 1965, с. 246.
³³ Там же, с. 234.
³⁴ Эберсолът, 1926, ил. 62.1.
³⁵ Кислинггер, 1985, с. 2173—2174.
³⁶ Краузе, 1869, с. 339—340.
³⁷ Черноусов, 1914, с. 283.
³⁸ Кислинггер, 1985, с. 2173—2174.
³⁹ Гийан, 1922, с. 88—89.
⁴⁰ Диль, 1905, с. 181.
⁴¹ Банк, 1952, с. 195.
⁴² Жанполадян, 1967, с. 257.
⁴³ Банк, 1967, с. 302.
⁴⁴ Лихачева, 1967, с. 234.
⁴⁵ Гийу, 1974, ил. 120.
⁴⁶ Лихачева, 1965, с. 244.
⁴⁷ Там же, с. 244—245.
⁴⁸ Грабар, 1932.
⁴⁹ Пильц, 1972, 1.
⁵⁰ Эберсолът, 1926, ил. LIX, LX.
⁵¹ Кондаков, 1929, с. 221.
⁵² Там же, с. 260.
⁵³ Там же, с. 259.
⁵⁴ Васильев, 1912, с. 30.
⁵⁵ Кондаков, 1929, с. 291.
⁵⁶ Банк, 1968, с. 294.
⁵⁷ Кондаков, 1929, с. 229—230.
⁵⁸ Там же, с. 295.
⁵⁹ Эберсолът, 1926, ил. LVIII.
⁶⁰ Даркевич, 1975, с. 240, ил. 369.
⁶¹ Краузе, 1869, с. 70.
⁶² Писарская, 1964, с. 28—29, ил. LVI—LXI.
⁶³ Баркер, 1969, с. 172, 180.
⁶⁴ Горянов, 1962, с. 260.
⁶⁵ История техники костюма, 1947, с. 164—176.
⁶⁶ Там же, с. 167.
⁶⁷ Эберсолът, 1926, ил. LXII. 2.

- ⁶⁸ Лихачева, 1967, с. 236.
- ⁶⁹ Жанен, 1953, с. 320.
- ⁷⁰ Там же, с. 166—167.
- ⁷¹ Васильев, 1912, с. 30, 46.
- ⁷² Кукулес, 1956, т. IV, с. 418—467.
- ⁷³ Гийан, 1930, с. 136.
- ⁷⁴ Черноусов, 1914, с. 292.
- ⁷⁵ Там же, с. 284.
- ⁷⁶ Там же, с. 292.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Соколов, 1907, с. 33.
- ⁷⁹ Киррис, 1982; Краузе, 1869, с. 89—91.
- ⁸⁰ Диль, 1908, с. 277.
- ⁸¹ Хрисостомидес, 1982, 2.
- ⁸² Васильев, 1912, с. 32.
- ⁸³ Острогорский, 1973, с. 33—42.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Лопарев, 1913, с. 1—11.
- ⁸⁶ Там же, с. 122.
- ⁸⁷ Соколов, 1907, с. 122.
- ⁸⁸ Андреева, 1927, с. 56—57.
- ⁸⁹ Кукулес, 1948, т. II, 1, с. 56.
- ⁹⁰ Андреева, 1927, с. 78—79.
- ⁹¹ Кукулес, 1948, т. II, 1, с. 54.
- ⁹² Краузе, 1869, с. 179.
- ⁹³ Любарский, 1959, с. 75.
- ⁹⁴ Краузе, 1869, с. 316, 319.
- ⁹⁵ Дмитриевский, 1894, с. 554, прим. 1.
- ⁹⁶ Там же, с. 593.
- ⁹⁷ Книга пророка Даниила, 1—3.
- ⁹⁸ Дмитриевский, 1894, с. 563—564.
- ⁹⁹ Там же, с. 264—265.
- ¹⁰⁰ Мы следуем в описании чина за А. Дмитриевским, давшим его изложение по рукописям XVI—XVII веков.
- ¹⁰¹ В византийской церкви детали чина могли быть иными, но греческий текст чина в нотной рукописи № 1120 библиотеки Иверского монастыря на Афоне в целом подтверждает последовательность сюжетов этого действия. Правда, он рассчитан в основном на использование певцами и хором. В нотной рукописи отсутствуют диалоги халдеев (Дмитриевский, 1894, с. 585—591).
- ¹⁰² Дмитриевский, 1894, с. 554.
- ¹⁰³ Банк, 1967, с. 300—301.
- ¹⁰⁴ Жанен, 1953, с. 212—214.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 150—152.
- ¹⁰⁶ Жанен, 1953, с. 232.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 319.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 150—151.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 166—167.
- ¹¹⁰ Там же, с. 298—299.
- ¹¹¹ Там же, с. 223—224.
- ¹¹² Кукулес, т. II, 1, с. 30—31.
- ¹¹³ Литаврин, 1974, с. 172.
- ¹¹⁴ Календарные обычаи и обряды, 1977.

- ¹¹⁵ Андреева, 1927, с. 172.
- ¹¹⁶ Диль, 1908, с. 249.
- ¹¹⁷ Маринеско, 1924, с. 197.
- ¹¹⁸ Андреева, 1927, с. 177—178.
- ¹¹⁹ Гуковский, 1925, с. 50—77.
- ¹²⁰ Кукулес, 1949, т. III, с. 14; Жанен, 1950, с. 179.
- ¹²¹ Кукулес, 1948, т. I, 1, с. 180.
- ¹²² Там же, т. I, с. 180.
- ¹²³ Там же, с. 169.
- ¹²⁴ Верпо, 1959, с. 67.
- ¹²⁵ Медведев, 1976, с. 14—17.
- ¹²⁶ Клото — одна из богинь судьбы, функцией которой было обрывать нить жизни (Полякова, 1986, с. 186, прим. 111).
- ¹²⁷ Шевченко, 1971, с. 28—29.
- ¹²⁸ Любарский, 1959, с. 79—80.
- ¹²⁹ Там же, с. 73.
- ¹³⁰ Кукулес, 1948, т. I, 1, с. 185—201.
- ¹³¹ Там же, с. 201.
- ¹³² Там же, с. 191; Литаврин, 1974, с. 181—182.
- ¹³³ Кукулес, 1948, т. I, 2, с. 222—223.
- ¹³⁴ Там же, с. 223.
- ¹³⁵ Любарский, 1959, с. 78.
- ¹³⁶ Радченко, 1898, с. 153.
- ¹³⁷ Там же, с. 158—160.
- ¹³⁸ Кукулес, 1948, т. I, 2, рис. 2.
- ¹³⁹ Каждан, 1952, с. 89.
- ¹⁴⁰ Паламиты — сторонники мистического учения Григория Паламы, призывавшего через уединение и молитву к деификации — познанию бога и слиянию с ним.

Послесловие

- ¹ Гуревич, 1972.
- ² Образцом проникновения в дух деревенской жизни, реконструкции норм поведения и общения русских крестьян по материалам XIX века является исследование: Громыко, 1986.
- ³ Забелин, 1895, с. 195.
- ⁴ Пропп, 1963; Календарные обычаи и обряды, 1973, 1977, 1978, 1983; Бродель, 1986.
- ⁵ Лихачев, Панченко, Понырко, 1984; Крамер, 1985; Рэзенер, Вернер, 1985; Ментальность, 1985; Повседневность, 1985; Гришелева, 1986.
- ⁶ Романов, 1966; Рабинович, 1978, 1988.

Использованная литература

Источники

- Абраам Анк. — Абраам Анкирский. Падение Константинополя // ВВ. 1953. Т. 7.
- Анна Комн. — Анна Комнина. Алексиада / Пер., вступит. ст., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965.
- Бож. лит. — Изъяснение божественной литургии Николая Кавасилы, архиепископа фессалоникийского // ЖМП. 1971. № 1, 3, 5.
- Виллард. — Жоффруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов / Пер. со старофранц. О. Смолицкой и А. Парина; Вступит. ст. О. Смолицкой. М., 1984.
- Виз. лег. — Византийские легенды / Изд. подготовила С. В. Полякова. Л., 1972.
- Геоп. — Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века / Введение, пер. и коммент. Е. Э. Липшиц. М.; Л., 1960.
- Диг. Акр. — Дигенис Акрит / Пер., статьи и коммент. А. Я. Сыркина. М., 1960.
- Иоанн Кам. — Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники // Две Византийские хроники X века. М., 1959.
- Зав. — Бенешевич В. Завещание византийского боярина XI в. // ЖМНП. 1907. № IX, май.
- 33 — Византийский Земледельческий Закон / Подг. текста, исследование и коммент. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведева, Е. К. Пиотровской. Л., 1984.
- Кек. — Советы и рассказы Кекавмена / Подг. текста, введение и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
- Ки. эп. — Византийская Книга эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962.
- Линутпр. Антапод., Отчет. — Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972.
- Маз. — Мазарис // Византийский сатирический диалог / Изд. подготовили С. В. Полякова и И. В. Фелленковская. Л., 1986.
- Мед. тр. — Литаврин Г. Г. Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. (по рукописи Cod. Plut., VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // ВВ. 1971. Т. 31.
- Мих. Пс. — Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и прим. Я. Н. Любарского. М., 1978.
- Пам. — Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969.
- Роб. де Кл. — Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1986.
- Тим. — Тимархон // Византийский сатирический диа-

- лог / Изд. подготовили С. В. Полякова и И. В. Феленковская. Л., 1986.
- Тип. Мам. — Успенский Ф. И. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе // *Летопись Истор.-филол. общества при Новоросс. ун-те. Визант. отд.* 1892. № 1.
- Четв. — Шандровская В. С. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.) // ВВ. 1956. Т. 9.
- Шильт. — Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф. К. Куна. Баку, 1984.
- Агаф. — *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / Rec. R. Keydell* // CFHB. Berlin, 1967. V. II.
- Акроп. — *Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. V. I.*
- Армен. — *Constantini Harmenopuli Manuale Legum. Lipsiae, 1851.*
- Библ. гр. — *Sathas K. Bibliotheca graeca medii aevi. Athen; Paris; Venedig, 1872—1894. T. I—VII.*
- Григ. — *Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. L. Schopen. Bonnae, 1829—1855. V. I—II; ed. J. Becker. Bonnae, 1855. V. III.*
- Дион. — *Actes de Dionysiou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès. Archives de l'Athos, IV. P., 1968.*
- Дука — *Ducas. Istoria turco-busantina / Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1958.*
- Евагр. — *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898.*
- Зах. Рит. — *Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte / Ed. K. Ahrens, G. Krüger. Leipzig, 1898.*
- Зогр. — *Actes de Zographou / Ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev // ВВ. 1907. Т. 13, прилож.*
- Иешу Стил. — *Joshua the Stylite. Chronicle composed in Syriae A. D. 507 / Ed. W. Wright. Cambridge, 1882.*
- Иоанн Кин. — *Joannes Cinnamus. Epitome rerum. Bonnae, 1836.*
- Иоанн Лид. О маг. — *Joannis Lydi De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903.*
- Кант. — *Joannis Cantacuzeni historiarum libri IV / Ed. L. Schopen. Bonnae, 1828—1832. V. I—III.*
- Кид. Апол. — *Beck H.-G. Die "Apologia pro vita sua" des Demetrius Kydones // Ostkirchliche Studien. 1952. I.*
- Кид. Эп. — *Demetrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Studi et testi, 186, 208. Vatic., 1956—1960. V. I—II.*
- Код. Юст. — *Corpus juris civilis, v. II. Codex Justinianus / Ed. P. Krueger. Berlin, 1954.*
- Конст. Багр. — *Constantini Porphyrogeneti. De ceremoniis aulae byzantinae. Bonnae, 1829.*
- Лев. Диак. — *Leonis Diaconi Galoënsis historiae libri decem. Bonnae, 1828.*

-
- ММ** — Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vindobonae, 1860—1890. V. I—VI.
Макр. Диал. — Sevčenko I. *Alexios Makrembolites and his Dialogue between the Rich and the Poor* // ЗРБИ, 1960. Кн. 6.
Макр. Логос — Papadopoulos-Kerameus A. *Analecta hierosolymitikes staxyologias*. СПб., 1891. Т. I.
Мал. — Joannis Malalae *Chronographia* / Ex. rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831.
Ман. — Mansi J. D. *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Florenz; Venedig, 1901—1927. Т. XIII.
Марц. Ком. — Marcellini Comiti *Chronicon* // MGH AA. T. XI, v. 2, fasc. 1.
Ник. Хон. — Nicetae Choniatae *Historia*. Bonnae, 1835.
Нов. — *Corpus juris civilis*. V. III: *Novelle* / Ed. R. Schoell, G. Kroll. Berlin, 1954.
Лив. Письма;
Лив. Речи — Libanii *Opera* / Ed. R. Förster. Lipsiae, 1903—1923. V. I—XII.
Лиутпр. — Liutprandi *Relatio de legatione Constantinopolitana* // MGH SS. T. III.
Ник. Мес. — Nikolaos Mesarites. *Reiseberichte an die Mönche des Euergetiskloster in Konstantinopel* / Ed. A. Heisneberg // *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion* // SBAW. Philos.-philolog. und hist. Klasse. 1922. 5.
Пасх. хрон. — *Chronicon Paschale* / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832.
Патр. гр. — Migne J. P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. P., 1857—1906. T. 35, 40, 47, 48, 51—59, 62, 66, 83, 99, 107.
Пахим. — Georgii Pachymeris de Michaelae et Andronico *Palaeologis libri XIII* / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1935. V. I—II.
Прок. Война с перс.;
О постр. Тайн. ист. — Procopii Caesariensis *opera omnia* / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae. 1963—1964. V. I—IV.
Пс.-Код. — Pseudo-Kodinos. *Traité des offices* / Par J. Verpeaux. P., 1966.
Син. Письма — Synesii *Opera* // PG 1863. 66.
Соз. — Sozomenus. *Kirchengeschichte* / Hrsg. J. Bidez, Ch. Hansen. Berlin, 1960.
Сокр. — Socrati Scholastici *Historia Ecclesiastica* // PG. 1864. 67.
Сокров. — Dölger F. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. München, 1948.
Сфранд. — Georgios Sphrantzes. *Chronicon* / Ed. J. Becker. Bonnae, 1838.
Феод. Ан. — Theodosios Anagnostes. *Kirchengeschichte* / Hrsg. von G. Ch. Hansen. Berlin, 1971.

- Феоф. — Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883—1885. V. I—II.
- Феоф. Сим. — Theophylacti Simocattae historia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
- Халкоконд. — Laonici Chalkokandylae Historiarum demonstrationes / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922—1927. V. I—II.

Специальная литература

- Аверинцев, 1987 — От берегов Босфора до берегов Евфрата / Пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М., 1987.
- Адонц, 1915 — Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915.
- Адонц, 1971 — Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван, 1971.
- Азарян, 1964 — Азарян Л. Р. Киликийская миниатюра XII—XIII вв. Ереван, 1964 (арм.).
- Амиранашвили, 1963 — Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М., 1963.
- Амиранашвили, 1966 — Амиранашвили Ш. Грузинская миниатюра. М., 1966.
- Андреева, 1927 — Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927.
- Арутюнова-Фиданян, 1980 — Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкедониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980.
- Ачарян, 1949 — Ачарян Р. Греческие заимствования в армянском языке // ВВ. 1949. Т. 2.
- Банк, 1952 — Банк А. В. Восточный сосуд с греческой надписью // ВВ. 1952. Т. 5.
- Банк, 1966 — Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966.
- Банк, 1966а — Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Государственного Эрмитажа. Л., 1966.
- Банк, 1967 — Банк А. В. Прикладное искусство // История Византии. М., 1967. Т. 3.
- Банк, 1973 — Банк А. В. Константинопольские образцы и местные копии (по материалам прикладного искусства) // ВВ. 1973. Т. 34.
- Банк, 1973 — Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1973.
- Банк, 1984 — Банк А. В. Рец. на: Хускивадзе Л. З. Грузинские эмали. Тбилиси, 1981 // ВВ. 1984. Т. 45.
- Банк, 1985 — Банк А. В. Некоторые проблемы изучения византийской скульптуры // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения. Л., 1985.
- Беляев, 1913 — Беляев Д. Ф. Byzantina, II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и

- праздничные выходы их в храм св. Софии. СПб., 1913.
- Безобразов, 1890 — *Безобразов Н. В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. Ч. 1.
- Безобразов, 1919 — *Безобразов П. В.* Очерки византийской культуры. Пг., 1919.
- Бибииков, 1980 — *Бибииков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. XII—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1980.
- Бикерман, 1975 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.
- Бродель, 1986 — *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. Т. 1: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля. Вступит. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1986.
- Васильев, 1912 — *Васильев А. А.* Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403 гг.). СПб., 1912.
- Вин, 1982 — *Вин Ю. Я.* Эволюция органов самоуправления сельской общины и формирование вотчинной администрации в поздней Византии // ВВ. 1982. Т. 43.
- Гордезиани, 1971 — *Гордезиани Р. В.* Аннот. на: Хинтибидзе Э. Византийско-грузинские литературные взаимоотношения. Тбилиси, 1969 // ВВ. 1971. Т. 32.
- Горянов, 1962 — *Горянов Б. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
- Гришелева, 1986 — *Гришелева Л. Д.* Формирование японской национальной культуры (конец XVI — начало XX века). М., 1986.
- Громыко, 1986 — *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Грубер, 1941 — *Грубер Р. И.* История музыкальной культуры. М., 1941. Т. 1, ч. 1.
- Гуковский, 1925 — *Гуковский М. А.* Турниры в Италии на исходе средних веков // Средневековый быт / Под ред. О. А. Добнаш-Рождественской (К сорокалетию научно-педагогической деятельности И. М. Гревса). Л., 1925.
- Гуревич, 1955 — *Гуревич А. Я.* Из истории одного восточноримского города: (Некрополь киликийского города Корики) // ВДИ. 1955. № 1.
- Гуревич, 1972 — *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич, 1977 — *Гуревич А. Я.* Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Учен. зап. Тартус. ун-та (К 70-летию акад. Д. С. Лихачева). 1977. Вып. 411.
- Гуревич, 1986 — *Гуревич Ф. Д.* Византийский импорт в горо-

- дах Западной Руси в XII—XIII вв. // ВВ. 1986. Т. 47.
- Гуревич, — *Гуревич Ф. Д., Жанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.
- Жанполадян, Малевская, 1968 — *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII века. М., 1975.
- Даркевич, 1975 — *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII века. М., 1975.
- Жанполадян, — *Жанполадян Р. М.* Новые материалы по истории византийского стеклоделия // ВВ. 1967. Т. 27.
- 1967 — *Жанполадян Р. М.* Новые материалы по истории византийского стеклоделия // ВВ. 1967. Т. 27.
- Дживелегов, — *Дживелегов А. К., Бояджиев Г. М.* История западноевропейского театра. М.; Л., 1941.
- Бояджиев, 1941 — *Дживелегов А. К., Бояджиев Г. М.* История западноевропейского театра. М.; Л., 1941.
- Дмитриевский, — *Дмитриевский А.* Чин пешного действа: Историко-археологический этюд // ВВ. 1894. Т. 1.
- 1894 — *Дмитриевский А.* Чин пешного действа: Историко-археологический этюд // ВВ. 1894. Т. 1.
- Дьяконов, 1908 — *Дьяконов А. П.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.
- Забелин, 1895 — *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1, ч. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895.
- Записки, 1898 — *Записки Императорской Академии наук.* 1898. VIII серия. Т. 3, вып. 2.
- Измайлова, 1979 — *Измайлова Т. А.* Армянская миниатюра XI века. М., 1979.
- Календарные игры и обряды, 1973 — *Календарные игры и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в.: Зимние праздники.* М., 1973.
- Календарные игры и обряды, 1977 — *Календарные игры и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Весенние праздники.* М., 1977.
- Календарные игры и обряды, 1978 — *Календарные игры и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Летне-осенние праздники.* М., 1978.
- Календарные игры и обряды, 1983 — *Календарные игры и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев.* М., 1983.
- Каждан, 1952 — *Каждан А. П.* Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952.
- Каждан, 1968 — *Каждан А. П.* Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968.
- Каждан, 1970 — *Каждан А. П.* Сколько ели византийцы // ВИ. 1970. № 9.
- Каждан, 1973 — *Каждан А. П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973.

- Каждан, 1975 — Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975.
- Каштанов, 1972 — Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972.
- Кес, 1981 — Кес Д. Стили мебели. 2-е изд. на рус. яз. Будапешт, 1981.
- Киреева, 1976 — Киреева Е. В. История костюма: Европейский костюм от античности до XX века. М., 1976.
- Кнабе, 1986 — Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность: Эпоха, быт, костюм. М., 1986.
- Кнабе, 1988 — Кнабе Г. С. История, быт, античность // Быт и история в античности. М., 1988.
- Кондаков, 1880 — Кондаков Н. П. О фресках лестницы Киево-Софийского собора // Записки Русского архитектурного общества. СПб., 1880. Т. 3.
- Кондаков, 1929 — Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.
- Конрад, 1966 — Конрад Н. И. Запад и Восток: Статьи. М., 1966.
- Кулаковский, 1913 — Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1913. Т. 1.
- Культура Византии, 1984 — Культура Византии / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1984. Т. 1.
- Курбатов, 1962 — Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962.
- Курбатов, 1971 — Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (конец античного города в Византии). Л., 1971.
- Курбатов, 1984 — Курбатов Г. Л. История Византии (От античности к феодализму). М., 1984.
- Курбатов, Лебедева, 1984 — Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
- Лазарев, 1978 — Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978.
- Лазарев, 1986 — Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986.
- Левченко, 1945 — Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. // ВС. М.; Л., 1945.
- Левченко, 1956 — Левченко М. В. Пентаполь по письмам Сннезия // ВВ. 1956. Т. 9.
- Левченко, 1956а — Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Липшиц, 1960 — Липшиц Е. Э. Введение и комментарий // Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. М.; Л., 1960.

- Липшиц, 1961 — *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры: VIII — первая половина IX в. М.; Л., 1961.
- Липшиц, 1976 — *Липшиц Е. Э.* Суд и право в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
- Литаврин, 1972 — *Литаврин Г. Г.* Введение и комментарий // *Советы и рассказы Кекавмена*. М., 1972.
- Литаврин, 1974 — *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М., 1974.
- Литаврин, 1974а — *Литаврин Г. Г.* Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв.: (Опыт исторической характеристики) // Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест, сентябрь 1974. М., 1974.
- Литаврин, 1981 — *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // ВВ. 1981. Т. 42.
- Литаврин, 1982 — *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» империи // ВО. 1982.
- Литаврин, Каждан, Удальцова, 1966 — *Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В.* Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. // Труды XIII Международного конгресса по византиноведению. Оксфорд, 1966.
- Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984 — *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Лихачева, 1965 — *Лихачева В. Д.* Художественная функция бытовых предметов в иконе «Троица» Государственного Эрмитажа (К вопросу о развитии элементов реализма в византийской живописи) // ВВ. 1965. Т. 26.
- Лихачева, 1967 — *Лихачева В. Д.* Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной Публичной библиотеки, гр. № 243 // ВВ. 1967. Т. 27.
- Лишев, 1956 — *Лишев Стр.* Новотроеният античен град Абрит при Разград // Исторически преглед. 1956. XII, № 1.
- Лопарев, 1913 — *Лопарев Х. М.* К чину царского коронования в Византии // Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913.
- Лордкипанидзе, 1982 — *Лордкипанидзе М. Д.* О византийско-грузинских культурных взаимоотношениях VII—XIII вв. // ВО. 1982.
- Любарский, 1959 — *Любарский Я. Н.* Критский поэт Стефан Сахликис // ВВ. 1959. Т. 16.
- Любарский, 1965 — *Любарский Я. Н.* Вступительная статья и комментарий // *Анна Комнина*. Алексинада. М., 1965.
- Любарский, 1978 — *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978.

- Макарова, 1967 — Макарова Т. И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // Свод археологических источников. М., 1967.
- Медведев, 1976 — Медведев И. Л. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.
- Мокульский, 1956 — Мокульский С. С. История западноевропейского театра. М., 1956. Т. I.
- Оболенский, 1970 — Оболенский Д. Связи между Византией и Русью в XI—XV вв. // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.
- Орманян, 1913 — Орманян М. Армянская церковь / Пер. с франц. Б. Рунт. М., 1913.
- Острогорский, 1973 — Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа: искусство и культура: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.
- Пашуто, 1972 — Пашуто В. Т. Место Древней Руси в истории Европы // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Пигулевская, 1963 — Пигулевская Н. В. Сирийская алхимическая литература средневековья // Архив истории науки и техники. М., 1963. Вып. 3.
- Пигулевская, 1976 — Пигулевская Н. В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976.
- Пигулевская, 1979 — Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в середине века. М., 1979.
- Писарская, 1964 — Писарская Л. В. Памятники византийского искусства V—XV веков в Государственной Оружейной палате. Л.; М., 1964.
- Полевой, 1865 — Полевой П. Н. Исторические очерки средневековой драмы. СПб., 1865.
- Полякова, 1965 — Византийская любовная проза / Пер. с греч., ст. и прим. С. В. Поляковой. М.; Л., 1965.
- Полякова, 1972 — Полякова С. В. Византийские легенды. Л., 1972.
- Полякова, 1976 — Полякова С. В. К вопросу о византино-французских литературных связях («Повесть об Исминне и Исминии» Евмафия Макремволита и «Роман о розе» Гийома де Лоррис) // ВВ. 1976. Т. 37.
- Полякова, 1979 — Полякова С. В. Из истории византийского романа: Опыт интерпретации «Повести об Исминне и Исминии» Евмафия Макремволита. М., 1979.
- Полякова, 1986 — Полякова С. В. Византийский сатирический диалог // Византийский сатирический диалог / Издание подготовили С. В. Полякова и И. В. Феленковская. Л., 1986.
- Поляковская, 1969 — Поляковская М. А. Своеобразие развития городского сословия в Византии // Вопросы истории. Уфа, 1969.

-
- Пропп, 1963 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.
- Пушкин, 1981, т. VI — *Пушкин А. С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басни И. А. Крылова // Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981. Т. VI.
- Пушкин, 1981, т. X — *Пушкин А. С.* Письмо П. А. Плетневу от 1831 г. // Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981. Т. X.
- Рабинович, 1978 — *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
- Радченко, 1898 — *Радченко К.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898.
- Романов, 1966 — *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI—XIII вв. М.; Л., 1966.
- Рудаков, 1917 — *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.
- Свирин, 1972 — *Свирин А. Н.* Ювелирное искусство Древней Руси XI—XVII вв. М., 1972.
- Сергеенко, 1962 — *Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1962.
- Сергеенко, 1964 — *Сергеенко М. Е.* Простые люди древней Италии. М., 1964.
- Сериков, 1983 — *Сериков Н. И.* О некоторых аспектах подхода к исследованию арабо-византийских отношений X—XI вв. в современной зарубежной историографии // ВВ. 1983. Т. 44.
- Сериков, 1984 — *Сериков Н. И.* О путях проникновения византийской духовной культуры на мусульманский Восток: Григорий Иоанн Абу-л-Фарадж ибн-ал-Ибри (Бар Эбрей) и византийская историографическая традиция // ВВ. 1984. Т. 45.
- Сериков, 1987 — *Сериков Н. И.* Византия и арабы: Новые исследования // ВВ. 1987. Т. 48.
- Соколов, 1907 — *Соколов И. И.* Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV века (843—1453 гг.): Исторический очерк. СПб., 1907.
- Сукиасян, 1963 — *Сукиасян А. Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963.
- Сюзюмов, 1937 — *Сюзюмов М. Я.* Византийское государство и византийская культура в X—XI вв. // ГАСО, ф. Р-802, д. 5.
- Сюзюмов, 1956 — *Сюзюмов М. Я.* Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8.
- Сюзюмов, 1960 — *Сюзюмов М. Я.* К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17.
- Сюзюмов, 1961 — *Сюзюмов М. Я.* Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. 1961.

- Сюзюмов, 1962 — *Сюзюмов М. Я.* Вступительная статья и комментарий // *Византийская Книга епарха.* М., 1962.
- Сюзюмов, 1965 — *Сюзюмов М. Я.* О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // *АДСВ.* 1965. Вып. 3.
- Сюзюмов, 1967 — *Сюзюмов М. Я.* Византийский город (середина VII — середина IX в.) // *ВВ.* 1967. Т. 27.
- Сюзюмов, 1968 — *Сюзюмов М. Я.* Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (В порядке дискуссии) // *ВВ.* 1968. Т. 29.
- Сюзюмов, 1972 — *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период // *АДСВ.* 1972. Вып. 8.
- Сюзюмов, 1973 — *Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // *ВВ.* 1973. Т. 35.
- Сюзюмов, 1975 — *Сюзюмов М. Я.* Закономерный переход к феодализму и синтезу // *АДСВ.* 1975. Вып. 12.
- Тихомиров, 1961 — *Тихомиров М. Н.* Россия и Византия в XIV—XV столетиях // *ЗРВИ.* 1961. Кн. 7.
- Токарский, 1961 — *Токарский Н. М.* Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961.
- Удальцова, 1959 — *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
- Удальцова, 1975 — *Удальцова З. В.* Проблемы типологии феодализма в Византии // *Проблемы социально-экономических формаций.* М., 1975.
- Удальцова, 1977 — *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа (типологические наблюдения) // *ВО.* 1977.
- Удальцова, Осипова, 1974 — *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии (Постановка проблемы) // *ВВ.* 1974. Т. 36.
- Удальцова, Осипова, 1985 — *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Формирование феодального крестьянства в Византии (VII—XI вв.) // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства.* М., 1985.
- Фехнер, 1971 — *Фехнер М. В.* Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // *История и культура Восточной Европы по археологическим данным.* М., 1971.
- Фихман, 1965 — *Фихман И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох. М., 1965.
- Фихман, 1976 — *Фихман И. Ф.* Оксирих — город папирусов. М., 1976.
- Фрейберг, Попова, 1978 — *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978.
- Хвостова, 1968 — *Хвостова К. В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.): Историко-социологический очерк. М., 1968.

- Хвостова, 1986 — *Хвостова К. В.* Византийское крестьянство в XII—XV вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 1.
- Хинтибидзе, 1969 — *Хинтибидзе Э.* Византийско-грузинские литературные взаимоотношения. Тбилиси, 1969 (груз. яз.).
- Хускивадзе, 1977 — *Хускивадзе Л.* Группа грузинских эмалей рубежа XII—XIII вв. // ВВ. 1977. Т. 38.
- Хускивадзе, 1983 — *Хускивадзе Л.* Эмалевый оклад Грузинского евангелия из Матенадарана // ВВ. 1983. Т. 44.
- Чалоян, 1968 — *Чалоян В. К.* Восток — Запад (премственность в философии античного и средневекового общества). М., 1968.
- Чекалова, 1981 — *Чекалова А. А.* Иешу Стилит или Прокопий? (К вопросу о манере изложения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502—506 гг.) // ВВ. 1981. Т. 42.
- Чекалова, 1986 — *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986.
- Черноусов, 1914 — *Черноусов Е. А.* Из византийского захолустья XIII в. // Сборник Харьковского историко-филологического общества: Сб. ст. в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914.
- Шитиков, 1969 — *Шитиков М. М.* Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным счетов Джакомо Бадоера (Деловые круги Константинополя) // ВВ. 1969. Т. 30.
- Щапова, 1961 — *Щапова Ю. Л.* Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений XI—XII вв. // ВВ. 1961. Т. 19.
- Юзбашян, 1988 — *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX—XI вв. М., 1988.
- Ястребицкая, 1978 — *Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI—XIII веков: Эпоха, быт, костюм. М., 1978.
- Арвейлер, 1971 — *Ahrweiler H.* La frontière et les frontières de Byzance en Orient // XIV Congrès Intern. des Etudes byzantines. Rapports II. Bucarest, 1971.
- Аштор, 1968 — *Ashtor S.* Essai sur l'alimentation des diverses classes sociales dans l'orient médiéval // Annales. 1968. 23, 5.
- Бальсдон, 1962 — *Balsdon J. P. V. D.* Roman Women. L., 1962.
- Бальсдон, 1969 — *Balsdon J. P. V. D.* Life and Leisure in Ancient Rome. N. J.; L., 1969.
- Барб, 1963 — *Barb A.* The magic art // Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / Ed. A. Momigliano. Oxford, 1963.
- Баркер, 1969 — *Barker J.-W.* Manuel II Palaeologus (1391—1425): A study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey, 1969.
- Бергер, 1982 — *Berger A.* Das Bad in der byzantinischen Zeit. München, 1982.

-
- Бон, 1951 — *Bon A.* Le Peloponnèse byzantin jusqu' en 1204. P., 1951.
- Браунинг, 1962 — *Browning R.* Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Phillippopolis, and Theodoros Prodromos // *Byzantinobulgarica*. 1962. 1.
- Брейе, 1947—1950 — *Bréhier L.* Le monde byzantin. P., 1947—1950. T. I—III.
- Бурас, 1981 — *Bouras Ch.* City and village: urban design and architecture // *JOB*. 1981. 31/2.
- Бурас, 1983 — *Bouras Ch.* Houses in Byzantium // *Deltion tes Christianikes archaiologikes hetaireias*. Athen, 1983. 4. T. 11.
- Вальтер, 1966 — *Walter G.* La vie quotidienne à Byzance au siècle des Comnènes. P., 1966.
- Верпо, 1959 — *Verpeaux J.* Nicéphore Choumnos. Homme d'Etat et humaniste byzantin (ca 1250/1255—1327). P., 1959.
- Вестеринк, 1951 — *Westerink L. G.* Some Unpublished letters of Blemmides // *BS*. 1951. XII.
- Гарсиа, 1963 — *Garzya A.* Quatto epistole di Niceforo Basila-ce // *BZ*. 1963. 56.
- Гийан, 1922 — *Guilland R.* Le palais de Théodore Metochites // *Revue des études grecques*. 1922. 35.
- Гийан, 1930 — *Guilland R.* La correspondance inédite d'Athanasie, patriarche de Constantinople (1289—1293, 1304—1310) // *Mélanges Charles Diehl*. P., 1930. V. 1.
- Гийан, 1966 — *Guilland R.* Etudes sur l'Hippodrome de Byzance. VI. Les spectacles de l'Hippodrome // *BS*. 1966. XXVII.
- Гийу, 1974 — *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974.
- Грабар, 1932 — *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. P., 1932.
- Грабар, 1963 — *Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IVe—Xe siècle). P., 1963.
- Грабар, 1971 — *Grabar A.* L'art profane à Byzance // *XIVe Congrès international des études byzantines*. Rapport III. Bucarest, 1971.
- Грюмель, 1931 — *Grumel V.* Le miracle habituel de N—D des Blachernes à Constantinople // *EO*. 1931. Avril—juin.
- Дагрон, 1974 — *Dagron G.* Naissance d'une capitale. P., 1974.
- Дагрон, 1976 — *Dagron G.* Minorités ethniques et religieuses dans l'Orient byzantin à la fin du Xe et au XIe siècle. L'immigration syrienne // *TM*. 1976.
- Дагрон, 1977 — *Dagron G.* Le christianisme dans la ville byzantine // *DOP*. 1977. 31.
- Даррузес, 1960 — *Darrouzès J.* Epistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960.
- Даррузес, 1963 — *Darrouzès J.* Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173 // *BS*. 1963. 24.
- Дауни, 1961 — *Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961.

- Дембинска, 1985 — *Dembinska M.* Diet: A comparison of Food Consumption between Some Eastern and Western Monasteries in the 4th — 12th Centuries // *Byz.* 1985. 55.
- Диль, 1905 — *Diehl Ch.* La civilisation byzantine. L'art // *Diehl Ch.* Etudes byzantines P., 1905.
- Диль, 1908 — *Diehl Ch.* Figures byzantines. P., 1908. V. 2.
- Думб., 1964 — ДОР. 1964.18.
- Жанен, 1950 — *Janin R.* Constantinople byzantine. Développement et répertoire topographique. P., 1950.
- Жанен, 1953 — *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Part I, t. III. Les églises et les monastères. P., 1953.
- Иорга, 1935 — *Jorga N.* Byzance après Byzance. Bucuresti, 1935.
- История костюма — A Technical history of costume. L., 1947. V. 2.
- Каэн, 1946—1948 — *Cahen C.* La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XIe siècle) // *Byz.* 1946—1948. 18.
- Каждан, 1982 — *Kazhdan A.* Two Notes on Byzantine Demography of the Eleventh and Twelfth Centuries // *Byzantinische Forschungen.* 1982. Bd. 8.
- Каждан, 1984 — *Kazhdan A.* Hagiographical Notes // *Byz.* 1984. T. 54.
- Каждан, Констель, 1982 — *Kazhdan A., Constable G.* People and Power in Byzantium. Introduction to Modern Byzantine Studies. Washington, 1982.
- Камерон, 1973 — *Cameron A.* Porphyrios the Charioteer. Oxford, 1973.
- Карпозелос, 1984 — *Karpozelos A.* Realita in Byzantine Epistolographie X—XII // *BZ.* 1984. 77.
- Киррис, 1982 — *Kyrris C. P.* La rôle de la femme dans la société byzantine particulièrement pendant les derniers siècles // *JÖB.* 1982. 32/2.
- Кислингер, 1985 — *Kislinger E.* Ernährung // *Lexikon des Mittelalter / Hrsg. u. Berater Bautier R.-H. u. a.* München; Zürich; Artemis, 1985. Bd. 3.
- Клауде, 1969 — *Claude D.* Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. München, 1969.
- Кодер, 1973 — *Koder J.* Negroponte. Untersuchungen zur Topographie und Siedlungsgeschichte zur Insel Euboiawährend der Venezianerherrschaft // *TJB.* 1. Wien, 1973.
- Кондаков, 1924 — *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour byzantine // *Byz.* 1924. 1.
- Коттас, 1931 — *Cottas V.* Le théâtre à Byzance. P., 1931.
- Крамер, 1985 — *Krammer K.-S.* Fränkisches Alltagsleben um 1500: Eid, Markt und Zoll im Volkacher Salbuch. Würzburg, 1985.
- Краузе, 1869 — *Krause J. H.* Die Byzantiner des Mittelalters in ihren Staats-, Hof- und Privatleben, insbesondere vom Ende des vierzehnten Jahrhunderts nach den byzantinischen Quellen. Halle, 1869.
- Краус, 1895 — *Kraus C.* Das gothische Weihnachtspiel // *Beit-*

- rage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle, 1895. Bd. 20.
- Крелинг, 1938 — *Kraeling C.* Gerassa, city of Decapolis. New Haven. Conn., 1938.
- Крузе, 1934 — *Kruse H.* Studien zur offiziellen Geltung des Kaiserbildes im Römischen Reiches // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. Paderborn, 1934.
- Ксингопулос, 1940 — *Xyngopoulos A.* Byzantinos Ioutron en Thessalonike // *Epet. Phil. Sch.* 1940. 5.
- Кукулес, 1948—1955 — *Koukoules F.* Byzantinon bios kai politismos. Athenai, 1948—1955. T. 1—6.
- Курусис, 1969—1970 — *Kuruses St. J.* Hai antilepseis peri ton eschaton tou kosmou kai he kata to etos 1346 ptosis tou troullou tes hagian Sofias // *EHBS.* 1969—1970. 37.
- Лайу, 1967 — *Laiou A.* The provisioning of Constantinople during the winter of 1306 to 1307 // *Byz.* 1967. 37.
- Лайу, 1981 — *Laiou A. E.* The Role of Women in Byzantine Society // *JÖB.* 1981. Bd. 31.
- Лассю, 1934 — *Lassus J.* La mosaïque de Jakto // *Antioch on-the-Orontes.* Princeton, 1934. V. 1.
- Лассю, 1938 — *Lassus J.* Une villa de plaisance // *Antioch on-the-Orontes.* Princeton, 1938. V. II.
- Лассю, 1947 — *Lassus J.* Sanctuaires chrétiens de Syrie. P., 1947.
- Леви, 1947 — *Levi D.* Antioch Mosaic Pavements. Princeton. 1947. V. I—II.
- Либешютц, 1972 — *Liebeschuetz D.* Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972.
- Магулес, 1976 — *Magoulias H. J.* Trades and Grafts in the Lives of the Saints // *BS.* 1976. 37.
- Магдалино, 1985 — *Magdalino P.* Rez.: Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit. München, 1982 // *BS.* 1985. XLXI.
- Малет, 1981 — *Mullet M.* The Classical Tradition in Byzantine letter // *Byzantium and the Classical Tradition.* Birmingham, 1981.
- Манго, 1953 — *Mango C.* Antique Statuary and the byzantine Beholder // *DOP.* 1963. 17.
- Манго, 1972 — *Mango C.* The Art of the Byzantine Empire: Sources and Documents. New Jersey, 1972.
- Манго, 1981 — *Mango C.* Daily Life in Byzantium // *JÖB.* 1981. 31, 1.
- Манго, 1985 — *Mango C.* Le développement urbain de Constantinople (IVe—VIIe siècles). P., 1985.
- Маринеско, 1924 — *Marinesco C.* Manuel II Paléologue et les rois d'Aragon // *Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique.* 1924. XI.
- Ментальность, 1985 — *Mentalität und Alltag im Spätmittelalter / Mit Beitr. von Goetz W., Irsigler F., Kümmell G. et al.* Göttingen, 1985.

-
- Моравчик, 1961 — *Moravcsik Gy.* Sagen und Legenden über Kaiser Basileios // DOP. 1961. 15.
- Орландос, 1971 — *Orlandos A. C.* Quelques notes complémentaires sur les maisons paléologues de Mistra // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971.
- Орландос, 1973 — *Orlandos A.* Ta palatia kai ta spitia tou Mystira // ABME. 1973. 3.
- Острогорский, 1932 — *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise in Byzanz // BZ. 1932. 32.
- Патлажан, 1973 — *Pallagean E.* L'enfant et son avenir dans la famille byzantine (IVe—XIIe siècles) // Annales de démographie historique. 1973.
- Патлажан, 1977 — *Pallagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance 4e—7e siècles. P., 1977.
- Пильц, 1972 — *Pilz El.* Loros-ett byzantiniskt insignium // Byzantina. Nordisk tidskrift för byzantinologi. 1972. 1.
- Пингри, 1973 — *Pingree D.* The Horoscope of Constantine VII Porphyrogenitus // DOP. 1973. 27.
- Повседневность, 1985 — Alltag im Spätmittelalter / Hrsg. von Kühnel H. Graz, 1985.
- Радт, 1978 — *Radt W.* Die byzantinische Wohnstadt von Pergamon // Wohnungsbau im Altertum. Berlin, 1978. 3.
- Райх, 1903 — *Reich R.* Der Mimos. Ein litterarisch-entwicklungsgeschichtlicher Versuch. Berlin, 1903. Bd. 1.
- Рансимен, 1980 — *Runciman St.* Mistra, Byzantine capital of the Peloponnese. L., 1980.
- Рэзнер Вернер, 1985 — *Rösener Werner.* Bauern im Mittelalter. München, 1985.
- Скрантон, 1957 — *Scranton R. L.* Medieval Architecture in the Central Area of Corinth // Corinth. Princeton; N. J., 1957. V. 16.
- Стилвел, 1961 — *Stillwell R.* Houses of Antioch // DOP. 1961. 15.
- Талбот, 1984 — *Talbot A.-M.M.* Old Age in Byzantium // BZ. 1984. 77.
- Талбот Райс, 1964 — *Talbot Rice D.* Byzantinische Kunst. München, 1964.
- Талбот Райс, 1967 — *Talbot Rice T.* Everyday life in Byzantium. N. J., 1967.
- Тафрали, 1913 — *Tafraли O.* Thessalonique au XIVe siècle. P., 1913.
- Тафрали, 1913а — *Tafraли O.* Topographie de Thessalonique. P., 1913.
- Тил, 1959 — *Teall J. L.* The Grain Supply of Byzantine Empire, 330—1025 // DOP. 1959. 13.
- Тиль, 1960 — *Thiel E.* Geschichte des Kostüms. Berlin, 1960.
- Томпсон, Уайчелли, 1972 — *Thompson H. E., Wycheley R. E.* The Athenian Agora, XIV. The Agora of Athens. Princeton, 1972.
- Фенстер, 1968 — *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae. Miscellanea Byzantina monacensia. H. 9. München, 1968.

- Фестюжьер, 1970 — *Festugière A.-J.* Vie de Théodore de Sykéôn. Bruxelles, 1970. T. I—II.
- Фогт, 1931 — *Vogt A.* Etudes sur le théâtre byzantin // *Byz.* 1931. VI.
- Фосс, 1976 — *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge (Mass.); London, 1976.
- Франц, 1961 — *Franz A.* The Middle Ages in the Athenian Agora. Excavation of the Athenian Agora. Princeton, 1961.
- Хауссинг, 1971 — *Haussing H. W.* A History of Byzantine Civilization. L., 1971.
- Ханфманн, 1975 — *Hanfmann G.* From Croesus to Constantine. Michigan, 1975.
- Хейд, 1879 — *Heyd W.* Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879. Bd. 1.
- Хрисостомидес, 1982 — *Shrysostomides J.* Italian Women in Graece in the Fourteenth and early Fifteenth Centuries // *Riv. St. Biz. Slavi.* 1982. 2.
- Хунгер, 1965 — *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz; Wien; Köln, 1965.
- Чаленко, 1953 — *Tshalenko G.* Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif du Bélus à l'époque romaine. P., 1953. V. 1.
- Шевченко, 1971 — *Sevcenko I.* Society and intellectual life in the XIVth century // XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Rapports 1. Bucarest, 1971.
- Шнайдер, 1949 — *Schneider M.* Die Bevölkerung Konstantinopels im XV. Jahrhundert. Göttingen, 1949.
- Эберсолт, 1926 — *Ebersolt J.* La miniature byzantine. P., 1926.
- Эйс, 1960 — *Eyce S.* Le palais byzantin de Nymphaion près d'Ismir // XI Internat. Byzantinisten-Kongress. Akten. München, 1960.

Список сокращений

АДСВ	— Античная древность и средние века
ВВ	— Византийский временник
ВО	— Византийские очерки
ВС	— Византийский сборник
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖМП	— Журнал Московской патриархии
ЗРВИ	— Сборник Радова. Византологички институт
ABME	— Archeion ton Byzantion mnemeion Hellados
BS	— Byzantinoslavica
Byz.	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CFHB	— Corpus Fontium Historiae Byzantinae
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
EO	— Echos d'Orient
JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
MGH AA	— Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi
PG	— Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca
Riv. St. Biz. Slavi	— Rivista di Studi Bizantini et Slavi
SBAW	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
TM	— Travaux et Mémoires

Предметный указатель

- Аскетизм II. 89—91
Баня II. 65; III. 122—123; IV. 196, 217
Библиотеки, книги III. 164, 184; IV. 247
Вино, напитки II.78; III.127—130; IV.198—199, 200—201
Водоснабжение II. 65; IV. 196
Градостроительство, планировка городов II. 63—65; III. 121—122; IV.190—191
Городские дома II. 66—72; III. 121—122, 125; IV. 192—194
Дворцы II. 68—70; III. 123
Досуг, развлечения II. 103—104; IV. 243—246, 248—250
Зрелища, празднества II. 98—100, 105; III. 166, 172, 178—184; IV. 233—234, 237—241
 ипподром II. 109—114; III. 179—181; IV. 245
 театр II. 105—109; III. 173—176; IV. 236—237
Кладбища III. 124—125
Косметика II. 84; III. 146—148; IV. 217, 220
Кружки образованных людей II. 101—102; IV. 246—248
Магия, суеверия, гадания III. 167—172; IV. 251—254
Мебель II. 69; III. 125—126; IV. 197
Моления, крестные ходы II. 91
Монастыри, монашество II.90—92
Нравы, образ жизни II.100—103, 104—105; III.150—155, 164—166; IV. 250—252
Одежда II. 79—87; III. 134—146; IV. 203—212
Отношение к иностранцам IV. 225—226
Отшельники, юродивые II. 87—90, 104—105; III. 150; IV. 239
Охота II. 101; III. 151; IV. 243
Пища II. 76—79; III. 126—129, 130—134; IV. 197—200
Пирь II. 74; IV. 202
Положение женщины, отношение к ней II. 93—96; III. 158; IV. 223—225
Поселения сельские II. 72—75; III. 118—121; IV. 193—196
Посуда II. 69—70; III. 126; IV. 201—203
Похороны, траур II. 97—98; IV. 232—233

Прически, бороды II. 80—82; IV. 217

Свадьба, венчание, выбор невесты II. 92—93; III. 152—163; IV. 230—232

Семья, брак II. 96—97; III. 155—159, 161; IV. 220—223

Телесные наказания, казни IV. 241—242

Украшения II. 82—87; III. 146; IV. 210

Церемонии III. 184—187; IV. 226—230

Церковные службы, чины III. 175—177; IV. 233—237

Численность населения IV. 190

Этнический состав населения II. 62—63; III. 115—116; IV. 191

Ярмарки, торговля II. 78; IV. 191

Список иллюстраций

1. Византийские крестьяне. Сцена работы на подсолнечниковом поле. *По миниатюре XI века, Париж*
2. Кораблестронтелли. *По миниатюре X века*
3. Византийская корона. *XI век, Будапешт*
4. Жилая усадьба Херсона поздневизантийского периода. *Реконструкция Ю. Г. Лосицкого*
5. Византийское войско. *По миниатюре XIII века, Мадрид*
6. Герб Палеологов. *По миниатюре XV века, Ленинград*
7. Ученый. *По миниатюре первой половины XIV века, Вена*
8. Саккос московского митрополита. *1322, Москва*
9. Скоморохи. *По фреске XI века, Киев*
10. Красноглиняная миска XIII—XIV веков, Херсонес (1); белоглиняная тарелка с акварельной росписью середины XII — середины XIII века, Херсонес (2)
11. На ипподроме. Император вручает венцы победителям. *По изображению на обелиске, Стамбул*
12. Серебряный кувшин. *VII век, Ленинград*
13. Серебряные ложечки. *Конец IV—VII век, Ленинград*
14. Бронзовый светильник в виде грифона. *IV век, Ленинград*
15. Висячая бронзовая лампа в форме верблюда. *IV век (?), Ленинград*
16. Серебряный граненый кувшин. *Конец VI — начало VII века, Ленинград*
17. Император, архиепископ и придворный. *По мозаике VI века, Равенна*
18. Императрица с придворными дамами. *По мозаике VI века, Равенна*
19. Костюм сельского жителя. *По росписи римских катакомб, IV век*
20. Костюм простолюдинки. *По мозаике XII века, Палермо*
21. Сцена в цирке. *По диптиху из слоновой кости V века, Ленинград*
22. Глadiator. *По диптиху из слоновой кости V века, Ленинград*
23. Сцена из сельской жизни. *По миниатюре XI века, Париж*
24. Ваза из агата и золота с рубинами и гранатами. *X—XI век, Ленинград*
25. Трапеза в присутствии члена императорской семьи. *По мотивам миниатюры второй половины XIII века, Мадрид*
26. Гребень. *XI век, Коринф*
27. Император в дивитисии с лором. *С резной пластины из слоновой кости X века, Москва*
28. Лор в одежде императора. *По мозаике второй половины X века, Стамбул*
29. Император в далматике. *По рукописи XI века, Париж*
30. Детали императорской одежды и декора каймы. В центре — оплечье-маниакий
31. Император в чешуйчатой кирасе, в сагионе, застегнутом фибулой. *По миниатюре XI века, Венеция*
32. Императорский костюм XI века. *Кость, Париж*

-
33. Императрица. По мозаике начала XII века, Стамбул
 34. Ткань X века с восточным рисунком
 35. Парадная обувь императора XI века. По реконструкции в книге «*A Technical history of costume*» (L., 1947, т. 2, р. 159).
 36. Сцена охоты. По мотивам миниатюры XI века, Венеция
 37. Танцор и два музыканта с лютнями. По миниатюре XII века, Оксфорд
 38. Акробат и два флейтиста. По миниатюре XII века, Оксфорд
 39. Поединок на ипподроме перед императором. По миниатюре второй половины XIII века, Мадрид
 40. Один из жилых кварталов поздневизантийского Херсона. Реконструкция Ю. Г. Лосицкого
 41. Сбор урожая. По миниатюре XIV века, Париж
 42. Пюпитр. По миниатюре последней четверти XIII века, Париж
 43. Пюпитр. По миниатюре последней четверти XIII века, Париж
 44. Красноглиняная глазурованная посуда поздневизантийского времени из Херсонеса
 45. Придворный в сане великого логофета. По изображению на серебряном окладе иконы конца XIII — начала XIV века, Москва
 46. Одежда дамы из высших кругов. По изображению на серебряном окладе иконы конца XIII — начала XIV века, Москва
 47. Кавадий. По миниатюре середины XIV века, Оксфорд
 48. Восточное влияние в одежде: халат и тюрбан-факеолида. По мозаике первой четверти XIV века, Стамбул
 49. Наряд дамы аристократического рода. По миниатюре середины XIV века, Оксфорд
 50. Одежда патриарха. По монастырской фреске IX века, Афон
 51. Большой омофор в одежде епископа. По рукописи IX века
 52. Одевание монаха. По миниатюре XIV века, Париж
 53. Поднятие императора на щите во время коронации. По мотивам миниатюры XIII века, Мадрид
 54. Скоморохи. По миниатюре второй половины XIII века, Мадрид
 55. Придворный. По мотивам миниатюры XIV века, Париж

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

3

Глава I

ВИЗАНТИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ

8

Глава II

ЗАКАТ АНТИЧНОСТИ:

жилище, костюм,

круг интересов византийцев

62

Глава III

ВИЗАНТИЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ:

праздники и будни

115

Глава IV

ПОЗДНЯЯ ВИЗАНТИЯ:

традиции и новшества

188

Послесловие

261

Примечания

265

Использованная литература

278

Список сокращений

295

Предметный указатель

296

Список иллюстраций

298

**Маргарита Адольфовна Поляковская
Александра Алексеевна Чекалова**

ВИЗАНТИЯ: БЫТ И ПРАВЫ

**Редактор О. Л. Сафьянова
Художник Е. Охотников
Технический редактор Е. В. Ромашова
Корректор Т. С. Валек**

ИБ 301

Сдано в набор 05.09.88 г. Подписано в печать 10.02.89 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,17. Тираж 8400. Заказ 406. Цена 95 к.

Издательство Уральского университета.
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 136.

Типография издательства «Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

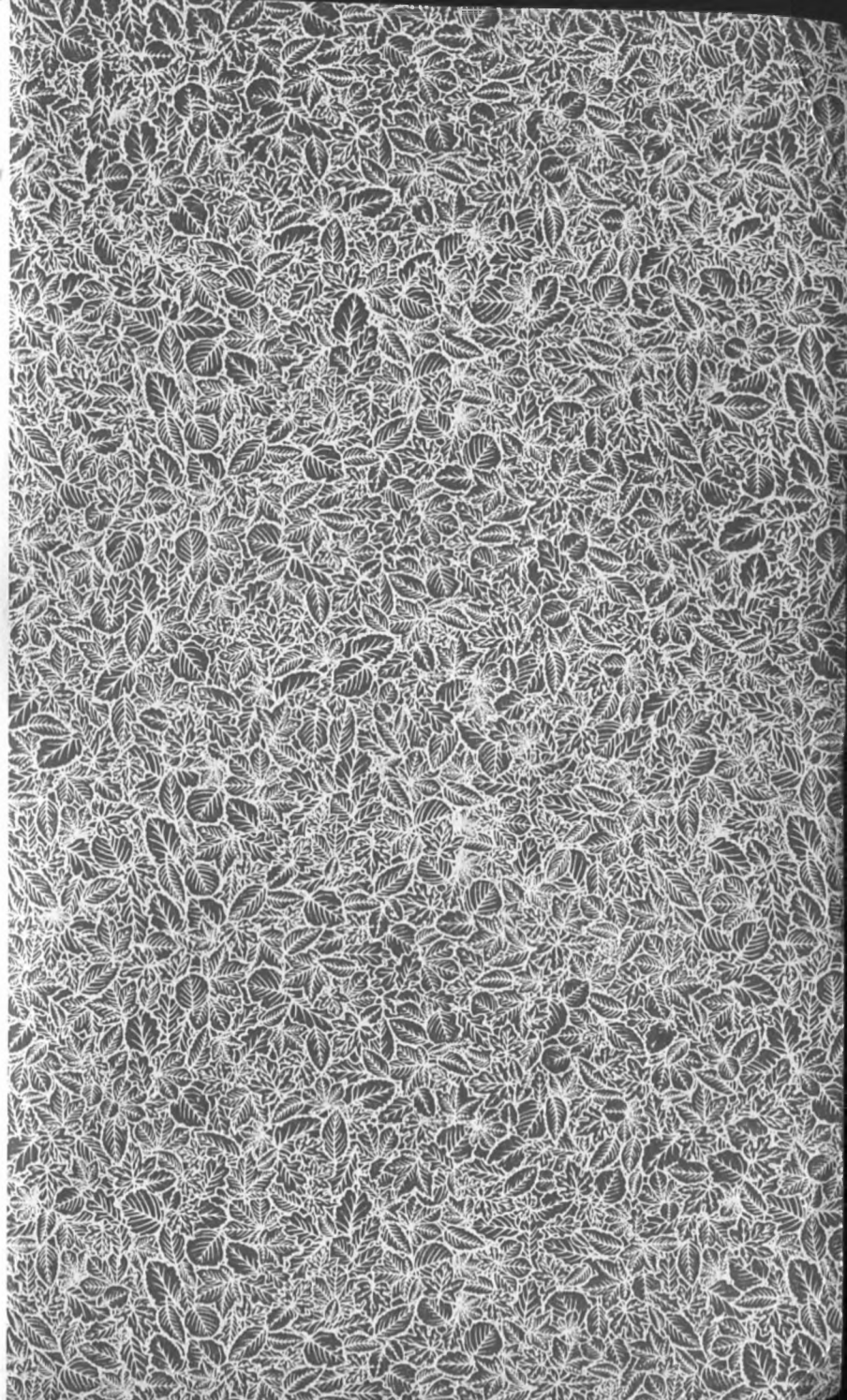
В Издательстве Уральского университета готовится к печати монография

Памятники литературы и письменности русского крестьянства Зауралья / Отв. ред. Р. Г. Пихоя. Объем 25 п. л. Цена 5 р. 20 к.

Книга вводит в научный оборот новые материалы по истории духовной культуры и общественного сознания народных масс дореволюционного Урала.

Для научных работников, изучающих культуру России и Урала, аспирантов и студентов гуманитарных вузов, краеведов.

Заявки направлять по адресу: 109202, Москва, Вторая Фрезерная, 14, ЦОКБ.

Цена 95 к.

